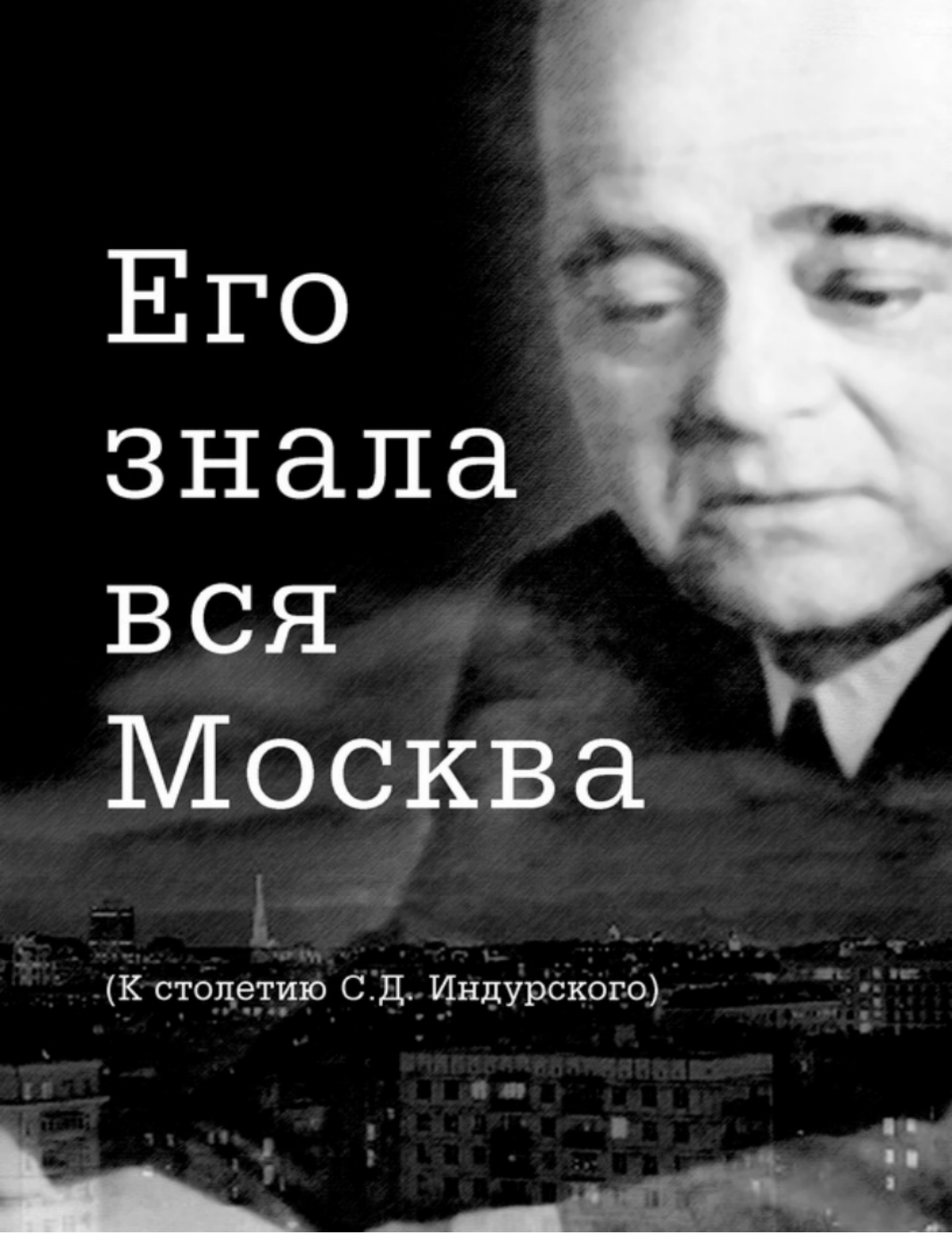


Его знала вся Москва

(К столетию С.Д. Индурского)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

…Вместе с Индурским ушла в небытие и эпоха старой «Вечерки». Перечитывая сегодня отрывки из его книжки «Газета выходит вечером», погружаемся в мир стремительно ушедших тем, забот, интересов рядовых москвичей, подписчиков и читателей, так и не ставших жителями города «коммунистического будущего». Политики в газете было мало, зато много информации, быта, спорта, культуры. Быстро устаревшие проблемы кажутся ныне наивными. Но это была жизнь нашего города, и поэтому заслуживает хотя бы архивного, исторического внимания.

Память – коварная вещь. Она склонна к забвениям и преувеличениям. Круто меняются времена. Пришла эпоха интернета. Уходят люди. Но вот уже почти четверть века 15 января у могилы Семена Давыдовича Индурского на Преображенском кладбище собираются те, кто работал с ним в «Вечерней Москве». Выпивают горькое вино, закусывают и вспоминают. Среди них и люди нового поколения из старой столичной газеты.

Скромная книжка, которая перед Вами, – дань памяти человека, которого знала вся Москва.

- Его знала вся Москва (К столетию С.Д. Индурского)
  - От составителя
  - О нем вспоминают коллеги
    - Слово об индурском
    - Квартира на Абельмановке
    - А начинал курьером…
    - Классик вечерних новостей
    - Семен и его команда
    - «Период Индурского»
    - Он любил своих сотрудников
    - Каким был мой дед
  - Из книг С.Д. Индурского
    - Газета выходит вечером
      - Публицистика фактов
      - Друг наш писатель
      - Читатель берется за перо
      - Справки, справки, справки…
    - Редакционные улыбки
      - Коллекция «ляпов»
      - Буря не разразилась…

- Редкостный экземпляр
- «Грачи прилетели»
- Дорогая опечатка
- Заголовок
- Личная точка зрения
- Опровержение
- Опыт по кругу
- Опустив глаза
- Отрывок из повести
- Что легче?
- Приметы
- Перепутал
- Сверхоперативность
- Сила рекламы
- Совещание на лету
- Совпадение
- «Спасибо, удружил!»
- Талант убеждения
- Тяжелый разговор
- Упрямая информация
- Удивил
- Уравновесил…
- Цель достигнута
- Наш Дмитрии Павлович
- И родился М. Вечеркин
- А это мне рассказали:
- Ираклий Андроников
- Борис Ефимов
- Рубен Симонов
- Арутюн Акопян

Его знала вся Москва (К столетию С.Д. Индурского)

От составителя

С Индурским я впервые встретился и познакомился в самом начале семидесятых. Кажется странным, что, работая в «Московском комсомольце» в одном здании с «Вечерней Москвой» на Чистых прудах, я никогда не видел его. До тех пор, пока не женился на его дочери.

«Вечерка» была высоко, на шестом этаже. Мы работали на втором и мало интересовались партийной печатью. Шли последние годы хрущевской оттепели, мы были молодые, левые, а Семен Давыдович Индурский избирался делегатом партсъездов, был членом горкома партии, откуда нам постоянно грозили выговорами и замечаниями. Журналисты «МК» были бедные, но гордые, задирали нос, гордились своим раскованным, фирменным стилем и мечтали о социализме с человеческим лицом. Наш редактор Леша Флеровский точно отражал этот тип журналиста-шестидесятника.

В одном Алексей Иванович, будучи опытным газетчиком, тайно завидовал «Вечерке». Ее оперативной, информационной насыщенности. Много раз он пенял мне, как заведующему отделом литературы и искусства, приводя в пример знаменитого репортера Всеволода Васильевича Шевцова, который был вхож во все театры и творческие салоны Москвы.

Индурский руководил газетой более двадцати лет. Это

абсолютный рекорд советского редакторского долголетия.

Нынешняя вечерняя Москва с ее показной и безвкусной роскошью и затаенной нищетой не похожа на нашу столицу двадцатипятилетней давности. Вместе с Индурским ушла в небытие и эпоха старой «Вечерки». Перечитывая сегодня отрывки из его книжки «Газета выходит вечером», погружаемся в мир стремительно ушедших тем, забот, интересов рядовых москвичей, подписчиков и читателей, так и не ставших жителями города «коммунистического будущего». Политики в газете было мало, зато много информации, быта, спорта, культуры. Быстро устаревшие проблемы кажутся ныне наивными. Но это была жизнь нашего города, и поэтому заслуживает хотя бы архивного, исторического внимания.

Газету уважала творческая интеллигенция, ведущие спортсмены и тренеры. Когда надо было уговорить коренного динамовца К.И. Бескова перейти в «Спартак», чтобы вытащить после небывалого провала знаменитую команду из первой в высшую лигу, к строптивому футбольному маэстро отправился Индурский по просьбе московских властей. И ведь сдался Бесков, принял и возродил «Спартак» на радость болельщикам и начальству, чьи интересы на время абсолютно совпали.

Индурский спешил делать добро и помогал многим людям. Об этом осталось немало устных и письменных свидетельств. Особенно он заботился о сотрудниках «Вечерки» – квартиры, путевки, детские сады и лагеря – здесь он был неутомимый и весьма успешный ходатай.

Хорошо помню негласное участие Семена Давыдовича в назначении главным редактором «Московского комсомольца» Павла Гусева, бывшего студента моего семинара в Литературном институте. И ведь точный выбор! «МК», несмотря на всякого рода политические перемены, на долгие годы сохранил и умножил свою популярность.

В быту Семен Давыдович был обаятельным, совершенно нечиновным человеком. Никогда не слышал от него ортодоксальных, официозных речений. Партии, конечно, служил, но умеренно, не за счет потери собственного достоинства. Приносил домой (для сверхслужебного пользования!) в отнюдь не вегетарианские времена и давал читать «Архипелаг ГУЛАГ», «Колымские рассказы» Шаламова, книги Авторханова. Много лет болея диабетом, он все же при моем появлении стал позволять себе рюмку водки за ужином, чтобы составить компанию. Виделись мы и в болшевском доме творчества кинематографистов, играли в преферанс вместе с четой Райзманов. Преферанс Индурский любил самозабвенно, знал толк

в футболе, постоянно посещал с женой все театральные премьеры. И теща моя, милейшая Ольга Наумовна, дай Бог всякому, приближается к девяностолетию.

Память – коварная вещь. Она склонна к забвениям и преувеличениям. Круто меняются времена. Пришла эпоха интернета. Уходят люди. Но вот уже почти четверть века 15 января у могилы Семена Давыдовича Индурского на Преображенском кладбище собираются те, кто работал с ним в «Вечерней Москве». Выпивают горькое вино, закусывают и вспоминают. Среди них и люди нового поколения из старой столичной газеты.

Скромная книжка, которая перед вами, – дань памяти человека, которого знала вся Москва.

Е. СИДОРОВ

О нем вспоминают коллеги

Слово об индурском

Егор ЯКОВЛЕВ

Уже выздоравливал, поднимался, ходил, уже улыбался той мальчишеской улыбкой, которая начисто снимала представление о его возрасте. Наверное, уже выражал, как бывало обычно, недовольство тем, что спрашивают о здоровье: «При чем здесь здоровье?»… А с рассветом его не стало – ночь отняла у нас еще одного…

Не стало Семена Индурского – человека, которого знала вся Москва. Еще бы! 21 год бессменно редактировал «Вечерку». А начинал без малого шесть десятилетий назад курьером московских газет… Теперь вышел номер, в конце которого нет набранной черным шрифтом строчки – редактор С. Д. Индурский. Этим и отличается свежий номер от 6 тысяч 300 номеров, ему предшествующих, – их всякий раз подписывал Индурский.

Старый москвич на трамвайном маршруте «А» не скажет иначе как «Аннушка» и свою вечернюю газету называет «Вечеркой». Так же доверительно, не побоюсь сказать интимно, относились к ее редактору. «Вечерку» хвалили, случалось – ругали, точнее – корили, как бывает в родной семье. И всегда любили. Любили и Семена Индурского – читатели, коллеги.

Для редакторской судьбы одного сердца, скорее всего, мало. Некоторых редакторов, из тех, кто руководил газетой до него, хотя они были заметно моложе Семена Индурского, давно уже нет в живых. А Индурский тянул – и не только редакторскую лямку. Был фронт подле Москвы, и он был фронтовым репортером. Недоброе начало 50-х годов захлопывало перед ним двери редакции, он лишался любимой работы. Все бывало в жизни этого хрупкого на вид, но очень сильного человека.

Был несуетлив. Менялись времена, исчезали одни транспаранты над Москвой, и через паузу появлялись другие. А он вел газету, не стремясь кому-то персонально понравиться: работал, как подсказывали долг, порядочность.

Не говорил о заслугах, ни на что не претендовал, а потому, наверное, был свободен от обид. Ему никто не напоминал о возрасте, но сам он о нем помнил: пошел и попросился на пенсию. Его уговорили поработать. Он и работал – пока мог.

И было у Семена Индурского еще одно качество, в котором убеждались очень многие: всегда старался помочь. Во всем, в чем мог. И тем, кому мог. Ни один траурный зал не сможет вместить всех, кого поддержал в своей жизни Семен Индурский. Помню,

как пришел к нему с ныне известным писателем. Плохо у того было с жильем. Редактор «Вечерней Москвы» посмотрел документы: «Писатель ты хороший, а правильно составить заявление не умеешь». Взял лист и стал писать писателю его заявление… Увижу ли того литератора среди тех, кто придет проститься с Семеном Индурским? Сам он никогда не забывал о добре.

На факультете журналистики МГУ учится его внук. Будь Индурский, скажем, трактористом, пойди и внук тем же путем, очевидно, это бы больше приветствовалось. А я, признаться, думаю иначе. Если внук хоть в чем-то окажется похож на деда – нашей профессии еще раз повезет.

В песне о сложившем голову фронтовом репортере был припев: «И вышли, как всегда, „Известия", и „Правда", и „Красная звезда"». Выйдет и «Вечерняя Москва» – сегодня вечером.

Квартира на Абельмановке

Борис РУМЕР, Михаил РУМЕР (США)

На востоке Москвы, где когда-то проходил Камер-Коллежский вал, еще в начале XIX века очерчивавший городские границы, в двадцатые годы прошлого века на тогдашней окраине города, у Абельмановской заставы построили с десяток многоквартирных четырехэтажных домов. Это был небольшой поселок, от которого дальше к городским бойням шли улицы и переулки деревянного двух– и одноэтажья с дурно пахнущими от сараев-уборных дворами. Поселок в просторечье называли «новые дома». Квартиры в них обладали немалым для того времени уровнем комфорта – центральным отоплением, газом, канализацией и водопроводом. Селили туда разный народ – рабочих, инженеров, мелкий чиновный люд. Жили в каждой квартире чаще всего по две семьи в отличие от коммуналок центра, где в бывших барских многокомнатных квартирах обитало по десятку семей. В окрестных дворах царили воровство, жестокие драки, безотцовщина. Отцы наших сверстников воевали, сидели, и «черный ворон» – тюремный автомобиль – был частым гостем в «новых домах».

Мы – родители и трое детей – жили в двух комнатах, полученных в начале тридцатых годов матерью (она работала одно время секретарем в каком-то солидном учреждении, кажется, в «Мосэнерго»), а не отцом – преуспевающим журналистом. Когда же отцу лет семь спустя, незадолго перед арестом предложили трехкомнатную ведомственную квартиру на улице Правды (он был членом редколлегии «Комсомолки»), мать решительно отказалась туда переезжать, проявив незаурядное политическое чутье. «Тебя посадят, – сказала она отцу, и меня с детьми выкинут из этой квартиры. А так я у себя». И оказалась права, его вскоре посадили, а нас, хотя и были мы семьей «врага народа», не тронули, оставили на Абельмановке. Третья комната в квартире, похоже, была в ведении хозяйственного управления Московского обкома партии, и в ней постоянно селили людей, так или иначе причастных к этой системе. В конце тридцатых в ней жил с семьей Дмитрий Емельянов, работавший то ли в заводской многотиражке, то ли уже в газете «Московский большевик».

Вскоре после ареста отца Емельянов получил отдельную квартиру и съехал от нас. А в комнату вселилась семья Индурских.

Семен же (тогда еще мало кто называл его по имени отчеству

– Семен Давыдович) к своим 27 годам успел послужить в армии, потрудиться в районных газетах Московской области и теперь работал в «Московском большевике», где некогда начинал курьером. Это было легендой здания на Чистых прудах, где в шестидесятые годы располагались московские газеты: редактор «Вечерки», начинавший здесь курьером. Но младший из нас двоих, работая в те годы в «Московской правде», помнил, как редакционная курьерша тетя Нюша, разносившая по отделам полосы, шаркая старческими ногами, встречая Индурского на лестнице, называла его Сенечкой: «Я ж его мальчишкой помню».

Впрочем, курьерское начало биографии, связанное с Индурским, проявляется в судьбах разных весьма известных в нынешнее время людей. «Я ж начинал курьером в «Вечерке» при Индурском», – говорит телеведущий Лев Новожженов. «Представьте себе, я был в юности курьером у Индурского», – рассказывает советник президента России Михаил Федотов. Может, это так надо было – начинать курьером в «Вечерке», чтобы сделать карьеру в соответствии с классической американской легендой о мальчишке-газетчике, ставшем миллионером? Но вернемся к предвоенным временам.

Семен работал в военном отделе «Московского большевика», который в 41-м стал прифронтовой газетой. Дома почти не бывал, жил в редакции, как тогда говорили, на казарменном положении.

Комната часто стояла пустая. Ключ Семен оставлял нам, не возражая против наших мальчишеских визитов и пользования книгами, которыми был набит шкаф. Как он помнится, этот шкаф, и просторная тахта рядом с ним, на которой так сладко читался Диккенс (великолепное довоенное издание), Гоголь!

Этот ключ сыграл спасительную роль в истории нашей семьи. Сразу же после войны отец, отсидев первый срок на Колыме, возвращался, как там говорили, на материк. В Москве ему не то чтобы жить, но даже и появляться было нельзя – «поражение в правах» – осесть разрешалось в каком-нибудь небольшом и уж конечно не в столичном городе. Но не соблазниться возможностью повидаться с женой, с выросшими за девять лет его отсутствия детьми было невозможно. И он появляется на Абельмановке, наслаждаясь общением с нами, не выходя из дома, понимая, что счастье наше незаконно, оно украдено у властей, но оттого ощущается еще острее. Пребывание отца в Москве грозит ему не просто высылкой, чего доброго, и новый лагерный срок могут навесить. Индурский же, уходя на работу, каждое утро оставляет нам ключ от своей комнаты – на всякий случай. Понимал ли он, какой это мог быть случай? Конечно, понимал, нравы и законы этой власти не мог не знать.

Резкий звонок в дверь раздался днем. Мать, работавшая истопником, была в котельной. Старший из нас, тогда шестнадцатилетний, уверенный, что это соседка с нижнего этажа – она всегда звонила так резко, пошел открывать. Одновременно с лязгом замка раздался тихий звук другого осторожно закрываемого английского замка. Отец предусмотрительно вошел в комнату соседа. В тот же миг сына буквально отбросило к стене распахнувшейся дверью, и в переднюю быстро вошли в сопровождении испуганной управдомши двое мужиков в сапогах и синих пальто.

– Где отец?

– На Колыме.

– Знаем, на какой он Колыме.

Прошли в комнаты, раскрыли створки шкафа, заглянули под кровать. В сомнении остановились у соседской двери.

– А здесь кто живет?

– Журналист из «Московского большевика», – пролепетала управдомша.

– Журналист… – проворчал один. – Знаем мы этих журналистов.

Отец стоял за дверью, затаив дыхание. Ключ, торчавший с внутренней стороны, не был вынут. Оперативники недовольно потоптались в прихожей, но дверь ломать не решились. Ушли, грохоча сапогами. Ночью нас выслали в дозор. Отец вышел в надвинутой на лоб кепке. Его переправили к друзьям, и больше он уже не появлялся на Абельмановке до самой своей реабилитации.

Мы все помним эту историю, она осталась в анналах семьи, разбросанной нынче по континентам. И если есть у Семена Индурского грехи (а у кого их нет?), пусть они простятся ему на том свете за этот спасший нас ключ. У нас троих (нас двое и сестра) есть основания быть ему благодарными. В самые тяжелые годы он проявлял себя по отношению к нам, семье врага народа, безукоризненно, как абсолютно порядочный человек. Это факт.

Семья Индурского выглядела счастливой. Тон задавала его жена Оля – так просто она просила себя называть. Росла прелестная маленькая дочка. Ходили в гости, и сами принимали у себя людей, не пропускали театральные премьеры, знались с актерами, писателями, известными спортсменами. Помнится приход в нашу квартиру нападающего московского «Динамо» Василия Трофимова (Семен дружил с ним), ребята со всего двора выстроились у нашего подъезда, чтобы взглянуть на знаменитого Василька. Каждый год Индурские ездили отдыхать на юг, после чего Семен обязательно оставлял на нашем кухонном столе

корзинку с привезенными фруктами. Добра и внимательна была и Оля. О ней у нас тоже сохранились очень теплые воспоминания. Когда младший из нас заскучал в свои отроческие годы, не находя себя в дворовых мальчишеских играх, она, выросши на Покровке и памятуя свое не такое уж далекое отрочество, посоветовала поехать на Кировскую, в переулок Стопани, где тогда в двух старинных барских особняках находился городской Дом пионеров с его многочисленными кружками, рассчитанными на интеллигентных мальчиков и девочек. И более того, дала денег на трамвай, что было немаловажно в условиях нашего нищего быта. Совет пришелся впору. Литературный кружок Дома пионеров вошел в жизнь младшего, приохотил его к перу, сдружил с людьми, отношения с которыми продолжались десятки лет.

Где-то в конце сороковых или начале пятидесятых, в разгар борьбы с космополитизмом и набирающей ход антисемитской кампании Индурского выкинули из «Московского большевика». Речь шла о какой-то чужой газетной ошибке, но повод найти было так просто, а последствия могли стать столь непредсказуемыми, что уход из газеты и последующее устройство рядовым редактором в издательство можно было считать еще удачным исходом. Роковую роль в его изгнании из газеты, по рассказам Семена уже в семидесятые годы, сыграл тот же Дмитрий Емельянов, который тогда был заместителем редактора газеты. Дядя Митя, как мы его называли в детстве и как его звали многие молодые провинциальные редактора, распивавшие с ним бутылку в бытность его впоследствии каким-то начальником в Союзе журналистов, был верным солдатом партии и шел в первых рядах любой проработки. Вот ведь чертова квартирка, могли мы сказать булгаковскими словами: в одной комнате, правда в разное время, жили и проработчик и его жертва.

После смерти Сталина Индурский вернулся-таки на газетную работу – заместителем редактора «Московского комсомольца», что было не по его сорокалетнему возрасту, а вскоре перешел в «Вечерку» также заместителем редактора и в 1966-м, после ухода Виталия Сырокомского в «Литературку», стал главным. Но этот сюжет его жизни проходил уже за пределами Абельмановки, он получил в соответствии со своим новым положением отдельную двухкомнатную квартиру в престижном районе города. Тем не менее видеться с ним младшему из нас приходилось в шестидесятые – начале семидесятых годов в период работы в «Московской правде», которая находилась на пятом этаже газетного здания на Чистых прудах, а на шестом этаже располагалась «Вечерняя Москва». Но встречи эти проходили не

столько в редакционных коридорах, сколько во время регулярных собраний городского партийного актива в Колонном зале. Там за сценой находилась большая Красная гостиная (называемая так по цвету отделки), куда по телеэкрану транслировалось все, что происходит в зале, и где сидела аппаратная горкомовская рать вместе с редакторами московских газет с членами своих редколлегий. Рядом с Индурским всегда был его зам. и наперсник – зав. партийным отделом Илья Пудалов – старый, тертый-перетертый в аппаратных делах. Да и сам Семен был искушен в этих играх более чем достаточно. Долгая и трудная газетная жизнь, «опыт – сын ошибок трудных» научили его осторожности и уменью обращаться с властью предержащей. Однако в разговорах с младшим из нас (а время поболтать в Красной гостиной было) он отмякал, охотно вспоминал Абельмановку, наше детство, но порой и по-своему опекал, учил правилам поведения. Как-то, когда младший, соскучившись ровным течением доклада Гришина, начал читать газету, к нему подсел Илья Пудалов: «Тебе велено передать, что, когда первый секретарь выступает с докладом, газету читать не стоит». Подумалось, кто ж это такой заботливый? Редактора «Московской правды» Юрия Балаценко здесь не было, да и он сам держался куда свободнее, чем другие редактора. Но тут же заметным стал укоризненный и твердо-упорный взгляд Индурского. Знал, знал Семен Давыдович, что можно и чего нельзя делать в Красной гостиной!

Но при всей своей осторожности евреев в газету брал. Может быть, не так густо, как Балаценко, которому, конечно, можно было предъявить обвинение в неправильном подборе кадров. У него, правда, имелось объяснение своей юдофилии: «Если русский у меня способный появляется, его вскоре в центральную газету переманят – откуда ж им кадры брать? А евреи остаются…» В результате создавался образ все уплотняющегося еврейского чернозема, так что один мой остроязыкий товарищ, идя по коридору «Московской правды» и рассматривая таблички с фамилиями заведующих отделами на дверях, заметил: «Да у вас тут просто какое-то еврейское кладбище – Лимбергер, Резников, Румер…» Но Индурскому в силу его собственного еврейского происхождения было труднее, тут обвинения могли быть посерьезнее. Тем более, что чернозем этот уплотнялся и до него. В редакции имелось немало евреев, работавших там с незапамятных времен, как, например, тот же Пудалов. И все же брал. Взял Бориса

Винокура, взял Давида Гая, одного из лучших перьев «Вечерки» (ныне он в Нью-Йорке, где написал два отличных романа, изданных в России, и к тому же является заместителем

редактора литературного журнала «Время и место»).

Пожалуй, здесь имеет смысл заканчивать наш короткий мемуар. Многие люди помнят Семена Давыдовича Индурского, связывают с ним свою жизнь и то время – противоречивое, сложное время, в которое мы жили. А мы еще вспоминаем и свое детство, и юность, символом которых стала квартира на Абельмановке, и доброе к нам отношение нашего знаменитого соседа.

А начинал курьером…

Юрий ИЗЮМОВ

Газету, весь ее сложный механизм с торчащими наружу рычагами и скрытыми пружинами, со всеми тонкостями внешних связей Семен Давыдович знал лучше всех в «Вечерней Москве». На сладкой газетной каторге он начинал курьером, поднимался со ступеньки на ступеньку и пост главного редактора занял потому, что лучшей кандидатуры найти было невозможно.

Мне приходилось работать с разными главными редакторами, я в газете с 1952 года и, сказать по чести, равного ему профессионала не встречал.

Ровно в 9.00 Индурский всегда был на своем рабочем месте. На его письменном столе с предыдущего дня лежал лист бумаги, испещренный записями обо всем, что надлежало сделать. Семен Давыдович был большим аккуратистом. Это проявлялось во всем: в одежде, в порядке в кабинете, в четко расписанном и неукоснительно соблюдаемом режиме дня, помогавшем справляться с разными недугами. Придя в редакцию, он первым делом просматривал этот лист, вычеркивал то, что было сделано, а все, что оставалось невыполненным, переносил на новый лист, который потом заполнялся и заполнялся до самого вечера.

Первый час работы занимало решение вопросов, возникших по ходу выпускаемого номера. В 10 начиналась планерка по следующему. Доклад секретариата, заявки отделов, претензии, споры, жалобы – все укладывалось в 30 минут. Что бы ни случилось, газета должна была быть подписана в печать в 2 часа дня. И она всегда в 2 часа подписывалась.

К этому времени во дворе типографии и в Потаповском переулке стояла вереница голубых почтовых грузовиков с белыми полосами наискосок на бортах. Наступает момент, когда типографское здание легонько вздрагивает: начинает работать газетная ротация. А вот и пачки свежей «Вечерки» посыпались с конвейеров в кузова грузовиков, развозящих ее по всему городу. Подписчикам газета доставлялась в тот же вечер. Их было очень немного, официально подписки не существовало, оформляли ее только очень заслуженным людям или по доброму знакомству с редакцией; в 6-этажном доме по Большому Козловскому, где я жил, «Вечернюю Москву» получала одна семья – солистов балета Большого театра Р. Стручковой и А. Лапаури. Это было всем известно, так как на почтовых ящиках жильцов, занимавших иногда всю площадь дверей коммунальных квартир, для удобства

почтальонов наклеивались заголовки получаемых ими изданий.

В киоски «Союзпечати» газета попадала от 4 до 5 вечера. Но еще за час до того у них выстраивались очереди самых преданных читателей. В дни же, когда печатались таблицы выигрышей по государственным займам, в них стояли сотни людей. 100-тысячный тираж расходился мгновенно. Можно ли представить картину слаще этой для всех вечерочников. Идешь или едешь с работы, видишь эти очереди и, как пелось в песне тех времен, «в сердце приходит отрада».

Самые первые, пробные свежие номера поступали, конечно, в редакцию. Семен Давыдович, а с ним весь редакционный аппарат, рабочие типографии их внимательнейшим образом просматривали. Газетное дело неизбежно связано с самыми неожиданными неожиданностями. Ладно, опечатка, а то ведь такие ляпы проскакивали, что лучше не вспоминать. Чтобы их выловить, давалось 15–20 минут от подписания номера «в печать» до подписания «в свет». Не знаю, как уж это получалось, но чаще всех ошибки замечали рабочие ротационного цеха, за что получали премии от редакции. Наверное, дело в том, что у них, что называется, «глаз незамыленный». В случае такого ЧП ошибка мгновенно устранялась прямо у наборного талера, исправлен*ная* полоса заново матрицировалась, и все это за те же 15–20 минут.

Предшественник Индурского на посту главного редактора читал газету уже после ее выхода и если был чем недоволен, устраивал разнос на следующий день на планерке. Все понимали ущербность такой методы, но главный есть главный, с ним не поспоришь. Семену Давыдовичу как заместителю за редкие в общем-то ошибки и неудачные материалы приходилось первым выслушивать гневные тирады не стеснявшегося в выражениях шефа. Став главным, он этот стиль работы сразу отверг.

Если ошибки все же случались – а это неизбежно, все газетчики знают, что, пока существуют газеты, ошибки в них обязательно будут, ибо идут от самой природы человека, – Семен Давыдович, конечно, очень переживал, но на планерке ограничивался сдержанным замечанием. А видя расстроенное лицо виновника, философски произносил: «Но ведь вышедший номер у нас не последний, завтра выйдет следующий, дадим поправку».

«Вечерка» печаталась тогда на четырех полосах, из которых одна, четвертая, отводилась под объявления. При огромном разнообразии и изобилии событий и тем в жизни столицы, чтобы все их вместить в остающиеся три полосы, надо было писать предельно скупо, не забывая при этом ТАССовского принципа: полнота в краткости. Заметка в 60 строк считалась у нас крупным

материалом. Разумеется, речь идет об информационных материалах, особенно первополосных. Статьи, фельетоны, рецензии, интервью, располагавшиеся на внутренних полосах, были, конечно, объемнее, но и там существовал предел: 4 машинописных страницы. Хорошую школу писать четко и кратко я тогда прошел. А как ценили это качество наши читатели!

Вернусь к очередям у газетных киосков. Было бы лукавством говорить, что они выстраивались только вечером. Авторитет советской печати был очень высок, ей верили, на нее надеялись как на последнюю инстанцию в отстаивании справедливости, с ней советовались, делились мыслями и переживаниями, через нее воздействовали на непорядки и безобразия, критиковали начальство. Но другие газеты, особенно центральные, имели большие тиражи, их хватало, а «Вечерняя Москва» всегда была в дефиците. Гостивший у нас редактор «Вечерней Праги» с удивлением рассказывал: «Вчера на Кузнецком Мосту ее продавали по рублю (при цене в 2 копейки) – так значит, ваша газета – товар!»

Время моей работы в «Вечерней Москве» пришлось на те годы, когда городом руководил Виктор Васильевич Гришин. Человек с рабочими корнями, накопивший огромный опыт партийной, государственной и общественной деятельности, он добивался улучшения жизни москвичей, совершенствования гигантского городского хозяйства, промышленности, строительства, науки и культуры.

Москва была городом прежде всего трудовым. Она давала шестую часть промышленной продукции страны, имела несравнимый с другими центрами объем строительства, сосредоточивала лучшие творческие силы. Образование, полученное в Москве, считалось эталоном. Транспорт в столице работал как часы, поддерживался строгий порядок, преступность носила в основном бытовой характер. Сейчас в это трудно поверить: за неделю происходило одно-два убийства. Любители жить не честным трудом, а всякими махинациями, строго преследовались. Паспортный режим служил барьером для иногородних мошенников, спекулянтов, воров и бандитов. Недостаток рабочей силы на предприятиях восполнялся «оргнабором» молодежи из близлежащих областей. С национальных окраин не брали, существовала концепция, что Москва всегда должна оставаться русским городом. И это удавалось при всей многонациональности ее населения. Приехав на работу или учебу, человек понимал, что не должен жить по обычаям малой родины, часто здесь совершенно неприемлемым, а принимать установленные многими поколениями коренных

москвичей правила человеческого общежития. «Вечерняя Москва» была газетой города-труженика.

Разумеется, каждый читатель кроме общемосковских тем искал то, что ему было ближе по профессиональным и интеллектуальным интересам, увлечениям, складу личности. При тогдашней общедоступности всех видов зрелищ (билет в первый ряд партера Большого театра стоил три с полтиной, в другие театры – от полутора до двух рублей) москвичи всегда стремились быть в курсе событий в мире искусства. И газета ни одно из них не оставляла без внимания. Театральные и эстрадные премьеры, гастроли, выставки рецензировались на следующий же день. Отмечались дебюты, юбилеи и прочие приятные атрибуты культурной жизни.

Газета сообщала обо всех изменениях в работе транспорта, о вводе новых домов, предприятий, бытовых и торговых учреждений, о новой продукции и достижениях промышленности, чутко прислушивалась ко всему новому в медицине, в фундаментальной и прикладной науке, технике.

Массу информации самого разнообразного характера давала полоса объявлений. В том числе специфической: кто с кем разводится. Политика Советской власти была направлена на всемерное укрепление семьи. Разводящихся отчитывали на партийных, профсоюзных и комсомольских собраниях, им возводили всяческие барьеры. Один из них – обязательная публикация объявлений о каждом таком прискорбном случае в газете. Бракоразводные объявления печатались ежедневно многими десятками, и находились читатели, которые именно с них начинали знакомство с номером. А если в них встречались известные фамилии, об этом говорил весь город. Тогда было правилом для предприятий и организаций сообщать через газету о кончине коллег, выражать соболезнования родным и близким покойного. Тоже часть информационных обязанностей прессы.

Газету делал сравнительно небольшой коллектив журналистов. Заместителями главного были многоопытный Михаил Мартемьянович Козырев и я, новобранец. Написать обо всех, кто находился в штате, нет никакой возможности, поэтому ограничусь теми, кто работал в «Вечерке» испокон лет, был ее живой историей, кого уж нет и кто ничего сам не расскажет.

Начну по справедливости с Всеволода Васильевича Шевцова, ответственного секретаря, так сказать, начальника штаба редакции. К нему так и просится эпитет «блестящий». Как журналист. Как кладезь знаний по истории Москвы, по искусству и спорту. В этих сферах его знали все, и он знал всех, кто того был достоин. Добавьте к этому острое чувство юмора,

ироничность, старомосковское воспитание, природную элегантность, и вы поймете, почему Всеволод Васильевич, или Сева, как его звали сверстники, в глазах многих был символом «Вечерки». Кстати, в случае чего, он и отбрить был мастер. Шевцов нежно, но требовательно опекал нескольких интересных и своеобразных авторов из старой журналистской гвардии, чьи заметки привносили в газету неповторимые краски, в том числе Дмитрия Зуева, великого знатока и любителя подмосковной природы. В редакции Зуев появлялся в неизменном доисторическом непромокаемом плаще, с палкой в руках и рюкзаком за плечами, принося каждый раз свежую весточку из леса – первые фиалки и ландыши, ягоды, диковинной формы грибы. Шевцов звал его только Митькой, говорил с ним несколько иронически, но без его заботливых рук не было бы чудесных зуевских книг. Семен Давыдович разглядел в Шевцове еще и недюжинный талант организатора и выдвинул его в ответственные секретари.

Главной опорой главного редактора и его верным другом был заведующий отделом партийной жизни Илья Львович Пудалов. Он пришел в газету из горячего цеха завода «Серп и молот», рабочая закваска чувствовалась во всем его поведении. В силу своей специфики «Вечерняя Москва» не печатала официальных материалов, о крупных политических мероприятиях давала собственные краткие отчеты. Пудалов был прекрасным мастером этого ответственного и небезопасного жанра. Соперничать с ним мог только сам Индурский. Наиболее ответственные отчеты они делали вместе.

Надежными коренниками были заведующий отделом промышленности и транспорта, неизменный секретарь партбюро Николай Александрович Сидоров и заведующий отделом строительства и городского хозяйства Леонид Львович Баренбаум. Баренбаум знал руководителей всего аппарата, управлявшего этими отраслями, еще рядовыми инженерами и прорабами, для него все двери в этом аппарате были открыты. Что помогало не только в работе, но и в решении то и дело возникавших бытовых проблем работников редакции и их родственников. Лично я ему благодарен за первую в жизни отдельную квартиру, полученную не где-нибудь, а в доме на только что отстроенном проспекте Калинина, где моими соседями стали Алексей Арбузов, Юрий Яковлев, Вера Васильева, Геннадий Бортников и другие известные люди. Марка «Вечерней Москвы» того требовала. В день получения ордера весь редакторат поехал на футбол в Лужники – было заведено не пропускать интересные матчи. Я прихватил бутылку коньяку. Мы

сидели в ложе прессы, где тогда распивать ее было, мягко говоря, неудобно. Пришлось это сделать в условиях конспирации. Семен Давыдович, который пил только в случае крайней необходимости и чисто символически, пошел на нарушение, глазом не моргнув.

В московской медицине нашим полпредом была Маргарита Михайловна Рождественская (М. Багреева). Ее знали все знаменитости и просто хорошие врачи. Об их достижениях, новинках здравоохранения она всегда узнавала первой. Похоже, ее подопечные сообщали ей прежде, чем своему начальству. А в «Вечерке» выдать новость раньше всех газет – на профессиональном жаргоне «вставить фитиль» – ценилось сугубо.

Я застал последние годы работы в редакции, наверное, самой колоритной даже на незаурядном общем фоне личности – Ильи Осиповича Адова, заведовавшего отделом искусств. Он начинал карьеру на рубеже 20 -30-х годов. Могучий мастодонт-газетчик, Адов являл собой ее казавшееся тогда далеким-далеким прошлое, работал вместе с людьми, о которых нам в университете рассказывали в курсе истории журналистики.

Особое место в жизни редакции занимал Борис Яковлевич Бринберг, с которым мы когда-то делали первые не очень уверенные шаги в «Московском комсомольце» 50-х и где на всю жизнь подружились. В «Вечерней Москве» работали люди разных дарований, в том числе и творческих. Были, например, репортеры, умевшие куда угодно проникнуть, у кого угодно взять интервью, добыть уникальную информацию. Но изложить полученное на бумаге для них проблема. Приняв то, что у них получилось, Бринберг с необыкновенной легкостью превращал сырье в качественную готовую продукцию, за что был ценим и уважаем. Редкий талант стилиста! Борис и сам регулярно писал, многие годы один вел рубрику «вечерние беседы», заполняя нишу тем морали и нравственности.

Придумал эту рубрику Семен Давыдович. Он постоянно предлагал новые темы, новые формы для газеты. Издавать первое в стране рекламное приложение – его идея. Выходившая по средам малым форматом «дочка» основного издания пользовалась успехом у читателей с самого своего появления. Вечерние газеты других городов дружно подхватили наше начинание.

При Индурском коллектив газеты при всем своеобразии некоторых его членов жил дружно, существовали отношения товарищества, при нужде – и взаимопомощи. Главный редактор твердой рукой пресекал любые возникавшие шероховатости, внимательно следил за поддержанием хорошего внутреннего климата.

Молодое пополнение набиралось из подходящих существующему духу людей – деловых и нескандальных. Семен Давыдович был чужд сантиментам, строг и справедлив. А в сущности, в любых ситуациях оставался добрым, гуманным человеком. Не припомню случая, чтобы кого-нибудь третировал, а тем более уволил. Помогал же многим, сотрудники без робости шли к нему со своими проблемами.

Говорят, горе другого могут увидеть только глаза, которые сами много плакали. В жизни Семена Давыдовича было немало трудных поворотов. О самом тяжком он мне обмолвился лишь однажды. Когда в конце 40-х после «дела врачей» начались гонения не евреев, его сократили и нигде не брали на работу. Каково быть главой семьи и не иметь возможности ее содержать! После долгих мытарств Индурский получил скромную должность в издательстве, но при первой возможности вернулся в газету. Газетчик – это не профессия, это судьба. Она в конце концов его щедро вознаградила.

Несмотря на перенесенные испытания, Семен Давыдович, когда я его узнал, был улыбчив и жизнерадостен, любил и умел пошутить, поиронизировать. Однажды на планерке кто-то из заведующих посетовал, что на завтрашнем важном мероприятии будет строгий пропускной режим и его сотрудник может туда не попасть.

– В таком случае вместо материала пусть приносит заявление об уходе, – спокойно сказал редактор.

Много воды утекло с тех пор, а в памяти он как живой со своей милой улыбкой, то веселым, то строгим взглядом. Каждый год 15 января, в день его рождения, у могилы своего главного редактора на Преображенском кладбище собираются старые вечерочники – Таня Харламова, Кира Буряк, Наташа Заболева, Алла Стой-нова, Юра Варламов, Коля Митрофанов…

Не знаю больше никого из редакторов, кого бы так чтили.

Классик вечерних новостей

Герман БРОЙДО

Нынешнее поколение журналистов и читателей – те, кому до 40, – уже не застали того времени, когда газеты набирались на линотипах, а затем колонки еще тепленьких металлических строк верстальщики на металлических столах укладывали в металлические же рамы. Отливка текста была горячей. Но и новости в вечерней столичной газете были тоже, что называется, горячими. В том смысле что газета, которая сдавалась в печать в 14.15, не могла выйти в свет без рубрики «Сегодня». Москвичи узнавали эти новости не из телепрограммы «Время», выходившей в эфир в 21.00, а из «Вечерки», поступавшей в киоски и к почтальонам в 17.00. И сильные мира немало удивлялись, увидя фото со своим изображением, сделанное за три часа до того…

Происходило это волшебство при отсутствии факсов и электронной почты, благодаря четкой организации работы журналистов «Вечерки» и авторитету ее главного редактора. Индурский мог позвонить самому высокому партийному или государственному чиновнику и сказать, что информация нужна в течение ближайших 15 минут. И газета ее получала. Напечататься в «Вечерке» было престижно. В своей книге «Газета выходит вечером», изданной три десятилетия тому назад и ставшей своеобразным учебником, С. Индурский цитирует Маяковского: «Славу писателю делает «Вечерка». Профессиональные требования Индурского были жесткими, и от халтурщиков и неумех редакция освобождалась. Дешевая сенсация отвергалась, вранье и путаница сурово пресекались. Зато процент заслуженных работников культуры России был в редакции «Вечерки», пожалуй, самым высоким среди газетных коллективов столицы. И когда журналист нуждался в жилье, Индурский лично отправлялся к тем, от кого зависело распределение социальных благ. Он не был добреньким, но порой не мог устоять перед нахрапом. Мне известен факт, когда один из журналистов купил себе мебель и привез ее «ненадолго постоять» в квартиру главного: вы, мол, пока на даче…

Душевная ранимость людей творческих профессий общеизвестна.

Но в общей форме. А вот в применении к конкретному Семену Индурскому об этом порой забывали даже те, кто проработал с ним не один год и пользовался его благорасположением. Чего уж говорить о высоком начальстве! К

своему 70-летию, пришедшемуся на январь 1982 года, Индурский был уже, можно сказать, ветераном «Вечерки», проработав в ней более четверти века. Был заготовлен текст приветственного адреса. Редактировал его лично член политбюро ЦК, первый секретарь МГК партии Гришин. Эта правка сохранилась в архиве. Перед фамилией, именем и отчеством юбиляра на титульном листе важный партийный цензор дописал – «главному редактору газеты «Вечерняя Москва» товарищу…». А в пассаже о том, что за полвека газетной работы Индурский прошел все ступени – от курьера до редактора, остался только стаж.

Вылетели слова «большой опыт, организаторские способности, свойственные вам принципиальность, инициативность, деловитость, чуткость…». Товарищ Гришин не просто не любил похвальных слов, он осознавал их опасность. И потому вычеркнул эпитеты во фразе: «Вы снискали большое уважение и высокий авторитет», – так что не стало ни большого, ни высокого.

Конечно, Индурского ценили. Его наградили четырьмя высокими по тем временам орденами, дали почетное звание, приглашали в президиумы. Но он-то знал, что и расправиться с ним могут в любой момент. Такое уже случалось.

В 50-е годы Индурского, прошедшего к тому времени школу столичных газет «Красный воин» (без отрыва от службы в армии) и «Рабочая Москва» (нынешняя «Московская правда»), куда он писал как военный корреспондент в годы Великой Отечественной и где продолжал работать в послевоенное время, уволили в одночасье за чужую ошибку и милостиво позволили устроиться рядовым редактором в книжное издательство. К газетной работе ему удалось вернуться лишь после смерти Сталина.

Архивы сохранили удивительные документы, которые большинством в 70—80-е годы воспринимались – во всяком случае внешне – как нечто обыденное.

Каждый, кому предстояло ехать за рубеж, должен был представить в райком партии положительную характеристику от «треугольника» (администрации, парткома и месткома профсоюза). В характеристике необходимо было указать, что претендент на выезд политически благонадежен и морально выдержан. Редактор городской партийной газеты, член горкома партии, депутат Моссовета, орденоносец Индурский не вправе был рассчитывать на особое благорасположение. В личном деле Индурского, хранившемся отделом кадров, – около двух десятков таких «характеристик». В 1973 году, к примеру, 60-летний главный редактор почувствовал необходимость полечить желудок. В райком сообщается, что он политически грамотен, и

редколлегия, партбюро и местком «рекомендуют его для поездки на лечение в Карловы Вары».

Политически неграмотных лечиться не пускали… Это мы сегодня смеемся. Тогда многие плакали.

Он умер утром в день своего 76-летия, 15 января 1988 года, так и не успев получить удостоверение пенсионера. Медицинский эпикриз свидетельствовал, что смерть была в общем-то неизбежна из-за тяжелой болезни. Но почему именно в такой день?! Да, он находился в больничной палате, но дела шли на поправку, и врачи считали, что гостей с поздравлениями можно будет к имениннику допустить. Никто не успел.

Полагаю, что существовал некий психологический фактор, ускоривший конец. О чем думал Семен Давыдович в день своего рождения, зная, что в редакционный кабинет он уже не вернется?.. Он был во главе газеты 22 года из 32 лет работы в ней. Отметив незадолго перед тем 75-летие, Индурский понимал, что перестройка и связанные с ней кадровые новации его не минуют, и ждал их. Ни популярность газеты, тираж которой превысил в ту пору 600 тысяч, ни очереди за ней у киосков не могли служить аргументом, что «старик все еще тянет». Установка Сталина о том, что «незаменимых не бывает», продолжала действовать. А Борис Ельцин за два года своего пребывания на посту первого секретаря МГК КПСС не нашел времени поговорить с главным редактором городской партийной газеты. Это был симптом, понятный для старого газетного «волка».

Осенью 1987 года его вызвали в отдел пропаганды и от имени хотя и опального, но еще не ушедшего Ельцина предложили подать в отставку. И никто не удосужился сказать прилюдное спасибо человеку, который отдал столичной прессе почти шесть десятков лет и стал классиком вечерней журналистики. Эти слова, правда, сказаны были на гражданской панихиде одним из секретарей МГК, пребывавшим в этой должности без году неделю.

Между тем феномен Индурского – не столько в том, что никто другой не возглавлял так долго «Вечерку», сколько в том, что именно при нем газета стала непременной, неотъемлемой частью быта москвичей, главным источником житейской информации. Не тех новостей, которые пугают и шокируют, а тех, которые полезны, интересны, порой занимательны. У старой «Вечерней Москвы» была, разумеется, политическая ангажированность, неизбежная в советское время. Но газету Индурского помнят и ценят за то, что она входила в каждую московскую семью как искренний друг.

Семен и его команда

Александр КУЗНЕЦОВ

Уроженец местечка Дунаевцы Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) области, он повился в советской столице с семьей своего дяди совсем юным парнишкой. Но на что жить?

Ему повезло: на бирже труда дали направление на работу курьером в редакцию газеты «Рабочая Москва». Это был 1930 г. С курьерской должности и началась его жизнь в журналистике.

Была армия, был газетный техникум. В годы Великой Отечественной и.о. зав. военным отделом в «Московской правде» выезжал в действующие войска. А в «Вечерней Москве» Семен, как его попросту называли между собой сотрудники, появился в 1956 году: ответственный секретарь, заместитель редактора, последние 22 года жизни – редактор, сменивший на этом посту ушедшего в «Литературную газету» В.А. Сырокомского. «Вечерка» стала для Индурского вторым домом – родным и любимым.

В этом доме жили профессионалы, досконально знавшие Москву и москвичей – метростроевцев и спортсменов, работников городского хозяйства и деятелей культуры, академиков и врачей. С такими вездесущими сотрудниками редактор мог быть спокоен: никакое городское событие не останется без внимания газеты.

Надо отметить, что С.М. Индурский тщательно, а порой и с осторожностью подбирал свою команду. Во всяком случае, так было со мной. Однажды мне позвонили: «Не могли бы заглянуть в «Вечерку» на огонек? Есть необходимость познакомиться». Заглянул.

Разговор с редактором (я видел его впервые) был, казалось бы, о том о сем, но с элементами деликатного тестирования. Забегая вперед, скажу, что деликатность была присуща ему всегда. Бестактность по отношению к подчиненным припомнить просто невозможно. Ему платили тем же, хотя порой беззлобно подтрунивали над ним. Впрочем, это удел любого начальника – быть мишенью для шуток или пересудов подчиненных. А возвращаясь к беседе, скажу: для меня она закончилась предложением поработать заместителем редактора.

Ну и какая тут тщательность и осторожность в подборе кадров, спросите вы. Уже примерно через полгода работы я спросил: «Семен Давыдович, почему вы остановили выбор на совсем незнакомом человеке?» И он, глядя на меня хитрющими глазами, с улыбкой ответил: «Почему незнакомом? Мы о вас многое и без вас узнали. Например, в «Правде» ваши документы

ждали своего рассмотрения». Я был поражен, так оно и было. Вот это осведомленность!

А в центральной газете, откуда я перешел в «Вечерку», надо мной иронизировали: «Ну, поменял шило на мыло, сплетни по Москве собирать будешь?» Но это был ничем не обоснованный снобизм, взгляд свысока на городскую прессу.

Давайте с высоты прожитых лет посмотрим на «Вечернюю Москву» времен Индурского. Тираж 600–650 тыс. экземпляров – побольше, чем у иных центральных изданий. Очереди у киосков, когда вечером газета поступала в продажу. Отсутствие скучных, назидательных передовиц и длиннющих отчетов с пленумов и партактивов. Это была газета новостей только со словами «вчера», «сегодня», «завтра». Новостей, но никак не сплетен. Те же центральные газеты нередко ловили в «Вечерке» заинтересовавшую их информацию и трансформировали ее в своих жанрах.

Индурский как редактор придерживался западной модели вечерних газет, о чем неоднократно говорил: «Человек после работы едет домой в метро или электричке усталый. Ему не до длинных статей или рецензий. Мы должны давать ему полную картину московской жизни, но быть предельно краткими». Это правило соблюдалось жестко и позволяло вместить в три газетные страницы до 70 разнообразных материалов (четвертая, что тогда было позволено только «ВМ», была занята рекламой – реклама и реализация тиража приносили солидные доходы в городскую партийную казну).

Не было строчки в газете, которую бы не прочитал наш Семен до выхода номера. Забирал машинописные тексты с собой домой на обед и, возвратясь, отдавал их с пометкой «чво» – «читал в оригинале». Я ему говорил: «Ну зачем вам читать даже подписи к снимкам (типа «Москва сегодня. Пушкинская площадь», «Москва сегодня. Нагатинская набережная)?» А он отвечал: «Вас, наверное, не била жизнь, молодой человек (мне было под 50). Лучше я прочитаю все – спать буду крепче».

Он много работал. И как редактор, и как депутат Моссовета. Внимательно изучал депутатскую почту, ответственно относился к приему избирателей своего округа – ни одно обращение не оставалось без внимания.

Человек строгой самодисциплины. Диабет давно заставил его отказаться от многих удовольствий – вкусно поесть, выпить рюмку, выкурить сигарету. Но иногда он просил у меня сигарету. «Зачем?» – «Нюхать буду…»

Мы с ним проработали шесть лет. Он ушел в отпуск, а после отпуска предполагалось, что мы проводим его на заслуженный

отдых. Но все вышло совсем не так. Приступ, больница. Мы навестили его, сказали, что придем через неделю (в день рождения). Визит не состоялся: в свой день рождения рано утром Семен Давыдович умер – ровно в 76 лет. Умер в должности действующего редактора.

«Период Индурского»

Татьяна ХАРЛАМОВА журналист «Вечерней Москвы» с 1960 года

Я пришла на работу в «Вечерку», когда Семен Давыдович Индурский был ответственным секретарем газеты. В небольшом кабинете на Чистых прудах (да-да, «Вечерка» не всегда была на Пресне) меня встретил невысокий подтянутый человек с очень внимательным взглядом, пригласил присесть и четко и одновременно подробно рассказал, о чем я должна буду писать в газете. Так я познакомилась и с Семеном Давыдовичем, и конечно же вкратце с газетой. Одним из первых воспоминаний была «малая планерка» в кабинете ответственного секретаря, где репортеры отдела информации сообщали, о каких городских событиях будет написано в ближайшем номере. Главное было не опоздать с информацией, дать ее читателям первыми в Москве. А это, поверьте, было нелегко при наличии из техники только телефона и машинистки на проводе в редакции. Но Индурский следил четко, чтобы не было в разделе новостей информации со словом «вчера». Только «сегодня» было одним из его самых четких принципов, и когда Семен Давыдович стал редактором газеты (по-сегодняшнему главным, но тогда в штатном расписании были только сотрудники и корреспонденты, а редактор один), работать с ним было и трудно, и интересно.

«Вечерняя Москва» была в те годы одной из популярнейших газет в столице, тираж ее превышал 600 тысяч, а подписаться на газету считалось очень престижным. Не зря «Вечерку» называли любимой газетой москвичей. В отличие от официальных газет, где превалировали «серьезные материалы», «Вечерка» всегда была интересной, близкой жизни обыкновенных москвичей. В ней публиковались материалы, о которых говорила вся Москва. А в те годы это было совсем непросто. Помню, я опубликовала репортаж «Русь у „России"» о реставрации церквей у тогда только построенной гостиницы. Материал был отмечен на летучке, но Семену Давыдовичу сделали серьезные замечания «наверху». Но раз редактор одобрил материал, он за него и отвечает – лишь спустя несколько лет Семен Давыдович рассказал мне об этом случае.

Индурский был редактором нашей газеты 22 года. Многие, кому повезло работать с ним, помнят «период Индурского» как один из ярких периодов в жизни нашей газеты. Он давал путевку в жизнь не только журналистам своей газеты, Семен Давыдович

был своего рода дуайеном московского журналистского сообщества.

Он любил своих сотрудников

Наталья ЗАЙЦЕВА главный редактор Объединенной редакции женских изданий Концерна «Вечерняя Москва»

Когда в июле 1967 года я пришла устраиваться в «Вечерку» на работу курьером, в этот день в редакции было многолюдно и звучала разноязыкая речь – болгарская, венгерская, румынская, польская, немецкая, чешская…

Дело в том, что в это время проходил автопробег, участниками которого были журналисты вечерних газет из стран социалистического содружества. Побывав в столицах европейских государств, они приехали в Москву и собрались в редакции «Вечерней Москвы». Из кабинета вышел Семен Давыдович, ошалело оглядел всех и остановил свой взгляд на мне: «А эта девушка что здесь делает?» – «Устраивается на работу курьером», – ответила секретарь. «Вот ей первое задание – отвезете венгерских гостей в гостиницу «Минск». Выйдя из редакции, я зашагала в сторону метро. Но гости меня остановили: «Мы – на машине». А как туда ехать на машине, я и не представляла, но со знанием дела командовала: «Здесь направо». – «Нельзя». – «Тогда налево» и т. д. В общем, методом «тыка» довезла я венгров живыми, а главное – веселыми. Когда они рассказали об этом Индурскому, он очень смеялся. А надо сказать, что Семен Давыдович смеялся не так уж часто. Улыбался – да, а вот смеяться…

Я поначалу думала: как хорошо быть главным редактором – все тебе приносят, гости приходят, беседы ведут… И однажды я ему об этом сказала. Он улыбнулся своей грустной улыбкой и ответил: «Вот когда станешь им, узнаешь, каково это, хлебнешь». Как в воду глядел. Впрочем, его «ясновидение» опиралось на собственный опыт. Когда сама стала главным, то часто вспоминаю Семена Давыдовича: а как бы он поступил, а что бы он сказал, а куда бы этот материал поставил… Мне так не хватает его мудрой и доброй поддержки…

Вообще, я не припомню, чтобы Индурский на кого-либо повысил голос, а если бывал сердит, то как будто бы тень ложилась на лицо. Он был настолько выдержан, порядочен в отношениях с людьми, организован, сосредоточен на делах, что, кажется, разбуди его среди ночи, и он тут же ответит, какой материал на какой полосе стоит. Уезжая в отпуск в Подмосковье, требовал возить ему гранки для чтения. Словом, работал всегда, везде и всюду. Потому что он очень любил свою работу, свою

газету, да и своих сотрудников тоже, радовался нашим успехам.

Каким был мой дед

Дмитрий СИДОРОВ

Советская империя ушла в небытие, но мой любимый дед, проживший в СССР практически всю сознательную жизнь, не стал свидетелем полного распада коммунизма. Он умер, не досмотрев до конца фильм, участие в котором принимал.

Дед был умным и осторожным человеком, профессиональным журналистом, прекрасно понимавшим границы дозволенного. Именно поэтому, несмотря на то что он был евреем, ему удалось выжить в рамках советской номенклатурной прессы. Он знал правила игры и думал о тех, чье настоящее и будущее зависело от него.

Осторожность деда мне по наследству не передалась. Мне легче. Я живу и работаю в Америке. В моей квартире в Вашингтоне есть фотография, где дед и маленький я, улыбаясь, стоим на краю какого-то снежного поля, по своим размерам напоминающего бесконечную российскую зиму. Мы не позируем счастье, мы действительно счастливы в том году, в той стране, несмотря ни на что. Я совсем недавно понял, что мы рады только потому, что мы вместе. Что он есть у меня, а я есть у него.

Из книг С.Д. Индурского

Газета выходит вечером

Публицистика фактов

Ежедневно на столе дежурного заместителя ответственного секретаря редакции собирается стопка небольших материалов – одна, реже две странички машинописного текста – информаций в очередной номер, рассказывающих о событиях текущего дня почти 8-миллионного города.

Вечерние газеты принято называть информационными. Информация – понятие широкое, емкое. По существу все материалы призваны информировать, т. е. что-то сообщать читателю. Однако издавна сложилось правило – и от него вряд ли стоит отказываться – считать информационным жанром заметку, оперативно и сжато отражающую события, факты внутренней или международной жизни. Заметку можно назвать и публицистической миниатюрой.

По числу газетных миниатюр, а также формам их подачи вечерние газеты, в том числе и наша, столичная, обычно опережают утренние издания. Каждый номер «Вечерней Москвы» предлагает читателю на трех полосах (четвертая все дни, кроме пятницы, занята объявлениями) от 40 до 70 разнообразных материалов, значительная часть которых – заметки.

Вечерняя газета – газета городская. Ее репортерам не надо мчаться на самолетах, идти таежными тропами, переправляться через бурные реки, чтобы встретиться со своими героями, первыми рассказать о них. Велика столица, но, пользуясь метро, ее можно пересечь из конца в конец за час. И тем не менее и у нас в редакции эта овеянная духом романтики репортерская работа, работа хроникера требует особых профессиональных качеств. Репортер должен быть легок на подъем, готов в любое время отправиться на аэродром, вокзал, чтобы встретить гостя столицы, задать ему несколько вопросов, разузнать о фактах, интересных москвичу. Хроникер по призванию вездесущ, перед ним, как правило, открываются двери с предостерегающими табличками «Посторонним вход воспрещен» (была, кстати, у нас такая рубрика). На улице, в театре, парке – всюду даже в свободное от нелегкой службы время он остается репортером с наметанным глазом, газетным чутьем, не позволяющим ему пройти мимо фактов, событий, информация о которых просится на полосу. Работа в вечерней газете оттачивает, шлифует ценные свойства журналистского характера. В отделе информации собираются

репортеры по призванию, здесь царят особые задор, психологический климат.

…Поздним вечером многие москвичи ощутили подземные толчки. Землетрясение? Люди звонили друг другу по телефону, шли разговоры в метро, трамваях, на улицах… Вышел очередной номер «Вечерки» с информацией:

ПОДЗЕМНЫЕ ТОЛЧКИ В МОСКВЕ

Вчера поздно вечером сейсмические станции ряда стран зарегистрировали сильное землетрясение в Румынии. Отголоски его дошли и до Москвы.

Сегодня утром наш корреспондент взял интервью у заместителя директора Института физики Земли Академии наук СССР профессора Е. С. Ворисевича.

– Вчера в 22 часа 22 минуты по московскому времени жители ряда районов столицы почувствовали подземные толчки, – сказал ученый. – Они длились приблизительно 30 секунд. Сейсмическая станция «Москва» зарегистрировала их силу в три-четыре балла. Толчки ощущались в районе Красной Пресни, площади Маяковского, в Тропареве, Чертанове и других местах.

Никаких повреждений в городе нет, да и не могло быть при такой силе толчков. Кстати сказать, подобные подземные толчки случались в Москве и раньше как резонанс сильных землетрясений, например, того, которое произошло несколько лет назад в Скопле (Югославия).

Сегодня утром сейсмическая станция «Москва» не зафиксировала каких-либо толчков.

Короткая заметка, о которой говорил весь город, была подготовлена отделом информации. По строгому, ведомственному счету надлежало ей родиться в недрах отдела науки и вузов: сведения-то получены в институте Академии наук СССР. Однако впереди оказался репортер отдела информации. Газете, ее читателям – несомненно польза, работникам научного отдела – урок на будущее.

В отделе информации репортерские способности, возможности журналистов раскрываются с наибольшей полнотой, что не мешает им выступать с корреспонденциями, проблемными статьями. А в освещении некоторых областей городской жизни – работа метрополитена и сооружение его новых линий, работа городской телефонной сети, почты, охрана, реставрация памятников архитектуры и т. д. – отдел информации занимает монопольное положение. Правда, жанровые пристрастия дают о себе знать, информационно-репортерский подход к этим темам

преобладает. Положение легко можно было бы исправить, передав, скажем, метрополитен и Метрострой в их родное «ведомство» – отдел городского хозяйства, строительства и быта. Только стоит ли? Репортер отдела информации досконально изучил круг вопросов, о которых пишет, свел знакомство со специалистами, его работа удовлетворяет читателей.

Когда возникнет необходимость подготовить крупный материал не информационно-репортажного плана и репортер почувствует, что нужна творческая помощь, за ней далеко ходить не надо – ее окажут от чистого сердца и незамедлительно работники того же отдела городского хозяйства, строительства и быта или любого другого отдела. Таким образом, повторяю, стоит ли в угоду ведомственности ущемлять интересы репортера отдела информации? За симпатиями и антипатиями газетчика к жанрам, темам, за его профессиональными привязанностями стоят годы, десятилетия работы и жизни – их не сбросишь со счетов.

Бывает наоборот: не лежит у кого-то сердце писать информации. Но что поделаешь – в условиях вечерней, т. е. информационной, газеты приходится выступать и в качестве хроникера, если не берутся выручить товарищи по отделу, где тоже, как и в редакции, существует свое разделение труда. Есть такое разделение или нет его, но на планерках, проводимых редколлегией, руководители всех отделов – именно всех, а не только информационного – обязаны заявить темы, адреса предполагаемых заметок. Если к 10 часам 30 минутам – началу планерки (она обсуждает завтрашний номер) – у заведующего заявка еще не сложилась, он не просто говорит: «Ничего нет», а говорит: «Пока нет» или «Ищем». Это не расхожая отговорка: большей частью «долги оплачиваются».

Если хороших заметок оказалось больше, чем планировалось накануне, это радует, хотя усложняет работу секретариата, редактора: в день выхода газеты приходится снимать какой-либо крупный материал, чтобы освободить место для заметок. Жесткий график, рассчитанный по минутам, неумолим, темп работы возрастает, и все ради нескольких строчек, которые «Вечерняя Москва» хочет дать первой. На следующий номер их не отложишь, потому что утром подобная информация, если она действительно стоящая, наверняка появится в других газетах. Волей-неволей приходится придерживаться правила «Сегодня или никогда».

Хорошо, когда обстоятельства позволяют дать читателю побольше сведений о предстоящем событии. Можно, например, посетить еще не открывшуюся, готовую к открытию вечером выставку, побеседовать с ее устроителями, узнать факты, цифры,

и вот анонсная заметка появляется на полосе. Не беда, что следующим утром газеты напишут о выставке подробнее, но «Вечерняя Москва» была первой, и это радует.

Газетная оперативность нужна не ради оперативности, как и сама информация нужна не ради сохранения привычного читателю лица «Вечерки» и заполнения ее заметками по принципу «чем больше, тем лучше». Правила отбора информации хорошо известны в редакции, и если чья-то заметка осталась за бортом, то причина не в недостатке места на полосе. В основе хорошей информации должны лежать значительный факт, событие, новое, типичное явление жизни. Нет такого факта, события – не может быть информации. Это обязывает подбирать материал интересный, злободневный, а не беспристрастно писать обо всем понемногу.

Небольшой размер заметки не дает оснований для скидок в отношении композиции, языка изложения и уж во всяком случае никак не оправдывает литературных огрехов. Скорее наоборот: нужно обладать немалым профессиональным опытом и мастерством, чтобы в короткие строки вложить многое, сделать их убедительными, эмоционально насыщенными. То, к чему автор статьи, корреспонденции, очерка приходит исподволь, следуя логике рассуждений, протягивая череду фактов, в заметке-миниатюре надо добиваться сразу, нередко в двух-трех абзацах. Только в этом случае она займет полноправное положение среди остальных материалов.

Наш подход к информации вытекает из особенностей вечерней газеты, приходящей к людям после трудового дня и предназначенной для читателей разных возрастов и профессий, для семейного чтения. Говорить коротко, просто даже о сложном – к этому стремятся в «Вечерней Москве» – это отвечает интересам читателей. Информационный жанр не терпит многословия, дает большие возможности рационально, экономно расходовать дефицитную площадь газетной полосы.

Увеличение потока сведений, обрушивающихся на человека, повышает цену краткости, цену времени, затрачиваемого на получение новых данных. Чем больше фактов сообщает газета, чем непримиримее относится к многословию, пережевыванию известных истин, тем выше ее агитационное, пропагандистское значение, воспитательная роль.

Первая страница газеты отводится самым значительным фактам из жизни столицы. Крупные заголовки, подзаголовки сразу приковывают внимание к важнейшим сообщениям ТАСС, наших корреспондентов.

Специфика вечерней газеты такова, что большинство

важнейших событий внутренней и международной жизни находит свое отражение в утренних изданиях, а затем уж на ее страницах. Но «Вечерка» первой публикует отклики на эти события. Они становятся главным материалом номера. В 50–60 строках москвичи не только говорят о событии дня, высказывают свои чувства, но и делятся мыслями о повседневной работе, связывают ее с теми задачами, которые стоят перед коллективом бригады, предприятия, города, всей страны. В одном номере присутствуют, как правило, заметки представителей всех слоев населения. Оправдала себя практика публикации коллективных откликов, например подписанных всей рабочей бригадой.

Первая страница – это страница новостей. Меняются формы подачи материалов (некогда клишированное слово «сегодня» предваряло каждую информацию, группировались такие заметки блоком и вокруг большой плашки с тем же словом), меняется подход к верстке, оформлению, но суть остается – читателю нужно сказать, что произошло и происходит в его родном городе в этот конкретный день. Без свежих, сегодняшних новостей вечерняя газета, на наш взгляд, теряет смысл. Кстати, и крупные материалы – корреспонденции, репортажи, интервью, помещенные на первой полосе, как правило, пишутся на материалах сегодняшнего дня. Есть в газете рубрика «Утренний репортаж»; по размерам невелик, близок к развернутой заметке, но в нем ощутимо авторское «присутствие». Даже колонка писем, публикуемых время от времени на странице, носит рубрику «Из утренней почты». Обязательна для этой же страницы подборка «Утренние газеты публикуют», где коротко излагаются некоторые материалы «Правды», других утренних изданий, появившиеся в день выхода «Вечерней Москвы».

Свежая зарубежная информация ТАСС объединяется под постоянной рубрикой «Голос планеты».

Своих корреспондентов, точнее, штатных собственных корреспондентов «Вечерняя Москва» в других странах не имеет. Но мы не ограничиваемся публикацией зарубежных материалов ТАСС и АПН. Когда в Москве проходят Дни столиц социалистических стран, нашими коллективными корреспондентами становятся редакции вечерних газет этих столиц. Творческая дружба складывалась годами, обогащалась новыми формами, помогала улучшать информированность читателей.

Как-то на планерке отдел информации заявил в словах заметку, вызвавшую недоуменные вопросы, возражения:

– Нет, это не первополосный факт.

– Сначала прочитайте, потом отклоняйте, – резонно возразил

заведующий отделом информации.

На том и порешили. Информация «Таксомотор № 1» увидела свет на первой полосе, имея на это неоспоримое право. Она начиналась так:

«Многие москвичи стали сегодня свидетелями необычного рейса: по улицам города шел первый советский автомобиль столичного такси…»

Репортер знал, что работники управления Мосавтолегтранс давно искали этот автомобиль, нашли его в Саратовской области, привезли и отремонтировали. Наконец настал день, когда обновленный ГАЗ-А 1935 г. рождения должен был выйти на улицу. Репортер готовился к событию, отыскал и пригласил совершить первый рейс на машине одного из старейших столичных таксистов, когда-то работавшего на ГАЗ-А. В материале приводилось несколько цифр, характеризующих нынешний московский таксомоторный парк, рассказывалось о предстоящем его полувековом юбилее и параде представителей всех поколений машин в честь памятной даты, о музее в таксомоторном парке, где ветеран останется после парада.

Чем же подкупает эта репортерская работа, в чем ее достоинства? Был найден, отобран, как мы говорим, хороший факт. Это начало начал подготовки информации.

Факты черпаются в гуще жизни, а для этого надо ее знать, понимать. Хроникер не может знать все и вся. Свой поиск он ограничивает определенным кругом объектов: группой отраслей промышленности, строительством, торговлей, медициной, авиацией, жилищным хозяйством и т. п. С годами накапливаются знания, устанавливаются связи со специалистами, контакты с компетентными людьми. Это очень важно. Лучших репортеров столичной «Вечерки» отлично знают на тех предприятиях, в тех организациях, о которых они пишут. В редакционном коллективе с уважением относятся к таким работникам. Иногда обстоятельства складываются так, что журналист переходит в другой отдел, но обычно дружеские связи его с трудовыми коллективами сохраняются, он продолжает давать о них информацию. Это в интересах газеты и газетчика.

По существу многие газетчики бывают не сторонними свидетелями, а непосредственными участниками описываемых событий. Такова история появления и «Таксомотора № 1». Сам факт, уместившийся в одной первой фразе, сообщающей о необычном рейсе первого советского такси, приковывает внимание. В этой фразе присутствует притягательное слово

«сегодня», перед нами новость.

Первый абзац информации считается у нас главным, разъясняющим суть дела, берущим, как говорится, «быка за рога». Начало всегда пишется трудно, иногда на него уходит времени больше, чем на всю остальную заметку. Зато ему, началу, особый почет: оно выделяется более заметным шрифтом и представляется до предела сжатой пружиной, которая должна двигать читательский интерес до конца заметки.

Начало «Таксомотора № 1» было таким. Однако оно еще не давало права заметке выйти на первую полосу. Есть ведь у нас и вторая, и третья, а по пятницам – часть четвертой страницы. Само по себе событие, о котором было доложено на планерке, не говорило в пользу первой страницы и потому вызвало скептические вопросы. Свою роль сыграло то, как была написана заметка, каким арсеналом фактов владел репортер, как он им распорядился.

Один из старейших московских таксистов, разысканный репортером, не был его молчаливым спутником. Комментарий сведущего, с примечательной судьбой шофера принес драгоценные подробности, которые стали украшением заметки. Для сопоставления с прошлым репортер запасся новыми цифрами, экономическими и техническими данными да еще разузнал о предстоящем параде в честь полувекового юбилея советского такси, о музее. В результате рейс приобретал символическое значение, по-своему напоминал о пути, пройденном столицей за годы Советской власти. Героем заметки стал не старый автомобиль, а человек, таксист, много повидавший на своем веку. И перед заметкой открылась дорога на первую страницу.

Многообразие городской жизни дает столько новостей, что иногда задаешься вопросом: как объять необъятное? Сравнивая подшивки «Вечерней Москвы» год за годом, замечаешь, что число заметок-новостей возрастает, ибо информация, несущая новость, как никакой другой жанр, повышает оперативность газеты.

Рост потока новостей на страницах газеты – результат прежде всего динамизма городской жизни, заставляющего репортеров, весь коллектив редакции активнее, с чувством большей ответственности искать и отбирать факты. Требования к информации становятся все более жесткими, мастерство репортеров повышается – все так. Но если полистать те же подшивки «Вечерней Москвы», то наверняка увидим, что наряду с информациями-новостями встречаются еще и неактуальные заметки. Есть у нас и объекты особо любимые, откуда информация идет постоянно, но, к сожалению, не всегда

существенная, злободневная, а есть адреса, месяцами не появляющиеся на полосе. О таких объектах нам нередко напоминают почти на всех читательских конференциях.

Доводилось мне слышать, будто вечерняя газета предназначена главным образом для людей престарелых, что молодежь не тянется к ней. Опровергну это ошибочное утверждение не одними лишь личными впечатлениями: встречаю в очередях у киосков, где продается «Вечерняя Москва», людей далеко не пенсионного возраста. В метро, автобусах, трамваях вижу молодых рабочих, студентов, школьников с газетой в руках. Подобные мимолетные наблюдения подтверждают социологические исследования, опросы, которые мы проводили среди покупателей и подписчиков газеты. Это обязывает «Вечерку» больше писать о молодежи, ее жизни, делах, планах, писать ярко, образно, доходчиво, воспитывать у молодых чувство интернационализма, пропагандировать революционные, трудовые, боевые традиции нашего общества. Заметки на эти важные темы присутствуют почти в каждом номере «Вечерней Москвы».

Расширяет тематику информации на второй полосе колонка «Справочное бюро». К ней мы еще вернемся в отдельном разделе. «Справочное бюро» стоит особого рассказа, потому что этот информационный жанр получает в нашей и других вечерних газетах все большее признание, таит в себе далеко не исчерпанные резервы.

Ищет редакция возможности шире использовать постоянные информационные рубрики, объединяющие на протяжении длительного времени определенный круг материалов, позволяющие читателю проследить тематическую линию, когда каждая последующая заметка или их подборка дополняет предыдущие, создавая все более впечатляющую картину жизни города.

Среди постоянных второполосных рубрик – «В исполкоме Моссовета». Короткие, нередко в несколько строк, заметки сообщают о новых решениях городского исполнительного комитета. При необходимости то или иное решение комментируют специалисты. Также заметки свидетельствуют о постоянной заботе об улучшении условий труда, быта, отдыха москвичей, дают представление о том, что для этого делается, показывают размах работы по превращению столицы в образцовый коммунистический город. Сразу обратила на себя внимание рубрика «Дело всех москвичей». Эмблема Олимпийских игр, фотография или рисунок сопровождали заметки архитекторов, строителей, наших корреспондентов. Некоторое

представление об этой серии дает заметка «Велотрасса через холмы».

Не так давно, – писали проектировщики, – мы получили задание создать кольцевую дорогу для шоссейной групповой олимпийской гонки на играх 1980 года. Причем нам были поставлены жесткие условия: замкнутое асфальтовое кольцо длиной не менее 12 километров должно расположиться в черте Москвы, а по профилю иметь подъемы и спуски до 20 процентов крутизны. Насколько трудно преодолеть велогонщику такую «гору», можно судить по тому, что подъем от Трубной площади до Сретенских ворот равен 12 процентам. После долгих поисков было решено велосипедную трассу проложить в Крылатском на склонах холмов.

Авторы сообщили далее, что сделано и что делается на этой стройке, как будет использована велотрасса после Олимпийских игр.

Информацию первой и второй полос дополняют по тематике, жанрам заметки третьей страницы, в том числе таких рубрик, как «Дневник искусств», «Кинокалейдоскоп», «Музыкальная шкатулка», «Изомозаика», «Огни рампы», спортивной подборки. Эти подборки, заметки нередко сопровождает слово «сегодня».

Вот один из «Дневников искусств». Четыре заметки: «В кинотеатре „Октябрь" сегодня премьера фильма „Город-герой Волгоград"», «Сегодня МХАТ СССР имени М. Горького в 900-й раз показывает пьесу А. Чехова „Три сестры"», две другие заметки посвящены открытию выставки художника студии имени Грекова и гастролям на сцене Театра оперетты зарубежных артистов. Во всех информациях, как и в заметках первой и второй полос, начальные, выделенные шрифтом фразы дают четкое представление, о чем идет речь. Кому-то их окажется достаточно, и тогда взгляд перейдет к другой заметке, кто-то задержит внимание, дочитает до конца.

Продолжим и мы чтение информации о 900-м представлении «Трех сестер». Она напоминает, когда состоялась премьера, кто был режиссером. И далее следуют два абзаца – рассказ народного артиста СССР М. Яншина. Читателям «Вечерней Москвы» не в новинку, что подпись известного артиста стоит под заметкой в несколько строк, что он дает для газеты информацию в два-три абзаца. Именно такой и была заметка о «Трех сестрах». М. Яншин вспомнил о режиссуре В. И. Немировича-Данченко, рассказал о том, как впервые сыграл роль Чебутыкина, заменив больного Н. Грибова, привел слова Чарли Чаплина, который прилетел в

Лондон на гастроли МХАТа и сказал, что спектакль позволил ему, даже не зная русского языка, почувствовать поэзию А. П. Чехова.

Для заметок по литературе и искусству не делается исключений: их размер не превышает принятых в нашей газете пределов – 30–80 строк, т. е. и в них автор лишен возможности дать глубокий анализ, подкрепить доводы системой аргументов, щедро использовать сравнения, метафоры, которые так и просятся в сообщения о новостях культурной жизни. Эффект достигается за счет взыскательного, крайне строгого отбора ограниченного числа фактов, умелой их огранки, когда ничего нельзя ни прибавить, ни убавить. Это результат творчества, которое по достоинству оценивается и читателями и коллегами. На нашей «красной доске», где вывешиваются лучшие материалы номера, рядом с проблемными статьями мастеров культуры, рецензиями, творческими портретами нередко соседствуют информации. К числу творческих удач отнесена, например, информация о встрече во Дворце культуры завода «Серп и молот» представителей прославленных рабочих и актерских династий.

Только факты, и ничего больше, содержат «Династии рабочих и артистов». Но это впечатляющие факты, почерпнутые из жизни, истории известных коллективов. Отметим, что заметка принадлежит к числу «анонсных», упреждающих, характерных для информационных материалов по искусству, публикуемых «Вечеркой»: события культурной жизни, к которой относится и встреча во Дворце культуры «Серпа и молота», происходят обычно в то время, когда газета уже продается в киосках, попадает к подписчикам. Писать о таких фактах на следующий день – значит не только плестись в хвосте событий, но и, обедняя себя, повторять материалы утренних газет, нести читателю «старые новости».

С подобными проблемами сталкивается «Вечерка» и при подготовке спортивной информации, которая представляет интерес для многих читателей и которой отводится значительное место на третьей странице. Тут снова возникает задача не дублировать утренние издания. Это легко, когда время работает на нас, трудно – когда против нас.

Один из чемпионатов мира и Европы хоккеисты разыгрывали в столице Австрии. Некоторые матчи начинались относительно рано, транслировались по телевидению, и утренние газеты успевали дать отчеты из Вены своих специальных корреспондентов. В этих случаях наша газета мало могла добавить к тому, что всем и так было известно. Если же встречи хоккеистов начинались поздно, например в 22 часа, о них любители ледовых баталий получали развернутую информацию

на страницах «Вечерки», выходившей на следующий день.

Повезло нам с матчами претендентов на шахматную корону мира. Их партии, как правило, не завершались за первые пять часов игры. Утренние газеты в лучшем случае сообщали: состоялась такая-то по счету встреча. А «Вечерка» приводила наиболее интересные партии, комментировала их, сообщала подробности.

Когда за океаном шли поединки футболистов, телевидение записывало игры в то время, когда в Москве была глубокая ночь, и показывало их лишь на следующий день. Некоторые наши коллеги, работавшие на телевидении, настойчиво просили «Вечерку», которая выходила в свет до начала этих передач ничего о матчах не писать, не приводить даже счета. Резон в просьбах был: москвичи узнавали из нашей информации результаты игры и интерес к телепередачам у них в какой-то мере снижался. Что же, можно было только посочувствовать коллегам. Отказаться же от публикации информации значило ущемить в чем-то наших читателей, а на это мы пойти не могли.

Ну а если время работает «против нас», что тогда? В Москве проходят, скажем, соревнования по фигурному катанию на льду. Телевидение «на коне» – ведет прямой репортаж, утренние газеты публикуют подробные отчеты, снимки. Что же остается на долю «Вечерки»? Обойти важное спортивное событие молчанием? Нельзя! Ограничиться сообщением, кто какое место занял? Пустая трата газетной площади: результаты всем известны. Приходится искать выход из положения. Например, ветераны – мастера фигурного катания «рецензируют» выступления наиболее вероятных победителей соревнований. В другом случае, чтобы рассказать о предстоящем состязании, берем интервью у капитанов команд или у судьи соревнования, зарубежных обозревателей.

В день крупных спортивных поединков печатаем материалы о мастерах, вступающих в борьбу, приводим подробности их предыдущих встреч, публикуем заметки со стадионов, из Дворцов спорта, которые принимают участников соревнования. Тут нас снова выручает анонсная информация. На многие соревнования, которые проводятся в городах нашей страны, за рубежом, редакция «снаряжает» своих специальных корреспондентов. Чаще всего это видные спортсмены, которые по совместительству выполняют далеко не легкие функции представителей «Вечерки», в иных случаях – штатные сотрудники газеты. Известные мастера спорта становятся нашими корреспондентами и на соревнованиях, проводимых в Москве. Но для всех действует неумолимое правило: либо публикуем новость первыми, либо

безжалостно расстаемся с информацией, которую успели опубликовать утренние газеты.

Как это ни смешно звучит, но те же тревоги подстерегают нас, когда мы информируем о соревнованиях, которые устраивает сама «Вечерняя Москва». По десяти видам спорта газета выступает в роли организатора спортивных состязаний, где разыгрываются призы «Вечерки». Старейшему такому соревнованию – легкоатлетической эстафете по Садовому кольцу – было положено начало еще в 1927 г.

9 мая проводится эстафета по академической гребле. Первая такая эстафета прошла в 1933 г., и с тех пор она не прерывалась даже в военное время. В мае же оспаривают приз «Вечерней Москвы» мастера стендовой стрельбы, в июле – августе – шахматисты, соревнование которых одновременно является и чемпионатом города по молниеносной игре. Все лето длятся состязания команд городошников: старинная русская игра, популяризации которой способствует «Вечерняя Москва», привлекает большое количество участников и зрителей. В декабре устраивается мотокросс на приз нашей газеты. Заботясь о здоровье молодежи, о будущем спорта, организуем соревнования школьников.

Осенью проходят старты Клуба юных легкоатлетов, основанного редакцией по предложению группы ведущих спортсменов. Зимой стартуют юные конькобежцы. Инициативу «Вечерней Москвы» поддержала газета «Советский спорт», и соревнования любителей коньков приобретают все более массовый характер: теперь многие вечерние газеты выступают в своих городах организаторами смотра молодых сил.

Заметки обо всех «вечерочных» соревнованиях, о подготовке к ним, их участниках печатаем заранее, нередко под постоянной рубрикой, такой, например, как «Ищем таланты», посвященной юным конькобежцам. Ну а в отчетах о «наших» соревнованиях у «Вечерки» никаких преимуществ нет – тут, как и всегда, гляди в оба, чтобы утренние газеты не опередили…

Идут годы, взрослеют, мужают юные таланты, и случается так, что их имена появляются под еще одной нашей постоянной рубрикой. В отличие от других ежедневных изданий «Вечерняя Москва» предпочитает пространным очеркам о наиболее отличившихся спортсменах информационные материалы под рубрикой «Гости «ВМ» с золотыми медалями». Как только заканчиваются соревнования, приглашаем героев прямо «с корабля на бал» – из аэропорта, с вокзала в редакцию. Здесь их интервьюируют, и читатель узнает о том, каким путем спортсмен шел к вершинам мастерства, об его интересах, планах. Отчеты об

этих встречах по жанру близки к информации, но расширены за счет высказываний, комментария гостей, включают элементы репортажа, интервью.

Репортеры «Вечерней Москвы», где информация окружена особым уважением, не склонны всегда и всюду ограничивать себя этим жанром, при любых обстоятельствах «втискивать» материал в его рамки. Широкого жанрового разнообразия – такова азбучная истина – требует каждый номер «Вечерки». Диктуется это и характером фактов, событий, находящих отражение на страницах газеты, и творческой индивидуальностью журналиста, и временем, которым он располагает для работы. В конкретных условиях конкретному журналисту целесообразнее прибегнуть к жанру информации, в тех же условиях другой пишет репортаж, третий – интервью.

Какой из жанров эффективнее? В общем виде постановка такого вопроса вряд ли уместна, в практике он, во всяком случае, не возникает. В последнее время все чаще появляются материалы, гармонично сочетающие элементы репортажа, комментария, интервью, информации. И никого в редакции не мучает забота, на какую жанровую «полочку» положить, к примеру, «Красоту первозданную», получившую по авторской воле рубрику «репортаж».

Ученые и специалисты долго искали пути сохранения уникального золотого покрытия выдающегося памятника зодчества Московского Кремля. – Успенского собора. И вот сегодня здесь начались необычные реставрационные работы -

так вводят читателя в курс дела первые строки «Красоты первозданной». Такое начало – обычное для информационных заметок. Однако не будем спешить с выводами, сразу наклеивать жанровый ярлык.

Следующий абзац близок к репортажу. Автор пишет, что высоко над Соборной площадью поднялись мастера. Они аккуратно снимают золоченые листы с куполов собора. Подъемник опускает их на землю. Здесь каждый лист внимательно осматривают, записывают его дефекты, бережно перекладывают мешковиной и войлоком. Ценный груз отправляется в реставрационные мастерские.

Реставрация крупнейшего из древних памятников столицы, шедевра русского зодчества Успенского собора, который украшает город пять веков, – событие примечательное даже в столице, где многое делается для сохранения великого культурного наследия прошлого. Самая сложная часть реставрации – обновление золотых глав собора. Посмотреть на работу своих коллег пришел Н. П. Гусаров – один из старейших

московских реставраторов. Журналист, встретив такого человека, не мог не задать ему несколько вопросов, не привести в газете его высказываний. Н. П. Гусаров рассказал, что больше 20 куполов золотил он в Кремле, выстилал их новой фольгой. Но главы Успенского собора золотить ему не пришлось. На них 80 лет сохраняется так называемое червонное золото, нанесенное «через огонь». В медные листы втирали амальгаму – раствор золота и ртути. Затем ртуть выпаривали керосиновыми паяльными лампами. Таким вот методом было создано покрытие, равного которому нет ни по красоте, ни по долговечности. Однако в кровле есть пробоины. Собеседник репортера помнит, что в начале Великой Отечественной войны сияющие купола для маскировки выкрасили в серо-зеленый цвет. Как ни старались потом осторожно смыть краску, она кое-где попортила золото. А возобновить драгоценное покрытие нельзя. В наше время «огневое» золочение запрещено, так как оно чрезвычайно вредно для здоровья.

Интервью закончено, но последняя точка еще не поставлена. Скупо и четко, как в информационной заметке, сообщается, где и как были найдены новые способы золотить купола древнего собора. И вот концовка:

Через несколько месяцев вновь заблистает жемчужина Московского Кремля, красота древнего собора откроется во всей своей первозданной подлинности.

Подобные многожанровые публикации не противоречат духу и букве традиций вечерней газеты, поднимают эффективность ее выступлений. Появление их вызвано несколькими причинами, рост мастерства газетчиков – одна из главнейших. Объединять, органично сочетать разные жанры в небольших материалах может лишь тот, кто владеет журналистским искусством. Соединение жанров не формалистические изыски, не упражнения ради оригинальности. Оно позволяет глубже проникнуть в материал, сделать его действеннее, усиливает восприятие, как смена планов в кинофильме.

Вот мы и исчерпали почти всю информационную тематику третьей страницы «Вечерней Москвы», подошли к завершающей ее рубрике, указывающей уже не на жанр, не на тему, а на место, занимаемое заметкой, – «В конце номера». Эта рубрика по сути своей разнотемна, разножанрова. Под ней можно встретить заметки о найденных в Подмосковье грибах-великанах, птичьих гнездах на балконах, кузнецах, делающих подковы для лошадей, и даже такие, как «Пропавшая брошь» – о потерянной и

найденной драгоценности.

По пятницам «концом номера» становится четвертая страница, где рекламные объявления уступают место информационным заметкам. Для примера назову заголовки и дам аннотации материалов одной из полос «В пятницу вечером».

«Документы рассказывают»: состоялось обсуждение проекта музея завода «Калибр», около 30 стендов будет посвящено истории предприятия, где выпускались первые в стране измерительные приборы и инструменты, «Лечатся скрипки»: в мастерские при Московской консерватории поступили на реставрацию две старинные скрипки, возраст которых перевалил за три столетия. «На Севере дальнем»: для молодежи заполярного поселка московскими специалистами треста «Арктикстрой» возведено здание профтехучилища. «Плотина из воды»: создан новый способ, позволяющий запрудить русло реки. «Только пешком»: товарищи отметили у костра 70-летие одного из старейших руководителей туристских походов по Подмосковью. «Вареники по-украински»: своеобразная реклама воскресных семейных обедов-дегустаций в ресторане «Украина». «Деревья-долгожители»: берутся под защиту старейшины московских парков и бульваров.

Полоса «В пятницу вечером», насыщенная информацией и выпускаемая в канун выходных дней, стала отличительной особенностью «Вечерней Москвы»; по отзывам, она широко читается, потому что заметки обычно строятся на фактах, интересных людям различных возрастов, профессий.

Пишу об информационных заметках и думаю о том, сколь многообразные события могут вызвать эти несколько газетных строк, события, о большинстве которых мы даже не подозреваем. Открыл я как-то «Огонек» и обратил внимание на воспоминания Н. Данилова «Счастливое лето». Ими журнал начал серию публикаций, посвященных 150-летию со дня рождения Л. Толстого. Читаю и вдруг встречаю название «Вечерняя Москва». Автор воспоминаний писал о том, как после полувекового перерыва увиделся с давним другом Сережей – внуком Л. Н. Толстого. Произошло это благодаря «Вечерней Москве». В Москве, куда 50летний Сергей Михайлович приехал из Парижа. «Соседи наши, – рассказывал в «Огоньке» Н. Данилов, – которым я показывал снимки Льва Николаевича, приносят мне как-то номер «Вечерней Москвы». «Посмотрите, – говорят, – тут заметка про внука Толстого». Я поехал прямо в редакцию, и мне там сказали, в какой гостинице он остановился, – в «Пекине».

Не скрою, приятно было читать это продолжение истории небольшой заметки, опубликованной в пятницу на четвертой

странице.

Жизнь дает, к сожалению, немало и отрицательных фактов. Их «поставляют» на страницы газеты корреспонденции, статьи, фельетоны, читательские письма, критикующие тех или иных лиц, те или иные явления, выдвигающие проблемы, предложения. Не умаляя достоинств «тяжелой артиллерии» – корреспонденций, статей, фельетонов, «Вечерняя Москва» стремится активнее использовать и заметки, информирующие о недостатках, как действенную форму критики. Газета издавна ведет рубрики «Тревожный сигнал», «Штрафной удар», «Реплика» и др.

Критическая информация печатается у нас и под обычными для многих газет рубриками «Суд», «Происшествия». «Вечерняя Москва» имеет нескольких постоянных внештатных авторов, которые отбирают факты для этих рубрик и которых называют у нас судебными хроникерами. Мы не ставим перед собой задачу найти такие факты, которые позволяют «пощекотать» нервы читателя. Это противоречит принципам нашей печати, ее гуманистическому духу, задачам воспитания, которые она решает. Понятно, если дело дошло до суда, то речь должна идти о нарушении закона, о преступлении. В конечном итоге не только сами факты определяют характер заметки. Описывая многие происшествия, наши репортеры акцентируют внимание на мужестве людей, помогающих охранять общественный порядок, укреплять социалистическую законность, бороться с преступностью. Как правило, заметки под рубриками «Происшествия», «Суд» содержат несколько строк «морали», бичующих ротозеев, показывающих незавидную роль тех, кто по равнодушию ли, душевной ли глухоте или трусости способствовал совершению преступления.

В начале 1975 г. от рубрик «Суд» и «Происшествия» отпочковалась еще одна, тематически к ним близкая, но получившая право на самостоятельную жизнь. На второй странице под колонкой «Справочное бюро» появился «Светофор „ВМ“». Ежедневно, подчеркиваю, ежедневно газета начала печатать сообщения Госавтоинспекции размером до 40 строк. Нет надобности убеждать в серьезности проблем, вызываемых ростом числа машин в городах, увеличением интенсивности уличного движения. Приведу, опустив фамилию, одну из таких информаций.

СВЕТОФОР «ВМ

За минувшую неделю в городе произошло три дорожно-транспортных происшествия (ДТП), при которых пострадали дети.

«Осторожно дети!» Заметив этот знак, каждый водитель знает – здесь необходимо быть предельно внимательным, обязательно снизить скорость. Знал об этом и шофер автокомбината № 3 управления «Моспромтранс». Но, подъезжая к дому № 49 по Погонолосиноостровской улице, где расположена школа-интернат, он даже не притормозил. И когда на дорогу выбежал ученик 6-го класса, случилось несчастье. Мальчика с тяжелыми травмами отправили в больницу.

Это не первый случай, когда по вине водителей автокомбината № 3 происходят дорожные происшествия. Только в 1974 г. зарегистрировано 11 ДТП, причем два из них были совершены пьяными водителями. Уместен вопрос руководителям автохозяйства: до каких пор работники этого коллектива будут «отличаться» на магистралях города?

«Светофор» критикует, дает советы водителям и пешеходам, предлагает удобные пути объезда, если где-то ведутся дорожные работы, сообщает о происшествиях за минувшие сутки или неделю, ведет переписку с читателями, отвечая на их вопросы.

Раз в месяц «Светофор» занимает более обширную площадь на полосе. К примеру, одна из этих подборок содержала заметки о смелом, находчивом работнике отделения ГАИ Тушинского района, о детском автодроме Красногвардейского района, на котором малыши ездят на велосипедах и педальных машинах, а старшеклассники учатся управлять настоящим автомобилем. Был приведен фотоснимок нового дорожного указателя с эмблемой Олимпиады-80, а подпись к нему гласила:

Москва – столица будущих Олимпийских игр. Готовится к этому событию и Госавтоинспекция. Тщательно изучаются все возможные маршруты от Олимпийской деревни к спортивным сооружениям, определяются оптимальные варианты. Будут составлены специальные справочники-путеводители для москвичей и гостей столицы, на которых обозначены места стоянки автомобилей и подъезды к олимпийским сооружениям. На улицах города появятся и новые указатели с эмблемой Олимпийских игр.

«Светофор» оперативен, злободневен, «агитирует фактами», расширяет тематический диапазон информационных заметок «Вечерней Москвы».

Информационная заметка – эффективный газетный жанр, ибо трудно переоценить значение агитации фактами. Умело найденные, тщательно отобранные, мастерски изложенные, вовремя опубликованные факты убедительны, оказывают большое

эмоциональное воздействие, зовут к размышлению. «Учат, воспитывают факты, всегда факты, – отмечал М. Горький, – идеи сопутствуют, а не предшествуют фактам».

Информация пользуется всевозрастающей популярностью и среди читателей, и среди журналистов, находящих в этом жанре свое призвание, умело владеющих действенным средством партийно-советской печати, делающих вечернюю газету изданием, публицистические миниатюры которого несут мощный воспитательный заряд.

Опыт «Вечерней Москвы» убеждает, что поиски интересной, броской, разнообразной информации укрепляют авторитет газеты, ее связи со всеми слоями населения. Разнообразная, обширная тематика газетного номера позволяет различным группам людей найти чтение согласно своим возрастным, социальным интересам. Вместе с тем при узкой профессиональной специализации подавляющего большинства читателей хорошо поставленная информация – боевая, актуальная – помогает им приобщиться к различным сторонам жизни, быть в курсе «всех дел», увеличивает общественную активность. Сообщая о жизни города, стремясь дать полную картину общественного мнения по тому или иному вопросу, мы таким образом превращаем информацию в надежный инструмент воспитания.

Друг наш писатель

Не в обычаях вечерней газеты, каждый номер которой затрагивает широкий круг тем, часто выступать с целевыми полосами, а целевой номер – вообще редкость, надолго остающаяся в памяти коллектива редакции и, надеемся, читателя. Поводом к выходу такого номера являются события особой важности, и готовится он с тщательностью и старанием силами большинства сотрудников газеты. Так было, например, в дни, когда Москва, вся страна шли к XXV съезду КПСС. Один из номеров «Вечерней Москвы» в канун съезда было решено подготовить «руками» писателей. Пусть выступят под теми рубриками, в тех жанрах, которые свойственны вечернему изданию. Нам это казалось вполне уместным и целесообразным.

Во-первых, даже готовя целевой номер, «Вечерка» сохраняла свой обычный облик, что немаловажно, ибо привычки читателей, традиции, складывающиеся годами, десятилетиями, надо уважать. Замечу, кстати, я не сторонник коренных, «в одночасье» изменений лица газеты лишь ради того, чтобы сегодняшнее ничуть не походило на вчерашнее. Как показывает практика, и наша собственная тоже, многие из, казалось бы, удачно, но поспешно найденных новых черт и черточек постепенно утрачиваются, уступают место прежним, свойственным характеру издания, формировавшемуся в результате естественного отбора лучшего из лучшего. Это вовсе не значит, что перемены во внешнем облике противопоказаны газете. Стиль, форма подачи материалов, верстка не есть нечто раз и навсегда данное, не подвластное времени и, может быть, даже моде. Однако разумным правилом «семь раз отмерь, один раз отрежь» не следует пренебрегать и при обновлении верстки, оформления, рубрик. При поисках новых форм подачи материалов не надо забывать о главном – качестве газетной статьи, очерка, корреспонденции, эффективности их воздействия на читателя. Именно эта мысль имеет прямое отношение к тому, о чем хочется сказать «во-вторых», несколько удалившись от «во-первых».

Во-вторых, у нас была подспудная мысль писательским номером дать добрый пример самим себе, поучиться у известных литераторов, как можно по-хозяйски умело, нередко неожиданно распорядиться той же рубрикой, скромной газетной площадью, которые отводятся авторам «Вечерки». К тому же сами писатели, заняв весь номер и выступив в наших традициях, стали бы среди коллег пропагандистами «Вечерней Москвы», вызвали бы у них желание увидеть свое имя под интересным материалом. Таким

образом, думали мы, давняя дружба столичной вечерней газеты и писательской организации еще более укрепится и обогатится, что пойдет на пользу обеим сторонам и, главное, читателям.

В номере «Вечерней Москвы», посвященном XXV съезду партии, писателям предстояло со свойственной им убедительностью, страстностью, образностью рассказать о том, чем живут Москва и москвичи в знаменательные дни.

Но все это были до поры до времени лишь наши соображения. Предстояло посоветоваться с основными действующими лицами – писателями. Сообща разработали план номера. Он вышел в свет за день до открытия Московской городской партийной конференции.

Как известно, наша газета обходится без передовых статей. И в данном случае мы остались верны себе, отдав самое почетное место на первой странице выступлению Героя Социалистического Труда К. Федина. Небольшое по размеру – всего несколько десятков строк, оно явило собой образец немногословной и емкой публицистики, так необходимой вечерним газетам.

Репортеры «Вечерней Москвы» уступили в тот день свое место на первой полосе писателям. Н. Бабенко опубликовала репортаж о знатной бригаде заслуженного строителя республики А. Суровцева, Л. Уварова рассказала о весенних посадках на московских бульварах, известный прозаик и драматург Б. Васильев представил читателям новый фильм «Горожане», поэт П. Железнов – выставку политического плаката, которая открывалась в музее В. В. Маяковского…

Не стану приводить ни цитат из репортажа, ни маленьких информационных заметок, под которыми стояли подписи литераторов, известных своими повестями, романами. Поверьте, это была настоящая журналистско-писательская работа, которой можно по-доброму позавидовать, поставить в пример на редакционной летучке.

В те дни завершилось всенародное обсуждение «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы». «Вечерняя Москва» постоянно вела этот важный раздел, публикуя статьи новаторов производства, партийных работников, хозяйственных руководителей, ученых, учителей, врачей. Выступали и писатели, но разговор их касался преимущественно дел литературных, проблем коммунистического воспитания.

Тем неожиданнее было для В. Азерникова, автора пьес «Возможны варианты», «Чудак-человек» и других, предложение «Вечерней Москвы» высказаться по «чисто хозяйственному вопросу». Драматург написал «Атомный счет» специально для нашей газеты. Назовите его просто статьей – это отличная статья,

назовите очерком – отличный очерк, назовите публицистикой – отличная публицистика. Не так уж важно, на какую из жанровых полочек положить двести строк «Атомного счета». Важно другое – они были замечены и отмечены многими читателями «Вечерки» как интересное газетное, подчеркиваю, газетное выступление, в котором свежо, с великолепным знанием дела рассказывалось о том, что такое пятилетка эффективности и качества применительно к современному химическому производству.

Д. Сухарев, как стало известно вездесущим журналистам «Вечерки», «по совместительству» еще и видный ученый-биолог, профессор Московского университета. Он же автор… десятка поэтических сборников. Ученый и писатель комментировал раздел «Основных направлений», посвященный развитию науки.

И. Забелин, кандидат географических наук, исследователь и путешественник, известен как автор повестей и рассказов. Ближе всего ему оказалась злободневная тема «Человек и природа», которую он мастерски раскрыл в газете.

Более 20 писателей выступили в том памятном номере. Не скрою: редакции было приятно принимать от коллег-журналистов, литераторов и многих читателей поздравления с творческим успехом. Правление Московской писательской организации откликнулось большим задушевным письмом-благодарностью. А «Литературная газета» опубликовала обзор «Из последней почты».

Этот обзор, на мой взгляд, точно определяет роль и место, которые занимают писатели в нашей газете. Целевой же номер я назвал бы заметной вехой на большом пути, смотром сил перед штурмом новых творческих рубежей, которые еще предстояло и предстоит взять совместными усилиями журналистов «Вечерней Москвы» и их верных друзей-писателей.

Истоки этого плодотворного содружества восходят к годам становления нашей газеты. Вместе со многими другими ее фундамент закладывал М. Кольцов – один из основателей московской «Вечерки», работавший заместителем редактора. Он счастливо сочетал в себе качества литератора и журналиста, отлично понимая, сколь нужен писатель газете и как нужна газета самому писателю. М. Кольцов сплотил вокруг редакции писательский актив, что было особенно важно для советской вечерней газеты, не имевшей тогда почти никакого собственного опыта. Первые крупицы опыта бережливо копили журналисты «Вечерки», зачиная традиции, многие из которых пронесены через десятилетия, развиты, обогащены. Среди таких дорогих нашему читателю традиций – участие писателя в газете.

У меня хранится книга критика и литературоведа М. Чарного

«Направление таланта» с дарственной надписью: «С. Д. Индурскому, зам. редактора «Вечерней Москвы» – от зам. редактора «Вечерней Москвы» в двадцатых годах. 31 августа 1964 года». Мы нередко встречались с Марком Борисовичем, подолгу беседовали о том, что было и что стало, как строилась работа раньше и как это делается теперь. Одна из наших встреч, помнится, закончилась так:

– Уважаемый коллега, – сказал я, – вы просто-напросто обязаны подробно рассказать о дружбе Маяковского с газетой.

– Подумаю! – пообещал он.

И вот новая книга, а в ней интересная, подробная, во многих отношениях поучительная глава «Маяковский в нашей газете» *(см. М. Чарный. Ушедшие годы. М, 1970, с. 159–216)*. М. Чарный вспоминает, что Владимир Владимирович никогда не гнушался специального заказа. Он настойчиво выспрашивал: «Ну, что у вас нового? Расскажите! 0 чем писать?» Замысел стихов нередко возникал именно в таком разговоре или в обсуждении, споре. И неудивительно, что Маяковский участвовал в различных кампаниях, которые в то время проводила «Вечерка»: писал сатирические фельетоны, марши, лозунговые стихи. Поэт много разъезжал, но, когда возвращался в Москву, не проходило и нескольких дней, как он появлялся в редакции. И конечно же не с пустыми руками. Так было и после его приезда из Америки.

Пусть обвинят нас в нескромности, но трудно удержаться от того, чтобы не процитировать В. Маяковского: «Славу писателю делает „Вечерка“ *(В. Маяковский. Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. 12. М, 1959, с. 144)*.

Примеров взаимной привязанности писателей и редакции «Вечерней Москвы» хоть отбавляй. Сошлюсь еще на свидетельство В. Катаева, которое он сделал на страницах «Литературной газеты» в День советской печати 5 мая 1933 г.:

«…Газета учила жизни. Спасибо за это газете! С газетой не порываю и сейчас. То «Вечерка», то «Известия»… Газета – надежная связь с массой».

В. Катаев и Ю. Олеша писали репортажи с первомайских и октябрьских парадов и демонстраций на Красной площади. В годы коллективизации Катаев выезжал в политотдел Раздольской МТС и опубликовал в «Вечерке» серию очерков.

Прозаики и поэты всегда стремились наилучшим образом выполнить задания редакции. Они писали о восстановлении заводов и фабрик после Гражданской войны, строительстве метрополитена, рождении новых архитектурных ансамблей, первом Генеральном плане реконструкции Москвы, обо всем том, чем жил город и его люди. В годы войны своим вдохновенным

словом писатели звали к победе над ненавистным врагом.

А. Караваева проявила качества подлинного репортера, когда, готовя материал для «Вечерки», поднялась на Останкинскую башню, чтобы набраться свежих впечатлений. Е. Долматовский в юности работал на Метрострое. По просьбе редакции он тряхнул стариной, опустился в метростроевскую шахту, чтобы дать газете репортаж. Е. Воробьев провел день с бригадой передовых строителей.

Весь город – от больших дел до мелочей быта – находится в поле зрения столичного писателя. Ему близки проблемы, которые волнуют москвичей. Охрана памятников старины… Зеленые посадки города… Проекты архитекторов… Дела медицинские, транспортные, торговые… Писатель видит зорче, находит такие слова, которые, как говорится, попадают в самое яблочко, неизменно вызывают ответную реакцию читателя.

Взволнованная, благодарная реакция читателя на печатную строку… Сколько сил, энергии приносит она автору, особенно в трудную для него пору. В «Вечерке» знали, как тяжело был болен руководитель Московской писательской организации, постоянный автор нашей газеты С. С. Смирнов. Никто из редакции не осмеливался попросить его что-то написать. И вдруг случайная встреча с ним. Слово за слово, и Смирнов неожиданно говорит: «Созрела тема о Москве, хочется высказаться». 20 февраля 1976 г. появляется полная оптимизма статья «Ритм созидания» – насколько мне известно, последняя прижизненная публикация Сергея Сергеевича.

В редакционных планах всегда предусматриваются темы для писателей. Важно только заинтересовать автора темой, зажечь его (многим сотрудникам редакции, особенно отдела литературы и искусства, этого умения не занимать), а там дело наверняка пойдет на лад. И выходил в свет материал с подписью хорошо знакомого читателям прозаика, поэта, драматурга.

Зачастую многолетняя совместная работа связывает не столько редакцию и литераторов вообще, сколько конкретного журналиста, не исключая и автора этих строк, и конкретного писателя. Одно время я коллекционировал так называемые «редакционные улыбки» – веселые истории, которыми богата жизнь газетчиков. Иные из этих «улыбок» публиковал в журнале «Москва», на страницах «Литературной газеты», «Литературной России» и других газет. Задумал было издать книгу, познакомил с «улыбками» Л. Ленча. Он вернул мне их с… предисловием. Посоветовал использовать добрые связи с писателями: «Ну что вам стоит повстречаться с одним, другим, третьим, записать эпизоды, связанные с их участием в газетах? Такая глава только

обогатит книгу». Я согласился, и вот уже не первый год пополняется рукопись, в которой есть и такой раздел: «А это мне рассказали…» Ее герои И. Андроников, А. Безыменский, Л. Кассиль, Л. Леонов, Л. Никулин. Так что я и другие руководители газеты годами дружим с писателями, что, несомненно, дает себя знать на страницах «Вечерней Москвы», идет на пользу читателю.

Доводилось мне сталкиваться с фактами, когда молодой сотрудник «Вечерки», собираясь обратиться к популярному писателю с какой-либо редакционной просьбой, заранее настраивался на отказ, причем вроде бы убедительный: «Заканчиваю рукопись романа», или «Выезжаю в творческую командировку», или «Сердце что-то пошаливает»… Случалось, такой сотрудник не прочь был бы переложить задание на плечи редактора, его заместителя: с вами, дескать, и разговор будет другой. Однако со временем наши молодые товарищи на собственном опыте убеждались, что не должности покоряют писательское, сердце, а имя нашей газеты – «Вечерняя Москва». И все же очень важно, чтобы был хороший личный контакт. Нередко давнее знакомство приводит к тому, что писатель подсказывает своему редакционному товарищу тему из городской жизни, которая, как ему кажется, представляет интерес для газеты.

В. Лидин пишет добрые слова о врачах и медицинских сестрах Института имени Склифосовского, и редакция охотно помещает его «читательское письмо». А в другой раз он дает рекомендации книголюбам. Серьезный писатель, он не считает, что роняет свой авторитет мелкими публикациями, потому что остается писателем даже в нескольких скупых строках, вызывающих, как правило, значительную читательскую почту.

Никто в редакции не удивился, когда позвонил поэт П. Антокольский и попросил опубликовать его письмо о блоковской усадьбе в Шахматове, о ее судьбе. Письмо увидело свет. Как положено, редакция получила официальный ответ на это выступление и множество читательских откликов.

Примечательна история появления в «Вечерней Москве» одной из злободневных басен С. Михалкова. Как-то во время концертного выступления И. Любезнова моим соседом в зрительном зале оказался С. Михалков. У меня осталось впечатление, что он громче и дольше всех аплодировал артисту. Вскоре поэт позвонил мне по телефону, сказал: «Подошли, пожалуйста, курьера, забери басню. Понравится – напечатай».

В тот же вечер басня увидела свет. Ей предшествовали слова, рассказывающие историю ее возникновения: «На днях я прочитал в «Вечерней Москве» фельетон Ивана Любезнова «Басни, побасенки…» – о тех, кто падок на всякого рода слухи. У меня

появилось желание написать басню, которую, надеюсь, автор фельетона включит в свой репертуар». А вот и сама басня, озаглавленная «Жертвы слухов»:

У Редькиных не жизнь, а сущий ад —
Превращена квартира в целый склад,
Семья живет, как на торговой базе:
Засыпан чай в большой цветочной вазе,
Комод пошел под сахар-рафинад,
Под гречку занята наличная посуда —
Ведь что ни говори, а запасли два пуда!
Супруга Редькина тревожно, чутко спит,
От разных запахов пропал весь аппетит,
Но более всего супругу раздражает,
Что дни идут, а соль не дорожает.
А от проклятой этой самой соли
Того гляди и рухнут антресоли.
А тут еще сосед купил вчера утюг —
Неужто утюги подорожают вдруг?!
Так обывательские слухи
Разносят рыночные мухи.

Не прошло и дня, как народный артист СССР И. Любезнов уже читал эту басню с эстрады…

С концертных подмостков не раз звучали фельетоны, юморески, скетчи, появившиеся на страницах газеты. Дошло даже до того, что в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха имени М. Горького была показана тематическая эстрадная программа в двух отделениях под названием «Москва вечерняя». Л. Миров и М. Новицкий на правах гидов проводили экскурсию по четырем полосам газеты, «остановками» служили различные рубрики.

Нередко короткое писательское выступление в «Вечерке» получает продолжение, порождает у автора мысль, дает ниточку, которая приводит к новой повести, роману. С легкой руки газеты рождаются радио– и телевизионные постановки, сценарии кинофильмов.

Постоянно встречаясь с писателями на страницах «Вечерней Москвы», наши читатели стремятся к более близкому знакомству с ними: интересуются их планами, методами работы – всем тем, что обычно скрыто от постороннего глаза. Тактично и ненавязчиво редакция стремится удовлетворить этот интерес, публикуя интервью, репортажи под рубрикой «Писатель за рабочим столом»…

Когда исполнилось 80 лет Герою Социалистического Труда Н. Тихонову, патриарх советской поэзии под традиционной рубрикой «Писатель – читателю» как бы снова прошел по своим путям-дорогам:

Моя писательская юность отделена от сегодняшнего дня более чем полувеком, и каким полувеком! Когда я учился в школе, в старом Петербурге, или, как тогда говорили, в Питере, главными моими друзьями были книги. Из них я узнавал, как устроен мир, какие подвиги совершил человек, какие на свете страны, что есть на земле хорошего. Я смеялся и плакал над книгой. Книги заставляли меня думать, формировали мой характер. Под влиянием книг я начал писать сам До сих пор я сохранил маленькие, мною самим переплетенные книжки, где тонким детским почерком исписаны сотни страниц, которые сегодня выглядят наивными, и, читая их, нельзя не улыбнуться смелому автору, писавшему в те времена о борьбе народов с колонизаторами, например… Позже я писал и прозой, и стихами и понимал одно – что не писать я не могу и писать буду всю жизнь. Но я понимал и другое – чтобы писать, надо учиться смотреть, слушать, запоминать, переживать увиденное. Надо полюбить слово и чувствовать, как оно звучит, какое оно разное. Прозу я писал с восьми лет, стихи – с четырнадцати. Первое стихотворение было написано под впечатлением смерти Льва Толстого.

Потом я писал, и когда был служащим морского министерства, и солдатом-гусаром в царской армии, был участником и свидетелем таких событий, о которых можно сейчас прочитать только в книгах или услышать от немногих очевидцев, и неизменно старался, чтобы главным моим героем была правда. Не какой-нибудь красочный заменитель правды, добытый из мрачных, безнадежных глубин, а та правда, которую зовут народной, правда, сильная своей уверенностью в собственном торжестве на пользу нашему народу, партии, государству.

Подобные исповеди можно продолжать и продолжать, потому что не иссякает, постоянно пополняется один из самых приметных разделов «Вечерки» – «Писатель – читателю».

Наверное, правомерен вопрос: чем объясняется популярность этой рубрики, почему она сразу нашла свое место на газетной полосе, в читательском сердце? Думается, это яркая публицистика, основанная на фактах жизни, работы писателя, человека, знакомого читателям по многим произведениям, и потому звучащая с особой убедительностью. Искреннее

осмысление своей жизни, встреч, бесед с героями будущих или уже созданных книг не может не найти столь же искреннего человеческого отклика. Рубрика «Писатель – читателю» расширила жанровый диапазон публицистических выступлений «Вечерки», пополнила арсенал средств пропаганды советского образа жизни, лучших литературных произведений о нем.

По реакции читателей на высказывания известных литераторов, по отношению редакционного коллектива к удачно найденной рубрике сразу стало ясно, что эта рубрика попадет в число долгожительниц. Так и случилось.

Как в любой другой газете – «Вечерняя Москва» не является в данном случае исключением, – со временем одни рубрики уступают место другим. В основном эти перемены диктуются самим ходом жизни, появлением новых злободневных тем. Такой процесс закономерен, естествен. Бывают, однако, и иные ситуации. Каждая рубрика ведется обычно силами одного отдела, иногда двух-трех, к ней причастна определенная группа журналистов. Проходит месяц, второй, третий, и «опекунам» рубрики вдруг начинает казаться, что она исчерпана, изжила себя, пора отказаться от нее вовсе или заменить другой. Неправильно сразу отметать также суждения, но и соглашаться с ними без серьезных раздумий не следует. Если рубрика исчерпана, двух мнений быть не может: она исчезает со страниц газеты. Порой мы даже заранее устанавливаем срок ее жизни, ограничиваемся несколькими выступлениями в течение трех-четырех недель. Если же рубрика позволяет идти в ширь и в глубь темы, захватывать все новые и новые области жизни, если читательская почта подтверждает постоянное к ней внимание, тут уж редколлегии, редактору необходимо твердо ее защищать, не соглашаться с доводами не в меру импульсивных коллег, которые в конце концов сами убеждаются в своей неправоте.

Такого мнения я придерживался долго, несколько лет кряду, и упорно оберегал не отдельную рубрику, а целую тематическую полосу «Литература и искусство», выходившую по субботам. Писательский материал – рассказ, очерк, фельетон, рецензия, попав в редакцию, приберегался как бы «на сладкое» до субботнего номера, причем не всегда ближайшего. Подобные целевые страницы были и в некоторых других газетах, но там они то появлялись, то надолго исчезали, а мы, что называется, выдерживали характер.

Не скажу, что меня не одолевали сомнения. В принципе, как уже говорил, я не принадлежу к сторонникам целевых полос в вечерней газете, рассчитанной на самые широкие слои населения и потому стремящейся охватить в каждом номере возможно

большее количество тем, добиться максимального жанрового разнообразия. Но для полосы «Литература и искусство» до поры до времени делалось исключение. Наконец я сдался – согласился на эксперимент, предложенный секретариатом. Он запланировал сборную третью полосу для субботнего номера, отведя в ней достойное место материалам по литературе и искусству. Секретариат вместе с группой журналистов, готовивших эту новинку, постарались вовсю, и сборная полоса удалась на славу, пришлась всем по душе.

И все-таки не это изменило мое мнение о целевой странице «Литература и искусство». В остальные дни недели писательские материалы, которые прежде приберегались для полосы, стали украшением других номеров. И еще одно соображение. Подчас, чтобы заполнить целевую полосу, приходилось скрепя сердце соглашаться на публикацию статей-середнячков, не приносивших газете славы.

Каков же вывод? Страница «Литература и искусство» сначала помогала сделать шаг вперед – улучшить освещение важных тем, пополнить писательский актив «Вечерки». Достигнув цели, редакция смогла сделать второй шаг – отказавшись от полосы, стала более требовательно отбирать писательские материалы и представлять их во многих других, не только субботних, номерах газеты.

Хочется верить, что не без влияния «Вечерней Москвы» среди литераторов все меньше становится таких, которые утверждают, что для газеты надо писать с меньшим старанием, чем, скажем, для «толстого» журнала, и что газета-де отрицательно влияет на язык литератора. Нет, газета учила и учит писателя оттачивать свое мастерство, чтобы разговаривать с людьми по душам, ибо реакция на качество такого разговора – думаю, можно употребить это выражение – мгновенна. Реакция и читателей, и коллег-писателей наступает в тот же вечер – звонят телефоны в редакции, у писателя, а на следующий день уже идут письма. Тут не надо, как при работе над книгой, ждать читательского отклика месяцами, годами, тут все быстрее, нагляднее, зримее. А значит, острее сама оценка труда, хотя и ограниченного экономной газетной площадью, но оказавшегося сразу на виду у всего города.

Писатели в «Вечерней Москве»… Тому, кто пожелает получить достаточно широкое представление об их творческом участии в нашей газете, с некоторых пор можно и не листать подшивки газеты. В издательстве «Московский рабочий» вышла в 1973 г. объемная книга «Печатались в „Вечерке“», ставшая в считаные дни библиографической редкостью.

В нее вошли произведения почти 70 писателей. Откровенно говоря, до обидного мало. К сожалению, нельзя объять необъятное.

Необычной получилась эта книга. Под одной обложкой собраны отражающие дела давно минувших дней репортажи, которые при чтении волнуют и ныне, стихотворения, рассказы о важных событиях в жизни Москвы – города-героя. В книге представлены отрывки из крупных произведений, по праву ставших советской литературной классикой. Достаточно назвать «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, «Цусиму» А. Новикова-Прибоя, «Время, вперед!» В. Катаева, главы из которых в свое время печатала «Вечерка», рассказ А. Толстого «Счастье Аверьяна Мышина», впервые опубликованный на страницах нашей газеты, и многое, многое другое.

Общеизвестно, что «Чапаев» вошел в сокровищницу советской литературы. А ведь все началось с очерков, которые писал политработник Д. Фурманов. Истоки знаменитого романа «Молодая гвардия» заложены в корреспонденции, которую А. Фадеев опубликовал в «Правде». Главы будущей выдающейся книги А. Твардовского «Василий Теркин» увидели свет на страницах армейской газеты «Западный фронт»…

Так что «Вечерка» по мере своих возможностей укрепляет и развивает эти добрые традиции.

Читатель берется за перо

Легко понять радость человека, взявшегося за перо, чтобы написать в редакцию о празднике своей семьи: сборы окончены, машина заказана, ключи от новой квартиры получены, и, конечно, жизнь в ней будет счастливой… К таким письмам трудно относиться равнодушно – с особым чувством перепечатывают их машинистки, готовят к публикации сотрудницы редакции. «Вечерка» охотно предоставляет свои страницы этим письмам…

Получение новой квартиры – всегда праздник, и никому не позволено омрачать его. К сожалению, в редакционной почте еще встречаются письма новоселов, сетующих, что возле их домов суетятся рвачи, пользующиеся нерасторопностью некоторых организаций жилищного хозяйства, службы быта. Корреспонденты газеты пошли по следам этих сигналов, памятуя, что утверждение советского образа жизни происходит в борьбе с явлениями, ему чуждыми.

Репортаж «Прейскурант поборов» – отклик на читательские письма. Описав злоключения новоселов одного дома и подытожив

свои наблюдения, авторы репортажа отметили, что этот случай, если судить по редакционной почте, увы, не исключение. Проверяя сигналы читателей, они убедились в том, что неприглядная картина повторяется и в других местах. Репортаж получил обширную почту, в которой приводились подобные же факты. Но были письма и иного рода: об отличных, без сучка и задоринки, работе строителей, обслуживании новоселов.

В редакции не собирались класть положительные и критические письма на разные чаши весов, чтобы посмотреть, какая перетянет, и сделать вывод, правильно ли мы поступили, выступив с острой критикой. Даже единичные случаи поборов, халтуры не могут оставаться незамеченными, безнаказанными, не должны ускользать из поля зрения «Вечерки».

Письмо в газету, желание посоветоваться с ней, высказать свои предложения, обратиться к ней за помощью – это принципиально новое явление в истории массовой периодической печати, рожденное социалистическим образом жизни. Доверие к советской прессе огромно, оно является источником силы, эффективности воздействия на умы и сердца людей выступлений газеты.

Письма читателей в «Вечернюю Москву», как и в другие газеты, информируют о новых явлениях в жизни города и страны, о положении дел на том или ином участке коммунистического строительства, об интересах, настроениях, запросах трудящихся. Они как зеркало отражают демократизм нашего общественного строя, представляют собой характерную черту советской прессы, для которой принципы народности, массовости всегда были и есть ведущие.

Нет, пожалуй, номера «Вечерней Москвы», в котором не присутствовали бы письма читателей. По средам или пятницам им отводятся целые страницы. На редакционных планерках, летучках не раз отмечалось, что полоса писем часто получается куда интереснее, многообразнее, чем обычные страницы. Это говорится не для красного словца. Читатель действительно глубоко вникает в суть дела, поднимает проблемы, до которых у штатных сотрудников не всегда «доходят руки».

Могут спросить: кто готовит эти публикации? Вся редакция! Да, да, не только сотрудники отдела писем, а все журналисты газеты. Любопытно, что авторы нередко адресуют свои письма определенным рубрикам: «Читатель благодарит», «Читатель критикует», «Читатель рассказывает». Есть и рубрика «Читатель рисует», для которой нам присылают портреты передовиков производства, зарисовки полюбившихся уголков столицы. Когда хороший рисунок сделан на злобу дня, посвящен фактам,

сообщенным утренними газетами, тут уж ему прямая дорога в очередной номер «Вечерки». Так, по прямым следам событий увидел свет рисунок народного художника СССР Б. Ефимова, называвшийся «Горе-барабанщик» и высмеивавший противников разрядки международной напряженности.

В редакционной почте много писем о советском образе жизни, о пути, пройденном после Великого Октября страной, народом под руководством ленинской партии.

Все мы знаем, что почти в каждой семье бережно хранят документы, фотографии, письма – дорогие реликвии, которые напоминают о прожитом, пережитом. Да и в семьях многих сотрудников редакции есть они, но почему-то никому не приходила мысль напомнить москвичам об их домашних архивах, обратиться с просьбой рассказать в газете о дорогих сердцу памятных весточках из героического прошлого советского народа. Эта добрая мысль была высказана в письме, полученном редакцией. Нам оставалось немногое: напечатать его, снабдив рубрикой «Хранятся в семье реликвии» и просьбой к читателям присылать для нее материалы.

И пошли в редакцию письма о документах, вещах, с которыми связаны вехи жизни их владельцев, примечательные страницы истории нашего Советского государства. Огромной, впечатляющей силой обладали эти свидетели минувшего, возвращающие память к давним событиям, их участникам, бросающие отсвет славного прошлого на день сегодняшний, помогающие полнее познать цену достигнутого.

С весны 1919 г. хранит Н. Сергеев номер газеты «Путь коммуниста» Юхновского укома РКП(б) и уездного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов с заметкой «Майский подарок красноармейцам». «Каждый раз, беря его в руки, испытываю особое волнение, – пишет Н. Сергеев. – Ветхий, истертый газетный лист воскрешает живое дыхание той эпохи… Второй год Великого Октября…».

«Вечерняя Москва» напечатала это и подобные письма, ценность которых неизмерима, особенно для молодежи. Возникла «цепная реакция»: каждое из писем вызывало у многих желание обратиться к прошлому своей семьи, города, страны, сопоставить себя, свою работу, свои чаяния и поступки в те времена и сейчас. Очищающий огонь памяти будоражил мысли и чувства. Строки этих писем как бы взяты из великой летописи советского народа, написанной миллионами.

Письма о Великой Отечественной войне, письма бывших солдат, письма о солдатах не иссякают в почте газеты. Все больше лет отделяет нас от победного 1945 года, все меньше участников

битвы с фашизмом остается среди нас, но негасим вечный огонь памяти народной. С душевным трепетом берут в руки письма работники редакции – ветераны войны, с особым чувством готовят их к печати молодые журналисты – сыновья, теперь и внуки тех, кто защищал Родину.

На следующий день после получения редакцией письма из Витебской области оно появилось в «Вечерней Москве». Автор его, молодой солдат, рассказал о сообщении, которое прочитал в своей окружной газете:

Механизаторы колхоза «Прогресс» Дубровенского района Витебской области, вспахивая землю близ деревни Холовье, обнаружили останки советского воина. Здесь же была найдена медаль «За отвагу». Колхозный автомеханик, бывший солдат Советской Армии Станислав Дубов решил установить. по номеру медали имя погибшего героя. Его настойчивость увенчалась успехом. Выяснилось, что медаль принадлежит Владимиру Васильевичу Вихареву, рядовому 508-го стрелкового полка 174-й стрелковой дивизии. Когда началась Великая Отечественная война, В. В. Вихарев ушел на фронт добровольцем, мужественно сражался под Москвой, на Смоленщине и в Белоруссии. «Прочитал я это сообщение,– говорилось в письме,– и захотелось мне рассказать о нем москвичам: во-первых, потому, что Владимир Васильевич Вихарев – уроженец Москвы, во-вторых, чтобы помочь С. Дубову, который ведет сейчас поиск родных и близких советского солдата, отдавшего жизнь за любимую Родину».

Редакция сопроводила письмо просьбой к читателям откликнуться, если кому-то известно имя В. Вихарева, если кто-то знает, где находятся его родные, близкие.

Через несколько дней в газете появилась фотография В.В. Вихарева, относящаяся к 1941 г., и заметка, озаглавленная «Ему было 19». Вот предыстория этой публикации.

Письмо молодого солдата прочитал родственник погибшего воина. Его мать, родная сестра матери В. Вихарева, и они берегут память о Володе. Наш читатель принес с собой стопку пожелтевших листков: справку командира части о том, что комсомолец Вихарев прибыл «для выполнения спецзаданий РО штаба Западного фронта», письма Володи, его фотографию, на обороте которой после получения похоронной рукой матери написано: «Вова, милый, ты погиб, когда тебе было 19 лет и один месяц…» До осени 1943 г. письма шли из партизанских соединений, некоторые так и начинались: «Из Брянского леса». В сентябре 1943-го Владимир писал: «Дорогая мама, скоро

увидимся. Меня представили к награде, приказ уже есть, ухлопал много фрицев…» 1 октября: «Соединились с частями Красной Армии. До скорого свидания». А почти вслед за этим – извещение Октябрьского райвоенкомата г. Москвы: «…в бою за социалистическую Родину, верный военной присяге, проявив геройство и мужество, Владимир Васильевич Вихарев был убит 14/X1 – 1943 года». В 1964 г. после тяжелой болезни мать Володи Вихарева умерла. Жила последнее время у дочери.

Приходил в редакцию и родной брат солдата – модельщик Московского локомотивно-ремонтного завода, говорил, что очень хочет встретиться с С. Дубовым из колхоза «Прогресс» Витебской области, побывать на том месте, где были найдены останки брата.

Редакция переслала обе публикации автору письма – молодому солдату и автомеханику колхоза «Прогресс», ветерану войны С. Дубову.

Такова одна из многочисленных «Историй в письмах» – эхо войны, которое звучит со страниц «Вечерней Москвы». В разные годы они сопровождались разными рубриками: «Хранится в семье реликвия», «Вспомни, товарищ, годы огневые», «Поиск ведет «ВМ», «Поиск по просьбе читателя» и другими, напоминая о патриотизме, мужестве, проявленных в тягчайших испытаниях во имя нашего сегодняшнего настоящего и будущего.

Письма солдат-ветеранов, письма о минувшей войне всей своей сутью, каждой строкой призывают беречь мир, крепить могущество социалистической Родины…

Что ни письмо – пусть в нем 20, 40, 150 строк, – то судьба человеческая, свидетельство духовного роста советских людей, показатель их глубокого понимания политики партии, своей роли в ее осуществлении.

Рассказывая о таких письмах, уместно, думается, вспомнить о дружеской переписке, которую около полувека назад вел М. Горький с рабочими корреспондентами. В то время рабкоры полагали, что главное для них – подмечать негативное в нашей жизни, вынося на суд общественности то, что мешает продвигаться вперед. И коль скоро их письма появятся на страницах прессы, то можно не сомневаться – недостаткам будет положен конец. А вот показ положительных явлений советской действительности якобы не их дело. Писатель утверждал, что нельзя отрывать одно от другого, что нужно травить все негодное и в то же время учить на хороших примерах. «0 чем же рабкорам следует писать больше – о хорошем или плохом? Я – за то, – советовал М. Горький, – чтоб писали больше о хорошем. Почему? Да потому, что плохое-то не стало хуже того, каким оно всегда было, а хорошее у нас так хорошо, каким оно никогда и нигде не

было. Темное кажется темнее потому, что светлое стало ярче. Я не преувеличиваю действительности, не глух, не слеп… Само собой разумеется, что плохому должна быть объявлена война беспощадная, на уничтожение» *(М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 24, с. 299)*.

Вскоре Алексею Максимовичу пришлось вновь взяться за перо, чтобы ответить на поступившие к нему письма. «Кое-кто из товарищей поняли меня так, как будто я советую писать *только* о хорошем, *только* о тех достижениях рабоче-крестьянской власти, которыми она может вполне законно гордиться… Нет, писать о плохом необходимо… Но… чем заметнее будет подчеркнуто, ярче рассказано хорошее, – тем яснее будет видно «плохое», тем постыднее покажется оно» *(там же, с. 304–305)*. Жизнь подтверждает справедливость этих слов.

Высокой сознательностью, хозяйской заботой об умножении народного богатства было продиктовано письмо в редакцию рабочей семьи Трухиных. Оно называлось «Будем бережливыми!».

Нас четверо, – говорилось в письме, – отец семейства Иван Георгиевич Трухин, токарь механического завода № 2 Главмоспромстройматериалов, награжден недавно орденом Трудовой Славы, коммунист, вступил в партию в 1943 году под Витебском, хозяйка дома Александра Григорьевна, грунтовщица хромового кожевенного завода; старший сын, Валерий, шофер; младший, Виктор, слесарь, работает вместе с отцом, комсомолец. Живем в двухкомнатной квартире, которую дал завод. Как видите, все взрослые, все работаем – в семье достаток. Конечно, заработку, расходам счет ведем, без этого нельзя…

Семья Трухиных писала о том, что сердцу и уму человека труда, собственными руками создающего достаток в своем доме, в стране, близок, понятен призыв партии поднимать качество работы, по-хозяйски относиться к использованию оборудования, материалов, государственных средств, соблюдать строжайший режим экономии. Иных путей достижения высоких показателей, нужных всему народу, каждому советскому человеку, нет. Это Трухины знают по собственному опыту: важно не только хорошо потрудиться, но и сберечь сделанное. Таков закон жизни каждой семьи и всей страны. Авторы письма рассказали о том, что предпринимают коллективы предприятий, где они работают, для усиления режима экономии, о достигнутых результатах.

Но вот окончена смена, мы возвращаемся домой, – писали далее Трухины, – подходит человек к лифтам и нажимает сразу

кнопки обоих подъемников – едет в том, что быстрее спустился.

А второй лифт? Его кто-то вызвал снова на верхний этаж, пустая кабина направляется туда, электроэнергия пускается на ветер. Наш квартирный счетчик в это время не крутится.

А счетчик общенародный, государственный? Он точно указывает размер бесхозяйственности. Бывает, семья смотрит телевизор, а в кухне горит свет. Тут уж, правда, крутится личный счетчик. Да велика ли потеря для семейного бюджета? Четыре копейки за киловатт-час – гроши. Электроэнергия у нас дешевая, цена за нее не повышается, но это не значит, что она – подарок природы. Надо строить электростанции, добывать для них топливо. Дешев газ – 16 копеек с человека в месяц, вот и кипит чайник на плите, пока о нем кто-нибудь не вспомнит.

Привычка к бережливости воспитывается с детства. Сейчас дети в семьях не знают того, что вынесло старшее поколение, и это очень хорошо. Для этого мы работаем, стараемся. Плохо другое: не всегда сыновья, дочери умеют, хотят беречь наработанное и старшими, и ими самими, молодыми.

Скажем еще о хлебе, который тоже очень дешев у нас. От дедов, прадедов идет в нашей семье обычай беречь хлеб, чтобы крошки не пропало. Мы никогда не покупаем лишнего – ни белого, ни черного, корку горелую не бросим. И как же обидно, больно становится, когда вдруг видишь в мусорном баке выброшенную чьей-то легкой рукой половину батона. Это же преступление!

Нельзя нам нигде терпеть бесхозяйственность – ни на работе, ни дома, нельзя обкрадывать самих себя. Чтобы сказать об этом, мы и написали в газету.

Искреннее, на большом жизненном опыте основанное, это письмо (оно было напечатано в сборнике «Азбука нравственности» издательством «Молодая гвардия», к сожалению, без ссылок на первоисточник – «Вечернюю Москву») вызвало много откликов, положило начало новой газетной рубрике, так и названной – «Будем бережливыми!». Примечательно, что вслед за Трухиными авторы писем обстоятельно, с фактами в руках рассуждали о том, как много есть резервов экономии и на производстве, и в быту.

Разумеется, не каждое письмо в редакцию способно вызвать желание читателей продолжить разговор по затронутой в нем теме. Далеко не всегда почта приносит письма, требующие от газетчика лишь увидеть в них «первый импульс». На почту рассчитывай, да сам не плошай, проявляй инициативу, ищи тему, ищи автора! Придерживаясь этого золотого правила, «Вечерняя Москва» устроила немало, как мне думается, полезных

обсуждений, в том числе под рубрикой «Авторитет квитанции – авторитет фирмы». Присутствуя на встрече молодежи с Героем Социалистического Труда машинистом-инструктором метрополитена А. Беловым, сотрудник редакции не пропустил мимо ушей вскользь высказанную мысль: А. Белов посетовал, что служба быта работает отнюдь не с такой точностью, аккуратностью, как метро, где он и его ученик водят поезда по секундному графику. «Наш бы график да ателье, прачечным, – с улыбкой заметил машинист. – Есть в квитанции срок, так изволь соблюдать его: ведь не секунды мы тут теряем, а часы, дни».

Редакция пригласила А. Белова высказаться по этому поводу на газетной полосе, и вскоре «Вечерка» опубликовала его письмо «Авторитет квитанции – авторитет фирмы». В нем отмечалось, что в Москве основательно взялись за улучшение службы быта: вкладываются значительные средства, строятся фабрики-прачечные, химчистки, ремонтные заводы, предприятия оснащаются новой техникой. Однако новые здания, новая техника принесут желаемую пользу только в руках умелых, добросовестных людей.

Думается, – писал А. Белов, – всем нам, жителям Москвы, ставящим перед собой задачу превратить родной город в образцовый, коммунистический, пришла пора взглянуть на свои отношения со службой быта с позиций высокой требовательности, помочь поднять работникам этой службы свою коллективную и индивидуальную ответственность перед населением И верно: в сфере обслуживания ни в какие сметы, планы не уложишь доброе отношение к клиенту, вежливость, отзывчивость, стремление и умение сделать посещение ателье, мастерской и полезным, и приятным. Все это не требует дополнительных затрат, но, несомненно, отражается на работе службы быта, а если взглянуть более широко, то и на стиле, тоне отношений людей в городе…

Редакция получила сотни откликов. Каждую неделю давались подборки писем: где-то плохо сшили платье, или нагрубили, или отказались дать книгу предложений и жалоб, или заставили без толку приходить несколько раз… Регулярно сообщалось о принятых по этим сигналам мерах. Было подготовлено несколько бесед с руководителями фирм службы быта, рассказавшими, что предпринимается для улучшения деятельности предприятий. Месяца через два поток критических сигналов уменьшился. Завершила рубрику «Авторитет квитанции – авторитет фирмы» беседа с заместителем председателя исполкома Моссовета,

поделившимся своими соображениями о том, как и где будут осуществлены предложения авторов писем, обрисовавшим завтрашний день службы быта.

Положив конец этой рубрике, редакция не сложила и не собиралась складывать с себя полномочий общественного контролера деятельности предприятий сферы обслуживания. Также полномочия возлагает на «Вечерку» читатель, постоянно обращающийся в редакцию с письмами о работе ателье, прачечных, химчисток, мастерских, парикмахерских. В основном читательскими письмами поддерживается жизнь многолетней рубрики «Как вас обслуживают?», материалы которой и критикуют недостатки, и распространяют лучший опыт, воздавая должное и передовикам, и недобросовестным работникам. Вместе с тем в дополнение к ней периодически – на месяц-другой – создавались подрубрики, схожие с той, что получила название «Авторитет квитанции – авторитет фирмы». Схожа с ней и кампания, акция, как принято говорить в редакции, проводившаяся под девизом «Служба быта: четкий ритм – гарантия сроков и качества». Начата она была письмом группы передовиков Дома моды Ждановского района, напечатанным на первой странице «Вечерки» и продолженным на второй корреспонденцией об организации труда этого коллектива. Устраивались и заочные читательские конференции: «Услуга приходит на дом», «Приемный пункт – представитель фирмы услуг». Подрубрики, кампании, акции, как правило, вызываются редакционной почтой, злобой дня. Они расширяют, углубляют многие русла, в которых протекает деятельность редакции в течение ряда лет, постоянно приковывают внимание общественности к тем или иным сторонам важных проблем. В известной мере это отражается на редакционной почте, дает движение старым, так и хочется сказать «вечным», темам, обогащая их новыми, актуальными мыслями и фактами. Так, письмо Трухиных помогло газете поднять более глубокие пласты постоянной темы «Вечерней Москвы» – экономить в большом и малом, показать, как важно быть рачительным хозяином не только в работе, но и в быту. Письмо А. Белова, отклики на него оттеняли значение работника службы быта даже в период, когда предприятия этой службы насыщены техникой, т. е. в современных условиях, призывали поднять ответственность людей на порученное им важное дело, освещали положительное и отрицательное в деятельности тех или иных коллективов, способствовали распространению хорошего опыта, помогали в борьбе с недостатками.

Не стану безапелляционно утверждать, что, прочитав

публикацию под рубрикой «Авторитет квитанции – авторитет фирмы» или под другой, подобной ей, все коллективы сразу и окончательно избавлялись от того, что вызывало нарекания в их деятельности. Сколь легко и просто было бы тогда покончить с недостатками! Ни на простоту, ни на легкость в редакции никто не рассчитывал. Но вряд ли кто станет утверждать, будто постоянное внимание газеты, общественности не принесло отрадных результатов. По письмам, сигнализирующим о конкретных недостатках, всегда принимаются меры. Это важно само по себе, но это далеко не все, этим редакция обычно не удовлетворяется. В подтверждение приведу пример, обратившись к рубрике «Наши дома нам и беречь».

Редакционная почта приносит немало писем для этой рубрики, которая особенно активно ведется в периоды общегородских смотров состояния жилищного хозяйства, подготовки к зиме. Получили мы письмо и жителей дома на Плющихе. О тех недостатках, о которых оно рассказывало, сообщили в газете под заголовком «Зима спросит строго», опубликовали ответ заместителя председателя райисполкома о принятых мерах. А через некоторое время выступили вновь.

Прежде речь шла о конкретном доме, отмечала газета. Следовало ожидать, что тревожный сигнал не останется без внимания руководителей жэка, поможет им сделать правильные выводы, перестроить работу. Однако этого не произошло. И вот новые жалобы из других домов. Редакция надеется, что такое отношение жэка к жалобам и заявлениям жителей серьезно насторожит исполком районного Совета.

Это постоянная позиция «Вечерки»: письмо читателя – повод не только для устранения названных им недостатков, но и для самокритичной оценки своей работы коллективом, его руководителями, несущими ответственность за порученное дело. С таким расчетом ввела «Вечерняя Москва» и рубрику «Как дела, автолюбитель?». Вызвана она была также редакционной почтой, но началась не письмом читателя, а интервью с начальником объединения «Мосавтотехобслуживание», который, как мы и ожидали, нарисовал довольно-таки радужную и весьма далекую от действительности картину. Это интервью редакция сопроводила всего-навсего «коротким послесловием». Мы предоставили, говорилось в нем, слово руководителю службы автосервиса. Но многие москвичи имеют свой опыт пользования услугами станций. Как пишут в редакцию некоторые автолюбители, они предпочитают московским станциям ту, что, например, в городе Чехове. Очевидно, многое еще нужно улучшать и совершенствовать в работе столичного автосервиса,

брать на вооружение опыт лучших коллективов. Какие станции Москвы, по вашему мнению, работают хорошо, а какие плохо, спрашивала редакция читателей; есть ли новшества, которые следует перенять и внедрить в столице; каков должен быть распорядок работы станций?

И пошли письма! За несколько дней их число достигло 600. Рабочие и инженеры, врачи и учителя, профессора и академики, писатели и артисты откликнулись на это интервью. Газета напечатала несколько обзоров и репортаж «Кому выгоден дефицит?» – о запасных частях для автомашин. Замечания и предложения, высказанные автолюбителями, обсуждались на открытом партийном собрании в автоцентре «Жигули». Именно на этом собрании несколько передовых бригадиров приняли на себя обязательство работать под девизом «Гарантируем отличное обслуживание». Бюро Советского РК КПСС и коллегия Главмосавтотранса поддержали это начинание, а газета проинформировала читателей и о партийном собрании, и о том, что у передовых бригад нашлись последователи. Как нередко случается, читатели внесли поправки в первоначальные планы редакции, расширили тематику рубрики. Например, письмо об этике водителя вызвало более 300 откликов – об отношениях шоферов и пешеходов, их поведении, взаимопомощи, об организации уличного движения в городе.

Я не помню случая, чтобы читатели не откликнулись на просьбу редакции совместными усилиями проверить деятельность предприятий сферы обслуживания, – в улучшении ее заинтересованы все. Но было бы непозволительно журналистам, уповая на читательскую активность, действовать по шаблону, не утруждать себя поисками все новых форм и методов упрочения контактов с москвичами. Поиски не остаются незамеченными, и добрые семена дают всходы.

Как-то сотрудник «Вечерки» отправил сам себе 100 писем. По правилам, местное письмо, опущенное в ящик до 10 часов утра, должно дойти по назначению в тот же день. Некоторые из 100 писем шли три дня. Анализ «самопочты» показал, в каких ящиках начинается сверхдолгий путь писем, какие отделения связи плохо выполняют свои обязанности. Результаты анализа легли в основу корреспонденции «Оранжевые иллюзии» (почтовые ящики для местных писем окрашены в Москве в оранжевый цвет).

Но что такое 100 писем? Капля в огромном океане столичной почты. Выводы «Вечерки» без труда можно было оспорить, ссылаясь на какие-то случайности, которые, дескать, не касаются основной массы корреспонденции.

Наши предположения оправдались, когда из редакции

позвонили на почтамт и сказали о готовящейся статье. «А нельзя ли предварительно познакомиться с ней?» – спросили на почтамте. Редакция не без «умысла» согласилась. Когда знакомство состоялось, там с облегчением вздохнули и даже упрекнули нас: «Ну, какая же это массовая проверка? Всего 100 писем!»

Мы не стали скрывать упрека связистов, повторили его в корреспонденции «Оранжевые иллюзии» и пригласили читателей устроить действительно массовую проверку. Попросили их: присылайте, пожалуйста, контрольные письма в редакцию, обозначив в них номер ящика, куда опущен конверт, и время отправления с точностью до минуты. На обращение откликнулись сотни добровольных помощников. Многие указывали свою профессию, возраст, хронометраж, что к нам московские письма шли гораздо больше одного дня. Нам написали рабочие и ученые, врачи и студенты, педагоги и школьники – представители всех слоев населения, причем далеко не все авторы были обижены почтой – людьми двигало желание принять участие в общественно значимом начинании «Вечерки».

Тут-то вдруг и обиделись на почтамте и в Министерстве связи: были гневные телефонные звонки, раздраженные письма на официальных бланках. Редакцию это, естественно, не остановило, и в газете появились обзоры писем, построенные на многочисленных и убедительных фактах. Тогда проверку провело само Министерство связи СССР. Выводы специалистов совпали с нашими. Министр связи прислал в редакцию ответ, рассказал о мерах, которые ускорили движение писем. Так, начав со 100 писем самой себе, «Вечерка» сделала доброе дело, укрепила контакт с читателями.

В «Оранжевых иллюзиях» все было бесспорно: существуют правила, регламентирующие работу почты, и их надобно соблюдать. В споре со связистами, поначалу впавшими в амбицию и пытавшимися защитить честь мундира, по существу спора же было: правила-то написаны именно для них, и в тех правилах все ясно.

Но жизнь города рождает немало проблем, взгляд на которые, пути решения которых не всегда однозначны, вызывают различные суждения. Раз так, то в городской вечерней газете вполне уместна рубрика «Ваше мнение?». Зачастую спорам на газетных страницах предшествуют и сопутствуют дискуссии в самом редакционном коллективе, как произошло это, в частности, при обсуждении письма продавщицы магазина, появившегося затем в рубрике «Ваше мнение?».

Проблема касалась торговли и была давняя и насущная: еще

нередки очереди у прилавков, касс магазинов. Письма об этом периодически встречались в редакционной почте. Печатая их, выступая со статьями, корреспонденциями, фельетонами, «Вечерка» вносила свой вклад в улучшение обслуживания москвичей. Так что ничего нового, тем более спорного в самой теме не было. Давала право на рубрику «Ваше мнение?» постановка вопроса в письме продавщицы, история которого сходна с историей обращения в газету машиниста метро А. Белова. В обоих случаях дала о себе знать инициатива редакции в поиске тем, авторов, активная позиция в формировании нашей почты.

Корреспондент «Вечерней Москвы» по сигналу читателя отправился в магазин, чтобы проверить справедливость жалобы. Пришел он в час бойкой торговли, в час «пик»; действительно, факт налицо – у касс собрались очереди. После бесед с руководителями магазина, кассирами, продавцами, покупателями накопилось достаточно материала для корреспонденции о недочетах и, будем справедливыми, некоторых достоинствах в организации труда коллектива большого магазина самообслуживания. Корреспонденция была бы написана и напечатана, если бы к нашему сотруднику не обратилась напоследок продавщица, проработавшая тут долгие годы. По всему было видно, что она не оправдывала недочеты в своем деле, переживала, когда оно не ладилось, хотела, чтобы все шло хорошо. Это естественно для добросовестного работника. Короче говоря, беседа затянулась и наконец подошла к тому, что показалось журналисту оригинальным, хотя и спорным. «Напишите все, о чем мы говорили, – предложил он продавщице. – Может получиться интересное письмо».

Собеседница сначала отнекивалась, ссылалась на то, что никогда в газеты не писала, что ее дело – хорошо торговать, а писать – это уж увольте. Пришлось потратить немало сил, чтобы переубедить ее, и вскоре она принесла в редакцию полторы странички своего, как она сказала, сочинения. Я прочитал его – мысли действительно были стоящими, наблюдения точными, но автору требовалось помочь логично изложить их, исправить кое-какие огрехи, сохранив «изюминку» письма. Квалифицированный журналист поработал вместе с автором, и «сочинение» продавщицы увидело свет под заголовком «Вы пришли в час «пик». Почему?» и тремя подзаголовками: «Тихое время в магазине», «На полках пусто, в зале густо», «Берегите свои и чужие минуты».

В письме говорилось, что пять из 11 часов, когда открыт магазин, особенно напряженные – это часы «пик». О них знают, к

ним заранее готовятся: выкладывают на полки побольше товаров, открывают дополнительные кассы, но очереди все-таки скапливаются. В магазине думают, как улучшить организацию труда, усилить взаимную помощь.

Мне хочется спросить покупателей, – писала продавщица, – почему они выбрали для похода в магазин именно эти часы, часы «пик»? Не собираясь диктовать, кому куда и когда ходить, я задаю этот вопрос, чтобы пригласить в наш магазин в «тихие» часы всех, кто может ими воспользоваться. Вы не только сбережете свои собственные минуты, но и минуты тех, кто не может в силу разных причин выбрать для себя «тихое» время и вынужден приходить в час «пик». Посещать магазин в определенное время тоже ведь привычка… Пусть же наши покупатели сами продумают: когда удобнее ходить в магазин и не стоит ли им изменить время?

Эта последняя фраза письма вызвала споры в редакции, на мой взгляд, тоже подтверждающие обоснованность рубрики «Ваше мнение?», выбранной для него. Одни утверждали, что замечание продавщицы справедливо, вторые возмущались ее стремлением «лезть с советами», кому и когда делать покупки, третьи просто-напросто винили нерасторопных работников торговли.

Ну а каково было мнение читателей? Не ради же внутриредакционных дискуссий предоставили мы слово продавщице. Приведу три из многих полученных и опубликованных писем.

Письмо первое. Осуществление дельного предложения поможет в какой-то мере избавиться от очередей в магазинах. В торговом зале на видном месте надо вывешивать объявление с указанием «тихих часов» и приглашением москвичей приходить за покупками именно в такое время. Это нужно сделать не только в небольших магазинах, но и в крупнейших гастрономах.

Письмо второе. Действительно, почему все идут в магазин в часы «пик»? Но ведь эти «пики» создают сами работники торговли! Рядом с моим домом – гастроном, овощной и продовольственный магазины. Они в разных торгах, но ритм работы одинаковый. Открываются все в 8 часов утра, и, как правило, часть прилавков, витрин в это время пуста. Конечно, есть крупа, консервы, но молока, кефира, масла, творога и других ходовых продуктов часто не бывает. Их только начинают подавать в торговый зал. А приди в наши магазины за час до закрытия – молоко убрали, сыр, колбасу тоже; все продавщицы спешат навести порядок на своем рабочем месте и… на своем лице.

Выход ясен: нужно четко работать с открытия до закрытия, иметь в течение всего дня широкий выбор товаров.

Письмо третье. Хорошо, что газета начала разговор, который, несомненно, принесет пользу всему населению города. Продавщица разъяснила, как создаются часы «пик», но упустила одно немаловажное обстоятельство: нет ответа на вопрос, почему продовольственные магазины закрываются на обед все вместе? Это очень неудобно, и после перерыва появляется час «пик» – с 14 до 15. Я считаю, что расположенные неподалеку друг от друга продовольственные магазины, булочные, овощные магазины должны устраивать перерыв в разное время.

Трудно точно установить меру эффективности дискуссии о часах «пик» в магазинах. С ней все обстоит значительно сложнее, чем с письмами, называющими конкретных виновников определенных недостатков. Речь шла о привычках покупателей, устоявшихся правилах труда в магазинах. Острие обсуждения не было направлено ни против «недисциплинированных покупателей», как требовали одни письма, ни против работников торговли, как хотели авторы других, хотя ряд писем со взаимными упреками был опубликован.

Если мерить эффективность этой дискуссии величиной последовавшего за ней материала «Меры приняты», то она оказалась нулевой, ибо победного конца не было и быть не могло – на него, кстати, в редакции и не рассчитывали. Если же видеть дальнюю цель, не забывать о роли газеты в формировании общественного мнения, повышении чувства ответственности за свои поступки людей, живущих и работающих в большом городе, то результативность подобных обсуждений, мне кажется, несомненна. В подтверждение этого сошлюсь на письмо из «другой оперы», пришедшее для популярной у читателей рубрики «Обсуждаем проект». Его автор писал:

Нужно обладать большим мужеством, чтобы вынести свой проект на обсуждение такой большой аудитории, какой являются читатели «Вечерней Москвы». Но ведь так и должно быть у нас. Все архитектурные проекты или, по крайней мере, большинство из них, имеющие первостепенное значение для нашего города, должны гласно обсуждаться москвичами. Можно ли сомневаться, что будущие постройки от этого только выиграют? Но есть здесь и другая сторона – такие обсуждения воспитывают у читателей чувство хозяина своего города, ответственность за создаваемые материальные и духовные ценности.

Это письмо было среди тех, что поступили в газету в ответ на

статью архитектора, представившего на обсуждение проект реконструкции Комсомольской площади.

Кого из горожан не интересует завтрашний день улиц и площадей, квартиры, где он будет жить, школы, куда пойдут его дети, магазина, куда он отправится за покупками? У «Вечерней Москвы» со многими известными архитекторами, коллективами проектных институтов установился прочный контакт – не без взаимной творческой выгоды для обеих сторон. Архитекторы советовались с читателями по поводу застройки Комсомольской площади, интересовались их мнением о центрах обслуживания в микрорайонах, о проекте школьного здания и других своих работах.

Обсуждения начинались статьями архитекторов, представлявших проект. Вслед за статьей в том же номере газеты публиковались вопросы для дискуссии, выходившие за рамки «чистой» архитектуры. Делалось это для того, чтобы вовлечь в разговор возможно большее число участников, выяснить мнение по широкому кругу проблем, в том числе социальных, демографических, бытовых, так или иначе отражающихся в проектах и свершениях московских зодчих.

Вот какими, например, вопросами сопровождалась статья о школьном здании: Что вы можете сказать о здании ближайшей к вам школы? Считаете ли вы необходимым иметь в каждой школе группы продленного дня? Дети каких классов должны находиться в них? Какие помещения нужны для этих групп? Какие преимущества, по-вашему, имеют учебные кабинеты перед классными комнатами? Что говорят об этом ваши дети? Нужны ли в школе кружки того типа, какие имеются в Доме пионеров? Если нужны, то какие именно? Может ли школа охватить всех детей занятиями спортом? Что должно входить в спортивный комплекс школы? Заинтересовали ли вас проекты школ, о которых рассказал автор статьи? Каким, по-вашему, должно быть здание школы?

Ответы на все эти вопросы были желательны, но совершенно необязательны. Они представляли собой лишь канву и нужны были, чтобы побудить человека взяться за перо. Иные добросовестно отвечали на все вопросы, иные ограничивались одним-двумя, иные сами выдвигали вопросы и отвечали на них, внося в дискуссию новые направления.

Мы взяли за правило не печатать в ходе обсуждения очень крупных материалов, хотя бывают исключения. Простота, краткость прочитанного вызывали у людей, прежде никогда не задумывавшихся над обсуждаемыми вопросами, желание поделиться своим мнением. Кроме того, преимущество краткости

состоит, как известно, еще и в том, что она позволяет поместить в газете побольше писем.

Бывало, от архитекторов, да и не только от них, выслушивали мы упреки: не своим, мол, делом «Вечерка» занимается. Нам говорили, что обсуждение проектов должны вести специалисты в своих специальных изданиях и не следует посвящать в это «таинство» остальных, ибо ничего путного о градостроительстве от них не услышишь.

Внешне подобные суждения кому-то могут показаться неубедительными. Но если этот «кто-то» обратится к почте «Вечерней Москвы» и если он добросовестно заблуждается и не склонен с упорством отстаивать ошибочное мнение, то ему придется согласиться с нами: да, обсуждение проектов в городской вечерней газете было полезным, нужным, это дело серьезное, имеющее твердые социальную и морально-психологическую основы.

Архитектурным просчетам, вовремя не исправленным и воплощенным в камне, суждено пережить их авторов и достаться в наследство потомкам. И наоборот, лучшие, отражающие нашу эпоху свершения зодчих оставят о себе добрую память на долгие, долгие десятилетия. Так стоит ли игра свеч, когда газета берет на себя обязанность выяснить мнение жителей города (а «Вечерку» читают представители всех слоев его населения) о проекте?

Публичное обсуждение дает некоторый материал для совершенствования проекта; даже если невозможно прямое осуществление высказанного в дискуссии предложения, то оно нередко толкает мысль архитектора к поиску более совершенного решения. «Затраты на свечи» окупятся и в том случае, когда из 100 предложений таким будет лишь одно, хотя жизнь не подтверждает столь пессимистического соотношения: дельного, полезного оказывается значительно больше. Сами архитекторы это знают прекрасно и устраивают опросы населения, используют данные социологии, демографии. Так что обсуждения в «Вечерке» для них хорошее подспорье, а не докучливая обуза. Кстати говоря, не все специалисты хотят и могут высказаться на страницах своих специальных изданий и охотно пользуются трибуной «Вечерки».

Есть у архитектурных дискуссий в газете еще одна важная, быть может важнейшая, сторона. Смею утверждать, что самое плодотворное обсуждение в специальном, отраслевом журнале не получает столь широкого общественного резонанса, как обсуждение в вечерней газете. Для коллективов архитекторов внимание, интерес большой группы людей, сотен тысяч читателей, не взявшихся за перо, но узнавших о проекте,

становятся мощным моральным стимулом, повышают ответственность. Вступает в действие обратная связь, нужная зодчим, способная застраховать если не от всех, то от многих ошибок, – такова сила общественного мнения. У москвича же, откликнувшегося и даже не откликнувшегося на призыв высказать свое мнение, но прочитавшего о проекте, растет чувство хозяина города, с которым советуются, к голосу которого готовы прислушаться. Растет и чувство ответственности за сегодняшний и завтрашний день столицы. Таково воспитательное воздействие обсуждений далеких от воспитания проблем.

«Обсуждаем проект» – эта рубрика стала привычной для читателей нашей газеты, писала «Вечерка», открывая очередную дискуссию. Сегодня мы выносим на обсуждение статью директора Московского научно-исследовательского института типового и экспериментального проектирования, архитектора А. Самсонова. Автор начинает разговор о квартирах завтрашнего дня, об улучшении их планировки, повышении комфорта, долговечности жилья. Мы приглашаем принять участие в обсуждении статьи архитекторов, проектировщиков, инженеров, строителей, работников стройиндустрии, всех желающих высказать свое мнение.

Читателям, познакомившимся со статьей «Московская квартира. Какой ей быть?», предлагались следующие вопросы: Каково ваше мнение о планировке квартир в домах, построенных в столице за последние годы? Все ли комнаты должны быть изолированными? Каково ваше отношение к встроенным шкафам, их вместимости и местоположению? Что, по-вашему, следует учесть проектировщикам для улучшения оборудования кухонь? Укажите наиболее целесообразное местоположение ванной в плане квартиры? Каковы должны быть размеры, отделка, расположение лоджий, балконов? Целесообразно ли во всех домах начинать проектирование квартир со второго этажа? Как лучше использовать помещение первого этажа? Какие предприятия сферы обслуживания целесообразно расположить в доме?

А через четыре месяца тот же автор выступил со статьей под тем же заголовком. Она имела редакционное предисловие. В нем говорилось, что дискуссия о московской квартире на страницах «Вечерней Москвы» вызвала большой интерес читателей. Более 400 писем пришло в редакцию с ответами на вопросы архитектора. Многие письма были опубликованы в специальных подборках. Вся почта, присланная в редакцию участниками дискуссии, передана архитекторам. И вот, заканчивая обсуждение, «Вечерняя Москва» публикует статью директора

Московского научно-исследовательского и проектного института типового и экспериментального проектирования А. Самсонова.

Автор писал о том, что за последние 10–15 лет в жилищном строительстве в Москве произошли серьезные изменения: повысилось качество работ, стала удобнее планировка квартир, увеличились площади жилых и подсобных помещений, улучшился внешний облик зданий. Благодаря разнообразию проектов появилась возможность решать более сложные градостроительные задачи. Развитие индустриального домостроения, совершенствование технологии изготовления конструкций, новые отделочные материалы – все это позволило применять в проектах более прогрессивные решения.

И все же претензии читателей (а каждый из них был или будет новоселом) обоснованны, соглашался А. Самсонов. Он детально разбирал письма читателей газеты, высказывал мнения о предложениях, в них выдвинутых, на равных, без профессионального высокомерия спорил с людьми, не причисляющими себя к знатокам архитектуры. К сожалению, рамки газетной статьи не позволяют ответить на все присланные в редакцию письма, отметил в заключение автор, но они будут нами тщательно изучены, каждое предложение, замечание учтено. Думаю, писал А. Самсонов, мы еще вернемся к вопросам, какой быть московской квартире, и расскажем читателям газеты о внесенных в проекты улучшениях, об осуществлении присланных предложений, о той работе, которую ведут проектировщики по осуществлению Генерального плана развития Москвы в области жилищного строительства.

Так оно и случилось, «Вечерняя Москва» периодически возвращается к важным темам дискуссий о московской квартире, проекте школьного здания, некоторых других сооружениях, сообщает, что сделано, что осуществляется из предложений, поступивших в редакцию.

Эффект архитектурных дискуссий окрылил коллектив «Вечерки», показав, сколь охотно вступают читатели в обсуждение, если тема близка, понятна им и если к их советам относятся доброжелательно.

Успех любого обсуждения в газете в немалой степени определяется первым выступлением – умением автора точно и четко очертить тему, подобрать факты, написать с полемическим задором. Такие или почти такие письма встречаются в редакционной почте, но большей частью они попадают к нам не без нашей инициативы. Так произошло с письмами о бережливости и о часах «пик» в магазинах, с открытым письмом министру приборостроения, средств автоматизации и систем

управления СССР слесаря-сборщика завода пишущих машин, о котором речь пойдет ниже. Самые квалифицированные журналисты работали вместе с их авторами: уточняли план, композицию, детали.

Оправдывают ли себя такие затраты? Ведь в «Вечерке» есть опытнейшие газетчики, способные так написать о бережливости, часах «пик», службе быта, заводе пишущих машин, архитектурном проекте, что это вызовет живую реакцию читателей. За год «Вечерка» получает на выступления сотрудников редакции более 10 тысяч откликов. И все-таки в редакции существует твердое убеждение, что время, силы, затраченные на подготовку к печати писем, дают больший эффект с точки зрения воздействия на самые широкие круги читателей. Читательское письмо, если из него в результате чрезмерно усердной и не всегда обоснованной работы в редакции не исчезли мысли, стиль, вдохновение автора, воспринимается по-особому, вызывает в умах и сердцах незамедлительный отзвук.

Именно на это мы рассчитывали, публикуя открытое письмо слесаря-сборщика А. Хабарова министру К. Рудневу. Эффект выступления убедил нас, что к открытым письмам надо бы прибегать чаще: в них, как бы ведущих разговор один на один, отчетливо проявляются черты, вообще письмам свойственные, – видны личность автора, его отношение к людям, фактам, ситуациям, заставившим обратиться в редакцию.

…Москвичи борются за то, чтобы превратить столицу в образцовый коммунистический город, – подчеркивал А. Хабаров в открытом письме. – А это значит, что министерствам следует иметь в Москве образцовые предприятия, которые должны стать центрами распространения передового опыта в промышленности, чтобы у этих коллективов можно было учиться организации труда и производства.

И далее автор критиковал министерство за невнимание к заводу пишущих машин. Письмо возымело действие.

Год от года растет в почте «Вечерней Москвы» число писем, в которых поднимаются важные вопросы, содержатся деловые предложения, советы, направленные на повышение качества работы, быстрейшее устранение больших и малых недостатков. Сказывается в письмах и возросший культурный, общеобразовательный уровень людей, введение всеобщего среднего образования. Можно назвать немало случаев, когда автор письма впоследствии становился постоянным внештатным корреспондентом газеты, писал не только о своем трудовом

коллективе, но и, получая задания, бывал на других предприятиях, в других организациях, готовил материалы о положительном опыте, критиковал недостатки, участвовал в рейдах, проводимых «Вечеркой».

Редакционную почту можно считать в какой-то мере зеркалом города, отражающим мысли, чувства, планы москвичей, показывающим, что сегодня волнует, тревожит людей.

Нельзя не увидеть в почте заметное увеличение писем на моральные темы. Авторы их исходят из четкого принципа: повсюду в городе должна царить атмосфера доброжелательности, взаимного уважения, внимания друг к другу. Письма касаются отношений товарищей в трудовом коллективе, соседей в доме, покупателей и продавцов, пассажиров в метро и автобусах, прохожих на улице…

Зная многократно подтвержденную истину о роли положительного примера, в редакции стараются по-хозяйски распорядиться письмами о людях, дорожащих добрым именем москвича. Многие из них печатались под рубрикой «Это по-московски». Тут свой метод изложения фактов, свой подход: за кратким пересказом письма следуют редакционный комментарий, содержащий подробности о человеке, которому письмо посвящено, фотография. Получается броско, заметно, даже празднично.

Под рубрикой «Это по-московски» газета рассказывала о соседях, месяцами навещавших одинокую женщину в больнице; о гостеприимном шофере такси, который привез к себе домой переночевать семью, искавшую родственников по перепутанному адресу; об участковом враче – любимце квартала; пенсионере, создавшем зеленый оазис в некогда пыльном дворе; о десятках других москвичей, заботящихся о своем и родного города добром имени.

Идут в редакцию письма и иного рода – о нарушении норм морали, правил социалистического общежития. Многие материалы под рубрикой «На темы морали» журналисты «Вечерки» основывают на этих письмах.

Из корреспонденции «Дети бабушки Агафьи» москвичи узнали о 94-летней старушке, брошенной на произвол судьбы многочисленными детьми, внуками, правнуками. Отправной точкой для работы журналиста послужило письмо общественницы дома, где жила бабушка Агафья. Он встретился с автором письма, с Агафьей Матвеевной, ее соседями, родственниками. Факты, содержащиеся в письме, были дополнены другими. В итоге в газете появилось гневное публицистическое выступление против равнодушия, черствости. Среди откликов на него редакция

получила письмо учениц девятого класса, взявших шефство над бабушкой Агафьей. Были приняты меры, чтобы заставить ее родню позаботиться о ней.

Далеко не всегда, как подчас принято считать, журналистское выступление на моральную тему предпочтительнее письма, натолкнувшего на эту тему. Получив письмо, озаглавленное при публикации «Человек все может», в редакции сразу решили печатать его: журналистское вмешательство было здесь, просто противопоказано. Перед читателями в первозданном виде предстала исповедь человека, дошедшего под влиянием алкоголя до крайней черты падения, рассказ о том, как смог он своей волей, разбуженной врачами, одолеть тяжкий недуг и обрести новую, счастливую жизнь. Правдивость, искренность взволновали читателей. Их письма в редакцию выражали озабоченность, стремление проанализировать главные причины, способствующие алкоголизму, разобраться в его опасностях, содержали раздумья о наиболее эффективных мерах борьбы с пьянством. Письма критиковали формальный характер борьбы в иных коллективах с пьянством, ставили вопрос о необходимости улучшения медицинской противоалкогольной пропаганды, лечения пьяниц. Обзор этой почты был помещен в газете.

В не столь уж далеком прошлом, в 50-х годах, редакция получала ежегодно около 10 тысяч писем, большинство из которых были жалобы. Авторы сетовали на трудности с жильем, писали, что протекают крыши, плохо убираются улицы и дворы, много времени уходит на посещение парикмахерских, мало прачечных и химчисток одежды – сказывались трудности послевоенного времени. В 70-х годах писем приходит в среднем в пять-шесть раз больше. Однако доля критических сигналов в них куда меньше, чем раньше.

Москва преобразилась. В самом деле, кого теперь удивишь, например, отдельной квартирой (более 75 процентов семей живут без соседей), ванной комнатой, газом, горячей водой в кранах? В письмах последних лет разговор чаще всего идет о качестве жилищного строительства, более удобной планировке квартир, о сохранности зеленых насаждений. Не нехватка предприятий службы быта, а качество обслуживания прежде всего беспокоит читателей.

Характерно: люди, обращающиеся в газету, как правило, видят общественную значимость своих писем, нетерпимо относятся к недостаткам даже в тех случаях, когда эти недостатки прямо их не касаются. Воздавая должное сделанному, они не хотят мириться с неполадками в жилищном хозяйстве, сфере обслуживания, с грубостью, волокитой, бюрократизмом.

Жилищное хозяйство города растет, транспорт перевозит все больше и больше пассажиров, товарооборот увеличивается, население прибавляется, но соответственно всему этому кривая количества жалоб не поднимается. Следовательно, в целом дело идет к лучшему. Но ведь важно, чтобы ни один человек не ощущал на себе просчетов планирования, попустительства бракоделам, равнодушия иных работников торговли, службы быта, жилищного хозяйства, транспорта.

По раз и навсегда заведенному правилу на каждое поступившее в редакцию письмо независимо от его содержания заводится специальная карточка. В любой час в отделе писем смогут дать точную справку: сколько писем пришло с начала года, по каким вопросам, из каких районов получено наибольшее число критических сигналов.

Надо учесть к тому же, что помимо писем в редакцию поступают и устные просьбы о помощи, заявления и жалобы, с которыми обращаются в общественную приемную «Вечерней Москвы». В приемной работают утвержденные редколлегией общественные корреспонденты – бывшие партийные, советские, хозяйственные и военные работники, ныне пенсионеры. Ежедневно они ведут прием посетителей. За год сюда приходит около тысячи человек. Причины жалоб и заявлений, с которыми люди идут в приемную, то же, что и в письмах. Как правило, все вопросы решаются оперативно, в присутствии посетителя. Нередко дежурные корреспонденты выезжают на место для разбора жалоб. А если вопрос требует длительной проверки и контроля исполнения, человек, обратившийся с устной жалобой, пишет по рекомендации дежурного приемной письмо, которое нередко вызывает выступление газеты.

Вся почта обрабатывается у нас, к сожалению, кустарным способом, как это делалось чуть ли не полвека назад, когда я, к слову говоря, впервые переступил редакционный порог в качестве курьера. Промышленность не дает средств оргтехники, автоматизации, механизации тяжелого, малопроизводительного труда в отделе писем. Но, несмотря на отсутствие машин и механизмов, учет, анализ почты, контроль за прохождением писем ведутся скрупулезно, с неукоснительной точностью, строгостью. На видном месте в редакции установлен стенд, показывающий, нарушают ли в отделах сроки работы с письмами.

Требуются высокая культура труда, если угодно, чутье, чтобы одно письмо отобрать к печати, другое направить для принятия мер в определенную организацию, третье включить в обзор. Письма подбираются по отдельным вопросам, изучаются; составляются обзоры по проблемам здравоохранения,

обслуживания, соблюдения графика движения транспорта и т. д. Их готовят наиболее опытные журналисты. Обзоры или печатаются на страницах газеты, или направляются в городские организации. Значительная часть почты попадает в отделы редакции, изучается здесь, готовится к публикации.

Письма, каждое из которых представляет собой человеческий документ, интересны, поучительны, нужны газете. Анализируя, сопоставляя их, можно находить тенденции почты, выделять проблемы и «подпроблемы», оценивать их общественную значимость – иными словами, использовать почту как компас при выборе темы одного или серии выступлений газеты, их направленности.

Сошлюсь на поучительный, как считают у нас в редакции, пример, касающийся, правда, не всей почты, а лишь небольшой ее части, но потому приобретающий особую наглядность. Печатая беседу бригадира завода «Каучук», Героя Социалистического Труда А. Пономарева «Тише, пожалуйста, тише!», мы считали, что тема, почти постоянно присутствующая в редакционной почте, не оставит читателя равнодушным: автор говорил о необходимости беречь тишину в городе, о добрососедстве. Ожидания оправдались: редакция получила около тысячи откликов на это выступление.

Статистический анализ писем позволил сделать некоторые выводы о состоянии борьбы с шумом и о сложившемся общественном мнении в связи с проблемой.

Более 100 писем содержали жалобы на транспортные шумы, причем число жалоб на шум самолетов и наземных линий метро было незначительным. Основная часть писем касалась железнодорожных шумов: от проходящих составов, подаваемых ими сигналов. По мнению их авторов, работы по звукоизоляции линии железной дороги в черте города (ограждение, озеленение) велись медленно. Высказывалось также недовольство радиопереговорами при формировании поездов, особенно в ночное время. Были получены письма о шуме городского пассажирского транспорта, в частности о дребезжащих вагонах, воющих при наборе скорости троллейбусах. Встречались жалобы на участившиеся сигналы автомобилей. Недовольство вызывали стоянки личных автомашин во дворах жилых домов. Шла речь и о необходимости более рациональной организации транспортных потоков, особенно в ночное время. Как правило, в письмах новоселов высказывалась критика в адрес архитекторов, которые разместили жилые дома вблизи железной дороги, на магистралях с напряженным движением.

Около 50 писем содержали жалобы на оборудование,

хлопающие двери магазинов, столовых, отделений связи. Жалоб на шум промышленных предприятий было всего 10, большинство их касалось неисправных вентиляционных устройств. Примерно столько же поступило жалоб на шум при строительных работах, причем, по мнению авторов, избежать его не представляло особого труда, так как можно было найти более подходящее место для компрессорных установок.

Свыше 100 писем содержали жалобы на шум лифтов, насосов, систем водоснабжения и отопления домов, около 50 – на хлопающие входные двери подъездов. Примерно 50 писем касались уборочной техники и дворников, которые слишком рано, особенно в зимнее время, начинают работу – нередко в 4–5 часов утра. Авторы ряда писем дали общую оценку борьбы с шумом в городе. По их мнению, уровень шума в последние годы повысился, а борьба с ним ведется не всегда последовательно.

Почти половина москвичей, откликнувшихся на статью «Тише, пожалуйста, тише!», сетовали на соседей по дому. Их письма свидетельствовали о том, что бытовые шумы, громогласные радиоприемники, магнитофоны, телевизоры стали в некоторых домах основной причиной нездоровых отношений между соседями. Встречались жалобы и на неправильные действия членов домовых комитетов, товарищеских судов, нередко обвиняющих невиновных людей, ведущих ненужные и бессмысленные расследования. Значительное число писем выражало недовольство молодыми людьми, которые любят громкую музыку, танцуют, поют в своих квартирах, играют во дворе в футбол, хоккей. Вместе с тем мы получили более 50 писем молодых москвичей, жалующихся на незаслуженные упреки, на невозможность найти место для игр и развлечений.

Авторы многих писем о бытовых шумах высказывали довольно едкие замечания в адрес проектировщиков и строителей, не принявших в свое время необходимых мер для улучшения звукоизоляции квартир. Встречались предложения о том, чтобы предприятия службы быта принимали заказы на звукоизоляцию комнат и квартир за счет средств населения, выполняли эти работы по хорошим проектам, используя эффективные материалы. Ряд писем указывал на то, что нужно более активно вести антишумовую пропаганду газетам, журналам, радио и телевидению, а также средним школам и профессионально-техническим училищам.

Итак, исследование писем закончилось. Организуй такое исследование социологи – назвали бы его социологическим. Но сотрудники редакции не претендовали на громкие термины, хотя социология все более властно дает себя знать в газетной работе и

журналисту все чаще приходится овладевать премудростями тех или иных научных методов, чтобы использовать их при подготовке статей, корреспонденций, интервью. Оставалось решить, как распорядиться богатством, которое принесла редакции вечерняя беседа о добром имени москвича. Можно было ограничиться обзором писем, обнародовать только результаты нашего исследования. Этот обзор появился в газете, но он стал не концом, а началом публикаций на волнующую москвичей, как, впрочем, и жителей других городов, тему.

Мы постарались дать возможность высказаться в газете многим читателям, причем не раз сталкивали в подборках противоположные мнения. В этих спорах редакция последовательно проводила мысль, выраженную в письмах: шум в городе можно значительно уменьшить, и в большинстве случаев для этого не требуются ни новинки науки и техники, ни капиталовложений, а всего лишь добрососедство, желание и умение взаимно уважать друг друга.

Удачной находкой оказалась подборка «Хлопают двери». Судя по почте, хлопающие двери стали одной из главных причин нарушения тишины, жалобы на них уступали по числу лишь жалобам на транспортный шум и на соседские телевизоры, приемники, магнитофоны. Так вот, небольшая по величине подборка «Хлопают двери» вобрала в себя сразу около 20 писем – из каждого брались две-три основные строчки, далее следовала фамилия, адрес. Впечатление получилось внушительное: собранные вместе факты давали обобщающую картину, заставляли хозяйственных руководителей, работников жилищных служб, всех москвичей обратить внимание на это явление.

Наконец, редакция направила для анализа наиболее характерные письма руководителям различных городских организаций – Главмосжилуправления, Управления пассажирского транспорта, Управления Московской железной дороги, Госавтоинспекции, Управления метрополитена, Главторга, Главобщепита, Моспочтамта, Управления благоустройства, Главного архитектурно-планировочного управления, Городской санэпидстанции, Московского транспортного управления гражданской авиации. Отослали письма и вскоре напомнили: хотим знать ваше мнение, хотим, чтобы вы встретились с корреспондентом газеты и рассказали, что делается, что сделано в ответ на претензии и нарекания читателей.

Это были нелегкие разговоры журналистов и руководителей организаций, на которые возлагалась доля вины за неудобства, причиняемые жителям большого города. Это были размышления

вслух и споры, деловые ответы на конкретные вопросы и попытки свести все к объективным причинам, от которых сегодня якобы никуда не денешься. Газетчикам надо было разбираться в проблемах акустики, транспорта, связи, проникать и в иные области науки, техники, архитектуры, искать истину, иногда просто «золотую середину» в затяжных конфликтах верхних и нижних соседей…

В газете вся эта работа нашла отражение в нескольких интервью под заголовками: «Самолет идет на посадку», «Грохот на рассвете», «Пути-дороги трамвая» – и других материалах, ратующих за тишину, ну если не полную, то хотя бы за такую, которая дает возможность спать, заниматься, жить в городе. Перечислять то, что было сделано после публикации писем, интервью, подборок, – значит приводить дословно все, что касалось этой темы и было напечатано в разделе «Меры приняты». Выступления газеты дали немало материалов исполкому Моссовета, принявшему постановление об усилении борьбы с шумом в городе.

Получила ли редакция полное удовлетворение от участия «Вечерней Москвы» в общегородском походе за тишину? И да, и нет. Да, потому что газета привлекла внимание к важной проблеме, выразила общественное мнение, помогла многое улучшить, усовершенствовать, наладить. Нет, потому что не перестают поступать письма с жалобами на шум, письма, заставляющие редакцию возвращаться к, кажется, «вечной теме», каких, к сожалению, немало рождает жизнь больших городов.

Для собственного утешения вспомню, что встречались мы в редакционной почте и с более простыми проблемами. С такими, когда имели возможность в сравнительно короткий срок поставить жирную точку – последнюю и окончательную, что и делали с неизменным удовольствием, полным удовлетворением, с сознанием исполненного долга.

«Всего» два выступления и четыре месяца понадобились для того, чтобы поставить такую точку хорошей пастой для шариковых ручек. Говоря о пасте, рискую навлечь на себя критику всей пишущей журналистской братии, да и не только ее, но все-таки расскажу о наших хлопотах, ибо качество пасты действительно стало улучшаться.

Скромная по размеру – всего 50 строчек – реплика по письмам читателей называлась «Почему «капризничает» шарик?». Она обращала внимание на то, что в редакционной почте все чаще встречаются жалобы, на низкое качество шариковых ручек. Купленные в магазине, они зачастую сразу же отказывались писать. Почему же? «Виноватой» оказалась паста, а точнее,

основной ее поставщик – Долгопрудненский химический завод тонкого органического синтеза, который, нарушая ГОСТ, поспешил начать изготовление пасты из новых, недостаточно проверенных материалов. Руководители объединения «Союзанилинпром» Министерства химической промышленности СССР признались, что поторопились с внедрением новой пасты. За эту серьезную ошибку виновные были строго наказаны. Однако не-прекращающиеся жалобы убедительно свидетельствовали, что никаких изменений, в сущности, не произошло. Использование новых химикатов не было прекращено, к прежней, проверенной технологии не вернулись, нарушение ГОСТа продолжалось. В результате в проигрыше оставались те, кто пользовался шариковыми ручками, а их миллионы.

Через полтора месяца главный инженер «Союзорг-техники» Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР прислал в редакцию письмо, которое было напечатано под рубрикой «Читатель продолжает разговор». Автор справедливо утверждал, что после выступления газеты качество пасты не улучшилось, что это по-прежнему вызывает нарекания покупателей и подчиненных министерству заводов, где делают авторучки. Письмо сопровождалось примечанием «От редакции». В нем отмечалось, что у руководителей «Союзанилинпрома» было достаточно времени принять меры и сообщить о них читателям «Вечерней Москвы». Поэтому редакция попросила вмешательства Министерства химической промышленности СССР.

Далее события развивались в ускоренном темпе. Через две недели состоялось совещание ответственных работников двух заинтересованных министерств – химической промышленности и приборостроения, средств автоматизации и систем управления. Было решено прекратить выпуск низкокачественных паст и обеспечить их производство в точном соответствии с ГОСТом. Выполняя это решение, Долгопрудненский завод тонкого органического синтеза еще через две недели полностью перешел на выпуск пасты в точном соответствии со стандартом.

Газета сообщила обо всем этом. Но я, помня, что за хорошими словами не всегда следуют столь же хорошие дела, попросил сразу же передавать мне все письма, касающиеся качества пасты для шариковых ручек. Жалоб больше не поступало, и оптимистический вывод напрашивался сам собой. Это, разумеется, не избавило Министерство химической промышленности и «Вечернюю Москву» от необходимости добиваться улучшения пасты для «шарика», которая может достигнуть уровня лучших зарубежных образцов и превзойти их.

«Капризничающий» шарик доставлял неудобства миллионам

людей. Вставший же дыбом паркет мешал жить лишь одной семье в доме на улице Шверника. Но если подсчитать, количество газетных строк, понадобившихся для усмирения «шарика» и паркета, то паркет окажется явно впереди. И не по воле случая или недосмотру произошло это. Объяснение можно найти в корреспонденции «Ни ответа ни привета».

Хотелось бы надеяться, говорилось в ней, что повторное выступление газеты побудит исполком райсовета обсудить создавшееся положение, чтобы, вникнув в суть дела, положить конец волоките. Мы говорим так потому, что есть для этого по крайней мере три основания. Во-первых, когда в печати подвергаются критике те или иные недостатки, никому не дано права отмалчиваться. Во-вторых, жалоба ходит по кругу несколько месяцев, а это никого не украшает. В-третьих, заместитель председателя исполкома (была названа его фамилия), представляя исполком, в данном случае оказался, как говорится, не на должной высоте… К сожалению, другие письма, поступившие в редакцию, свидетельствуют, что факт, о котором речь шла выше, не исключение в жилищных организациях этого района.

Газета напомнила, что в свое время было напечатано письмо читателя «Паркет дыбом». Почему «дыбом»? Потому, что 12 августа в квартире лопнул отопительный радиатор (как потом выяснилось, систему центрального отопления начали испытывать без предупреждения, поэтому в квартире никого не было). Вода залила пол, вещи, промочила потолок у живущих ниже этажом. Через день или два работники жилищно-эксплуатационной конторы № 1 составили акт об аварии и смету на ремонт пола, так как паркет был приведен в негодность. На этом участие жэка кончилось. Правда, месяца через два, уже в начале отопительного сезона, после многократных хождений и просьб потерпевшие пришли в диспетчерскую жэка и сказали: «Не уйдем, пока не замените радиатор!» Заменили через час, но к паркету так и не прикоснулись.

В корреспонденции рассказывалось о том, как отнеслись к опубликованному в газете письму. Исполком райсовета отмолчался. Жилищные организация тоже. А сколько автору письма пришлось с тех пор услышать разных обещаний вроде «разберемся», «дадим указание», «сделаем за неделю» и даже «сделаем завтра!». Что они оказались пустыми словами, выброшенными на ветер людьми довольно серьезными, можно судить по тому, что после повторного вмешательства редакции дело обстояло так. 1 апреля главный инженер жэка заверил представителя газеты, что «в районное жилищное управление

направлено письмо о производстве паркетных работ». 5 апреля главный инженер жилищного управления обещал: «Дадим распоряжение начальнику ремстрой-управления». 12 апреля главный инженер подтвердил: «Дадим распоряжение…» 19 апреля он же повторил: «Дадим распоряжение…» 21 апреля снова заверил: «Дадим, дадим…» 26 апреля начальник производственно-технического отдела ремстройуправления уточнила: «Распоряжение дали 23 апреля. Так что ремонт паркета будем планировать на второй квартал».

Итак, «Ваше дело на контроле!». Эту фразу автор письма услышал от заместителя председателя исполкома райсовета еще осенью предыдущего года. Затем была публикация в газете, после которой прошло почти шесть месяцев. Любопытно, о каком же «контроле» и «деле» шла речь, если пришедший в негодность паркет и по сегодня «стоит дыбом»?

Вот какие факты послужили поводом для тех резких «во-первых», «во-вторых», «в-третьих», которыми завершилась корреспонденция «Ни ответа ни привета». За одним письмом, за испорченным в одной комнате паркетом виделось многое: равнодушное, формально-бюрократическое отношение к просьбе, жалобе москвича. Ведь человек не сразу написал в газету – он ходил, звонил, но не получил помощи. Так возникла жалоба в «Вечерку», после публикации которой прошло еще немало времени, пока дело наконец сдвинулось с мертвой точки.

Через восемь дней после опубликования корреспонденции «Ни ответа ни привета» состоялось заседание исполкома райсовета, давшего принципиальную оценку действиям виновников волокиты, строго их наказавшего. В решении исполкома отмечалось, что главной причиной несвоевременного выполнения ремонтных работ явилось безответственное отношение бывшего начальника РЖУ (здесь и далее назывались фамилии) и начальника ремонтно-строительного управления РЖУ к выполнению своих служебных обязанностей, отсутствие должного контроля с их стороны за выполнением собственных распоряжений. Необходимые меры не были также приняты и заместителем председателя исполкома райсовета. Все эти факты свидетельствовали о серьезных недостатках в работе с письмами трудящихся в ремонтно-строительном, районном жилищном управлении и исполкоме райсовета, что приводит к повторным жалобам в вышестоящие организации и редакции газет. Исполком райсовета решил обсудить состояние работы с письмами и жалобами трудящихся в отделах и управлениях исполкома на сессии райсовета. А как же все-таки паркет, «вставший дыбом»? Ему в материале под рубрикой «Меры приняты» уделялось две

строчки: «По сведениям, полученным редакцией, ремонт пола произведен».

Редко человек обращается с жалобой в газету, предварительно не побывав у людей, по долгу службы обязанных обладать достаточным запасом чуткости и решительности, требовательности к себе и подчиненным, чтобы быстро и четко принять все необходимые меры. Как ни странно, но и чуткость, и решительность подчас появляются лишь после вмешательства редакции: звонка по телефону, приезда корреспондента…

Особую часть редакционной почты обеспечивают устраиваемые «Вечеркой» всевозможные конкурсы. По мнению коллектива редакции, вечерняя газета обязана уметь использовать конкурсы как своеобразный вид диалога с читателем. Опыт в этом деле у нас уже изрядный. Были удачи, полуудачи, были и неудачи. Оговорюсь сразу, мы далеки от мысли мерить степень успеха конкурса лишь количеством полученных ответов на вопросы. Осмысливая долголетнюю практику, видишь, как вырабатывался в редакции свой подход к этой немаловажной форме разговора с читателем. Спору нет, смысл любого конкурса – занять и развлечь человека. Весь вопрос в том, как подчинить его задачам вечерней газеты воспитывать любовь к родному городу, развивать любознательность, расширять кругозор читателей, пополнять багаж их знаний.

Давным-давно нам доставлялись мешки писем после публикации двух отличающихся несколькими деталями рисунков, в которых надо было отыскать эти детали. Мы были в восторге, разгребая гору писем. Но со временем они стали таять. Вместе с ними таяли наши восторги, уверенность, что только такого рода занимательность и развлекательность нужны читателю. В конце концов пришли к тому, что считаем сейчас своей удачей, хотя гарантировать теперешним находкам вечную жизнь на страницах «Вечерки» не берусь. Сегодняшняя удача может показаться завтра лишь ступенькой на пути к более совершенному – также очарования и разочарования подстерегают газетчика на его веку не раз.

К чему мы пришли, отказавшись от игры с читателем в рисунки? Назову темы нескольких удачных, на наш взгляд, конкурсов: «Московские сады и парки», «Театральные подъезды», «Московские кинотеатры», «Московские фонари», «Московские мосты», «Чугунные кружева», «Шагая по Москве», «Метро столицы». Конкурсы проводились в четыре – шесть туров, причем туры приходились на определенные дни недели, обычно на пятницу или субботу. Это были не просто конкурсы, а фотоконкурсы: публиковался снимок моста, театрального

подъезда, узорной ограды парка, сопровождаемый вопросом, что запечатлено на снимке, просьбой рассказать об этом мосте, театре, парке. Через неделю печатались ответы на вопросы и снимок очередного тура.

Конкурсы «Шагая по Москве» и «Метро столицы» в отличие от предыдущих усложнили. Вместе с фоторепортером читатель как бы проходил по московским улицам – маленький снимок-заставка показывал одну из них, с которой велся репортаж, другие четыре фото изображали здания, их фрагменты, какие-то иные характерные штрихи этих улиц. Надо было узнать места, где сделан тот или иной снимок, рассказать о них. Очередной тур начинался с ответов на вопросы предыдущего и 50–60 строк текста, посвященного улице и принадлежащего перу известного человека, который проектировал ее, строил или работал здесь. Текст сопровождали цитаты из наиболее интересных писем читателей.

По такому же принципу строился и конкурс «Метро столицы», проведенный редакцией вместе с Управлением метрополитена имени В. И. Ленина.

До тысячи писем получала редакция после каждого тура этих конкурсов. Читатели не только отвечали на вопросы, но и советовали, в каком направлении вести последующие конкурсы, предлагали свои варианты.

Всегда обширную почту приносят шахматные конкурсы. Мы предлагали соревноваться в составлении этюдов, в решении задач. Как-то в течение месяца ежедневно давали шахматную задачу, на решение которой отводились сутки. Судя по письмам, блиц-соревнование очень понравилось: около 19 тысяч человек участвовали в нем.

Устраивали и недельный конкурс «Знаете ли вы хоккей?» – ежедневно публиковалось три вопроса по правилам хоккея. Предлагали для решения шашечные композиции и получили на них около 8 тысяч ответов.

…Что и говорить, многообразие редакционной почты определяется разнообразием читательских интересов, интересов каждого человека и, наверное, еще умением журналистов увидеть, понять это разнообразие и отразить его в газете.

Справки, справки, справки…

Все редакции газет, разместившиеся под крышей издательства «Московская правда», по давней традиции всегда были и остаются добрыми соседями. Правда, творческие задумки никто из соседей не преподносит друг другу на блюдечке с

голубой каемочкой. Но живем, повторяю, дружно, искренне радуемся успехам коллег, вместе переживаем неудачи. А тут вдруг получилось так, что вопреки всем правилам одна претензия за другой.

Редактор «Московской правды»:
– Снимите блокаду…
Редактор «Ленинского знамени»:
– Одумайтесь, товарищи!
Редактор «Московского комсомольца»:
– Вы лишили нас связи с городом.
И ко всему этому в телефонной трубке голос озабоченного директора издательства:
– Давайте срочно искать выход из положения.

Виновницей происшествия, вызвавшего столь необычную реакцию, стала «Вечерняя Москва» от 2 августа 1965 г. К этой дате мы еще вернемся. А пока вспомним, что произошло двумя неделями раньше. События легко восстановить в памяти: передо мной комплект «Вечерки» того времени.

Из письма ткачихи комбината «Трехгорная мануфактура», напечатанного нами, следовало, что ей понравилось предложение одной из читательниц газеты установить в магазинах таблички, называющие адрес соседнего торгового предприятия, которое закрывается позднее. Далее ткачиха писала, что в Москве несколько тысяч магазинов, нужные таблички в них скоро не появятся и поэтому разумно было бы пока напечатать в газете список дежурных продовольственных магазинов, которые закрываются позже других. Этот перечень мог бы сослужить добрую службу каждой московской семье.

Если вдуматься, нам предлагали открыть нечто вроде общегородского киоска справочной службы. Ведь спросить можно и работника «Мосгорсправки» в любом киоске на улице, но тогда ответят тебе одному, а тут – всем сразу, конечно, если вопрос интересует многих…

Из чего же мы исходили, взвешивая «за» и «против» необычного в ту пору газетного раздела – справочной службы? Действительно, непосредственным поводом, приведшим к его созданию, стали два письма, о которых говорилось выше. Они как бы переполнили «чашу». Но сама «чаша-то» была и раньше! И немалая – она занимала всю четвертую страницу «Вечерней Москвы», где печатается текущий репертуар театров, концертных залов, кинотеатров, программы телевидения и радио, другие объявления. Наши скромные социологические исследования,

встречи на читательских конференциях давали нам основание говорить о постоянном, с годами не убывающем внимании москвичей к четвертой странице. Оно понятно и объяснимо: здесь сосредоточена многообразная, краткая, очень концентрированная и потому обширная по тематике информация, касающаяся самых различных сторон городской жизни.

Такая краткость имеет свои положительные и отрицательные стороны. Положительные в том, что человек все-таки получает определенные сведения, оказывается в курсе дела. Отрицательные в том, что сведения минимальны, и, желая расширить их, приходится обращаться к каким-то другим источникам, например звонить по телефону, который приводится в том или ином рекламном объявлении. Очевидно, так поступит только тот, кого заинтересует объявление; другой же, едва взглянув на эти строки, моментально забудет их: они не несут полезной для него информации. И тут уж краткость оборачивается положительной стороной.

Цена краткости в изложении материала довольно высока и продолжает расти. Далеко не случайно все чаще выпускаются различные справочные издания, и они пользуются большим спросом. Стремление и умение писать кратко необходимо любому журналисту, а работающему в вечерней газете – тем более. Но мало лишь призывать к краткости, бесконечно напоминать о ее родстве с талантом. Важно искать все новые и новые формы газетных выступлений, которые бы сами по себе, сутью своей требовали краткости. «Справочное бюро» с самого начала показалось нам именно такой новой формой общения с читателем.

Мы не собирались за счет отведенного «Справочному бюро» места увеличивать число рекламных объявлений, предлагаемых в виде вопросов и ответов. Хотя должен заметить, что границы тут подвижны и, бывает, на редакционных планерках, летучках дежурные и недежурные критики не без иронии отмечают, что вот такому-то ответу нет лучше места, чем на четвертой полосе, где объявления и печатаются. Всякие оправдательные ссылки на читательский вопрос в расчет не принимаются, потому что вопросов много и отбор их должен быть особенно тщательным. Важно выбирать вопросы, не ведущие на проторенные пути, а обогащающие газету. Не сразу было найдено рациональное зерно, да можно ли найти его раз и навсегда?

Путь с 1965 г. «Справочное» проделало немалый, еще теснее связав газету с читателем. Нередко вопросы «Справочному» помогают быстрее узнавать о проблемах, волнующих людей, разоблачать вздорные слухи, которые лопаются как мыльные

пузыри, едва появляется короткий – всего несколько строк – ответ. Вот, к примеру, посыпались вопросы: верно ли, что популярный певец Н. попал в авиационную катастрофу? А в это самое время актер выступал в своих родных местах. Редакция побеседовала с ним по телефону и попросила сообщить, когда начнутся его очередные гастроли в Москве. Публикация положила конец нелепым слухам.

Многие вопросы, поступающие в редакцию, заслуживают того, чтобы обобщать их и информировать о них городские организации. И не знаю случая, чтобы те, кому направлялась такая информация, оставили ее без внимания, не сделали выводы. Я уже не говорю о том, что вопросами москвичей интересуются редакционные фельетонисты, журналисты отраслевых отделов. Да и сами сотрудники «Справочного» не упускают случая изучить ту или иную проблему, чтобы выступить в газете с корреспонденцией, репликой, сопровождаемой карикатурой… Все это приходило постепенно, с годами накапливался опыт, оттачивалось умение.

Тогда же, летом 1965 г., в ответ на просьбу ткачихи «Трехгорной мануфактуры», письмо которой в конечном итоге натолкнуло на мысль о газетном «Справочном», «Вечерняя Москва» сделала первый шаг, опубликовав список продовольственных магазинов, булочных, открытых до 23 часов. Реакция была несколько неожиданной: вместе с благодарностями стали поступать все новые и новые вопросы. И вот тут-то дало себя знать очень ценимое у нас качество – оперативность: чем быстрее ответим на вопросы, тем лучше: это близко специфике «Вечерки» – идти по горячим следам события, телефонного звонка, письма. Короче говоря, 31 июля 1965 г. на первой полосе появилось сообщение под обещающим названием «Ответ – в тот же день». Газета писала:

По просьбе читателей «Справочное бюро» «Вечерней Москвы» напечатало список самых «поздних» в городе продовольственных магазинов, адреса дежурных аптек, где лекарства можно заказывать круглые сутки. В последние дни почта нашего «Справочного бюро» резко возросла. В письмах попадаются вопросы, на которые не отвечает «Справочная 09». В то же время ответы на эти вопросы были бы интересны для многих москвичей. Вопросы касаются работы предприятий службы быта, магазинов, мастерских, ателье, столовых, а также транспорта, учреждений культуры, стадионов, почты. Поэтому мы решили начиная со 2 августа вести наш раздел по-новому.

А новинка состояла вот в чем. Если читатель позвонит по телефону К4-30-00 (тогда в Москве были шестизначные номера и начинались они с буквенного индекса) доб. 5-55 с 9 до 10 часов утра, то редакция обещала ответить на его вопрос в тот же день, в очередном номере газеты. Мы наивно полагали, что не так уж будет много желающих заглянуть в это открытое на один час «окно в город». Куда там! Хотя у телефона в тот день дежурил опытный журналист, он едва успевал записывать вопросы: звонкам не было конца. Москвичи – люди настойчивые: занят номер, объявленный газетой, звонят по всем остальным редакционным телефонам. И вот уже блокирован коммутатор, обслуживающий и нашу и соседние газеты. Это и вызвало демарш наших коллег, о котором я рассказал в начале главы.

С той поры минуло немало лет, а рубрика «Справочного» не сходит со страниц «Вечерней Москвы». У нас создана обширная картотека с «подразделами». По телефону ежедневно принимается 80 – 100 вопросов. На многие из них читатели получают ответ, не отходя, как говорится, от телефона, – настолько хорошо ориентируются работники «СБ» в городе.

Сегодня тоже нелегко дозвониться по телефону «Справочного», хотя вопросы принимают не час, а три. Но москвичи знают: достаточно опустить в почтовый ящик письмо – оно быстро дойдет по назначению. 50–70 таких писем поступает ежедневно. Число звонков и писем зависит от времени года: весной и летом их меньше, осенью и зимой больше. Нередко в письме содержится несколько вопросов, да и по телефону обычно одним не ограничиваются. И тем не менее гости редакции, как правило, допытываются: кто придумывает вопросы? А зачем придумывать? Нужно лишь из множества отбирать те, которые представляют наибольший интерес. Однако в ответ на это мне иной раз прямо говорят: «Сказки». Тогда я приглашаю гостя в комнату «Справочного». Посидит он там 5 – 10 минут и убеждается: неистощим поток вопросов. Любопытно, что в «Вечерку» подчас обращаются жители Барнаула и Братска, Воркуты и Иркутска, Магнитогорска и Новосибирска, Севастополя и Якутска и других городов. Ежедневно газета публикует 4–5 вопросов и ответов на них, а в последнюю пятницу месяца «Справочному бюро» отводится почти вся четвертая страница – Вопросов больше, ответы подробнее.

У «Справочного» немалый опыт, и все-таки сегодня хочется привести полностью его первую подборку, начавшую многолетний «марафон». Эту подборку, как сообщалось в конце ее, редакции помогали готовить информаторы «Мосгорсправки». В знак благодарности к ним раскрою, что это значило. Получив

несколько вопросов, которые, по мнению журналиста, представляли общественный интерес, он тут же переадресовывал их «Мосгорсправке», а там готовили ответ для газеты. Делалось это, так сказать, на хозрасчетных началах: количество справок умножалось на 20 копеек; день за днем сумма росла как снежный ком, хотя в редакционной смете ничего подобного не предусматривалось. К счастью, хозрасчетный период скоро кончился. Сотрудники «Вечерки» быстро поднаторели в новом деле, и финансовая проблема решалась без особых осложнений. Итак, первые вопросы и первые ответы:

Вопрос: *Можно ли вызвать фотографа на дом? Ко мне приехали дети, внуки, хотелось бы сфотографироваться всем вместе.*

Ответ: *Заказы на фотосъемки с выездом на дом принимает Центральная фотолаборатория фабрики фоторабот. Она находится во 2-м Бабьегородском переулке, 29/5. Телефон: В 1-98-62.*

Вопрос: *Я начинаю работать в 8 часов. Где можно позавтракать до этого времени? Какая закусочная открывается в центре раньше других?*

Ответ: *Раньше всех, в 7 часов, начинает работать закусочная ресторана «Москва». Ее адрес – проспект Маркса, д. 7.*

Вопрос: *Когда выходит на экраны фильм «Война и мир»?*

Ответ: *В Московской городской конторе по прокату кинофильмов сообщили: фильм «Война и мир» начнет демонстрироваться в кинотеатре «Россия» в первой половине этого месяца.*

Вопрос: *Есть ли в Москве прачечные, где можно не только постирать белье, но и починить его?*

Ответ: *Таких прачечных пока немного: Багратионовский проезд, д. 1, Покровский баннопрачечный комбинат, Большая Почтовая, 18/20, фабрика-прачечная № 13.*

Поначалу вопросы носили главным образом бытовой характер, причем они настолько часто повторялись, что редакция предложила создать в городе особую справочную службы быта. Она была создана, и нам осталось только сообщить номера ее телефонов. Это отнюдь не означало, что наше «Справочное» перестало интересоваться службой быта. По сей день печатаем ответы о ее работе, и не случайно многие москвичи сообщают

редакции, что вырезают и подклеивают в альбомы колонки «Справочного бюро». Нас просят даже подумать о выпуске его ответов.

Редакция «Вечерней Москвы» посредством своего «Справочного» как бы превратилась в один из центров, изучающих мнение жителей города о сфере обслуживания, ее достоинствах, недостатках. Не всегда руководители этих организаций проявляют расторпность, а люди терпят неудобства и просят газету вмешаться. Нет, они не пишут жалоб, не требуют прислать на место происшествия сотрудника редакции. Критика в данном случае своеобразна – это на первый взгляд не по адресу обращенная в «Справочное бюро» просьба дать разъяснение по тому или иному вопросу, такое, к примеру:

Л. Васильева: *В новых паспортах не ставят штамп, свидетельствующий о месте работы. А при покупке в кредит вещей в магазине требуют, чтобы он был. Правильно ли это?*

Ответ: *Нет. В связи с заменой старых паспортов на паспорта нового образца, в которых не предусмотрена отметка о месте работы, требование о том, чтобы поставить такой штамп, устарело. Справка получена в Главном управлении торговли.*

Подобный ответ по своей силе равен любому служебному циркуляру, приказу. Можно не сомневаться: публичное объяснение Главного управления торговли Мосгорисполкома дойдет до всех – и продавцов, и покупателей. Известен случай, когда читатель прихватил с собой номер газеты, отправляясь в магазин, чтобы приобрести товар в кредит. Да, мы многократно убеждались в действенности наших коротких ответов. «Поглядите, что пишет «Вечерка», – нередко говорят москвичи, – и поступайте, пожалуйста, согласно установленным правилам».

Инструкции, существующие в сфере обслуживания, сколь бы исчерпывающими ни были, порой не отвечают на все вопросы и требуют дополнительных разъяснений. К тому же они рассчитаны на одних лиц и не всегда известны другим. Вот опять-таки пример:

В. Захаров и др.: *Почему арбузы продают, предварительно не вырезая их?*

Ответ: *Торговля арбузами на вырез запрещена по санитарным соображениям (велика возможность бактериального загрязнения). Однако плохие арбузы, возвращаемые покупателями, должны обязательно приниматься или обмениваться в любом месте, где торгуют ими. Управление торговли продовольственными*

товарами, откуда мы получили этот ответ, дало указание директорам торгов вывесить в местах продажи объявления о порядке их обмена.

Есть ответы «Справочного», касающиеся буквально всех москвичей и предотвращающие в условиях многомиллионного города всякого рода недоразумения, письма, жалобы в различные организации. Предыдущие примеры мне кажутся достаточно убедительными. И все-таки приведу еще два, тоже характерных:

В. Федосеев: *Должны ли в ателье проката выдавать смазанные лыжи?*

Ответ: *Нет. Смазку лыж производит клиент в зависимости от погодных условий и температуры воздуха. Эту справку нам дали в «Мосбытпрокате».*

В. Сафонов: *Должны ли в поликлиниках записывать к врачам-специалистам по телефону? Мне в этом отказали.*

Ответ: *Отказ необоснован. Запись больных к врачам-специалистам по телефону должна проводиться во всех поликлиниках города. Эту справку нам дали в Главном управлении здравоохранения.*

Зная о высокой эффективности печатного слова, москвичи подчас не просто спрашивают «Справочное» о той или иной услуге, а требуют от газеты активно вторгаться в дела службы быта, добиваться, чтобы круг услуг расширялся. «Вечерка» охотно идет навстречу таким «строптивым» читателям. В результате прачечные начали стирать изделия из пуха и пера, изготовлять метки для белья ребятишкам, уезжающим в пионерские лагеря и на дачи детских садов. Теперь в городе привыкли к тому, что перед Новым годом Дед Мороз и Снегурочка привозят из магазинов подарки малышам, а ведь впервые это затеял «Детский мир», и опять-таки не без участия нашего «Справочного». Редакция причастна и к тому, что в городе появилась фирма бытовых услуг «Заря»…

Подобного рода добрые дела читатели вряд ли относят к заслугам «Вечерней Москвы». Да это и не столь важно. Важно другое: такая работа укрепляет дружбу редакции с москвичами, расширяет сферу нашего влияния, ведет к семейным обсуждениям выступлений газеты. Ведь не только корреспонденции на темы морали, вечерние беседы о добром имени москвича, но и короткие ответы «Справочного» как нельзя лучше подходят для чтения вслух за неторопливым ужином,

когда семья собирается вместе. Они могут стать и становятся поводом общего разговора, ну хотя бы о цветах, которыми неплохо украсить комнату, балкон, и рождается вопрос.

В. Калгапова: *Многие считают, что держать дома комнатные цветы вредно, так как ночью растения поглощают кислород, выделяя в большом количестве углекислоту. Так ли это?*

Ответ: *Нет, это мнение неверно. По данным ученых, человек в среднем за сутки выделяет около 900 граммов углекислоты. Почти столько же углекислоты могут выделить за сутки 600 растений. Как видно из этого примера, вряд ли можно всерьез говорить о вреде растений для здоровья человека в связи с их газообменом Эту справку мы получили в Главном ботаническом саду Академии наук СССР.*

Я знаю людей, которые чтение газеты начинают со «Справочного». Не раз выслушивал от читателей упреки, зачастую справедливые, что такой-то вопрос слишком примитивен, такой-то ответ не исчерпывает темы, такая-то публикация уместнее была бы в пионерской прессе. И все-таки льщу себя надеждой, что завтра, получив свежий номер «Вечерки», многие из этих критиков заглянут прежде всего в «Справочное». Ответы кратки, четки, ясны и все непременно точны. Ведь не случайно мы обязательно сообщаем, где именно получена справка.

Многие уже знают, что на каждый вопрос читатель получает ответ – или устный, если звонит по телефону, или письменный, когда присылает письмо, или через газету. На своих страницах «Вечерка» отвечает в тех случаях, когда вопросы интересны многим, касаются, к примеру, новых объектов строительства, быта или истории и культуры, других важных для москвичей тем. Не избегаем и юридической консультации. Иной раз «Справочное» как бы опережает события. Ведь москвичи хотят знать и о предстоящих выставках, премьерах, прокладываемых линиях метрополитена, о многом, многом другом, что ждет их в недалеком будущем. Ответы на такие вопросы не только помогают ориентироваться в многообразной жизни столицы, удовлетворить любопытство, но и прививают любовь к родному городу, расширяют знания о нем.

Есть примечательный дом на Большой Грузинской улице. Думаю, что у читателей появится желание побывать в нем после рассказа «Справочного». Впрочем, судите сами.

С. Пирожков: *Нельзя ли рассказать об интересной судьбе дома № 4 по Большой Грузинской улице?*

Ответ: *Большая Грузинская, 4. Этот дом был построен в 70-х годах XVIII в. Здесь в разное время жили историк М. Щербатов и автор бессмертного словаря русского языка В. Даль.*

Во время войны 1812 г. от пожара пострадала часть строения.

В марте 1942 г. на него упала сброшенная с фашистского самолета фугасная бомба весом в тонну. Упала и… не разорвалась. В бомбе оказался речной песок и чешско-русский словарь, положенный чьей-то дружеской рукой.

Этот дом – один из старейших памятников истории и культуры.

А чешско-русский словарь, «посланный» в бомбе, экспонируется в Центральном музее Революции СССР.

Об этих фактах нам рассказали в Центральном музее Революции СССР и Музее истории и реконструкции Москвы.

Другие вопросы и ответы, а тема та же – наша Москва.

В. Балашова: *Известно, что при строительстве в Москве археологи находят свидетельства культуры прошлых веков. А верно ли, что недавно один из жителей микрорайона Алешкино нашел древнюю керамику?*

Ответ: *Действительно, при земляных работах в Москве нередко встречаются археологические находки – следы древнего заселения города. Так, интересную керамику и каменные орудия 4 – 5-тысячелетней давности обнаружил в Тушинском районе монтажник С. Армягов – активист Музея истории и реконструкции Москвы. Сейчас в музее, откуда мы получили интересующую вас справку, готовится выставка находок*

Значит, можно не просто прочитать информацию «Справочного», но и устроить спустя какое-то время поход в этот музей.

Москвичи хотят больше знать о родном городе, поэтому вполне правомерен, на мой взгляд, ответ через газету и на такой вопрос:

С. Горшин и др.*: Действительно ли территория Москвы, больше территории Лондона, Парижа, Токио и других столиц?*

Ответ: *В административно установленных границах территория Москвы составляет 877 кв. км, Лондона – 303 кв. км, Парижа – 105 кв. км, Токио – 573 кв. км. Однако при сопоставлении нужно учитывать, что зарубежные столицы давно уже имеют пригороды, которые слились в непрерывную застройку городского типа (они именуются Большой Лондон, Большой Париж и т. п.). Так, в 1974 г. Большой Лондон официально включал 1579 кв. км,*

Большой Париж – 1450 кв. км (но его границы административно не закреплены). Размер большого Токио – более 2000 кв. км. Справка получена в Научно-исследовательском и проектном институте Генерального плана Москвы.

Обратите внимание на последнюю фразу следующего ответа. Она явно рассчитана на то, чтобы побудить читателей покопаться в семейном архиве, личной библиотеке, хотя речь идет об известнейшей Библиотеке имени В. И. Ленина.

Л. Гольцова: *Вся ли печатная продукция, выходящая в СССР, есть в Библиотеке имени В. И. Ленина?*

Ответ: *Фонд Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина составляет 27,7 миллиона учетных единиц, из них 17,5 миллиона – отечественные издания. В библиотеке представлена не вся продукция, выходящая в СССР. Есть пробелы за определенные периоды (например, за время Великой Отечественной войны). Ведется постоянная работа по восполнению комплекта советских изданий, отсутствующих в фондах. Библиотека будет признательна всем, кто поможет ей в этом.*

Новый вопрос – новая тема. И снова ответ не без «умысла». В конце его как бы звучит вопрос об увлечениях самих читателей в часы досуга.

Р. Корягина: *Верно ли, что первая выставка спичечных этикеток была организована знаменитыми артистами В. Качаловым и И. Москвиным? Участвуют ли сейчас московские филуменисты в международных выставках?*

Ответ: *Первая выставка спичечных этикеток была действительно организована в фойе МХАТа в 1924 г. В. Качаловым, и И. Москвиным. Первая послевоенная выставка была проведена в Москве в 1957 г. в дни VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Впоследствии спичечные этикетки экспонировались на многих выставках в Москве. Кроме того, филуменисты показывали свои коллекции на м. еждународнъж выставках в Польше, Чехословакии, ФРГ и других странах.*

Разумеется, не обязательно отдавать свободные часы коллекционированию. Такой город, как Москва, предоставляет человеку богатейшие возможности с пользой истратить время после работы. 06 этом говорит короткая, но емкая справка о людях, подающих добрый пример.

Т. Конолепникова: *Недавно прочла о присвоении звания «Заслуженный работник культуры РСФСР» группе участников художественной самодеятельности. А есть ли среди них москвичи?*

Ответ: *Да. Почетное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР» присвоено трем участникам художественной самодеятельности профсоюзных клубных учреждений Москвы В. Толикову, бригадиру слесарей инструментального цеха ГПЗ-1 (участнику народного самодеятельного театра Дворца культуры ГПЗ-1); В. Логинову, бригадиру по отделке металлов завода «Серп и молот» (участнику народного самодеятельного театра Дворца культуры завода «Серп и молот»); Э. Пожидаевой, старшему научному сотруднику производственного объединения «Пластик» (участнице народного самодеятельного вокального коллектива Дом. а культуры и техники Главмоспромстройматериалов). Ответ получен в МГСПС.*

Жизнь, опыт, характер вечернего издания убедили редакцию: надо потесниться на газетной площади, с тем чтобы выделить больше места под справки. И вот уже продолжительное время по пятницам «Вечерняя Москва» рекомендует маршруты туристских походов на субботу и воскресенье, рассказывает о выставках и спортивных соревнованиях, сообщает о новых экспозициях музеев – словом, тактично, ненавязчиво советует людям, как лучше распорядиться свободным временем.

Не чужды «Справочному бюро» ответы познавательного характера, например такие:

Л. Гранкина: *Верно ли, что Пушкина и Гоголя связывали но только дружеские, но и родственные отношения? В каком родстве они состояли?*

Ответ: *Это не совсем так. Породнились потомки Пушкина и Гоголя: внучка Пушкина Мария Александровна стала женой И. Быкова – племянника Н. Гоголя (его мать, Елизавета Васильевна, была родной сестрой Гоголя). Ответ получен в Государственном музее А. С. Пушкина.*

И. Журавлева: *Верно ли, что одной из вновь обнаруженных астрономами планет присвоено имя Зоя в честь Зои Космодемьянской?*

Ответ: *В 1974 г. научный сотрудник Института теоретической астрономии Академии наук СССР Т. Смирнова предложила назвать открытый ею в 1968 г. астероид Зоя в честь прославленной комсомолки.*

По традиции, астроном, открывший астероид, может дать

ему имя, но присваивается оно не сразу, а после того, как будут определены элементы его орбиты И вот астероид, зарегистрированный под ном. ером 1793, получил имя Героя Советского Союза Зои Космодемьянской. Справка получена в Астрономическом институте имени Штернберга.

Более тысячи вопросов и ответов печатает «Справочное» за год. Ныне в десятках газет страны можно встретить раздел типа «Справочного бюро» «Вечерней Москвы». Подборки называются по-разному – и так, как у нас, и «Отвечаем на ваши вопросы», и «Спрашивайте – отвечаем», и «Вопрос – ответ», и по-другому, но суть дела не меняется. Хорошо, что нашего полку прибыло. Мы внимательно изучаем опыт коллег, стараемся творчески осмыслить его, почерпнуть для себя полезное.

Примечательно, что за все годы существования нашего «Справочного бюро» речь о нем непременно заходит почти на каждой читательской конференции. Мы регулярно встречаемся с москвичами: рубрика «ВМ» советуется» публикуется примерно 6 раз в году. Какова цель этих встреч? Главное – узнать критические замечания и предложения. Читательские конференции в райкомах партии и исполкомах районных Советов, на заводах, фабриках, стройках, в вузах, научных учреждениях, коллективах предприятий сферы обслуживания, театрах позволяют учитывать интересы и пожелания различных групп читателей, вносить в редакционные планы порой весьма существенные поправки. Бывает, что критикуют на таких конференциях и работу «Справочного», но ни от кого мы не слышали, что попусту тратим на этот раздел газетную площадь.

Я уже упоминал о том, что со временем «Справочное бюро» расширило свои границы: каждую пятницу дает советы, как провести: выходные дни, причем в последнюю пятницу месяца занимает почти всю четвертую страницу. Мало того, оно как бы получило продолжение в еще одной рубрике, казалось бы никакого отношения к нему не имеющей. Это раздел «Сад и огород». Должен признаться, что одним из противников садовоогородной тематики в «Вечерней Москве» был… автор этих строк. Был, но, к счастью, на сей раз не настоял на своем.

Однажды осенью энтузиасты будущей рубрики «Сад и огород» преподали мне наглядный урок, уговорив совершить небольшую экскурсию за город. Спустя примерно полчаса мы оказались возле железнодорожной станции Щербинка, что в трех остановках от кольцевой автомагистрали. На километры до Подольска тянулись подмосковные сады. Под тяжестью плодов гнулись ветки яблонь, груш. Эти урожайные сады сажали не агрономы-селекционеры, а

любители – рабочие и служащие швейной фабрики «Большевичка», Сокольнического вагоноремонтного и строительного завода, других предприятий и учреждений.

Как известно, коллективные сады начали закладывать в первые послевоенные годы. Местные Советы отводили под них непригодные для совхозов и колхозов земли. Это была своего рода подмосковная целина. За дело взялись люди, знавшие, что потребуется вложить большой труд, прежде чем бросовые земли начнут давать плоды. На автомобильных заводах имени Лихачева и Ленинского комсомола, «Серп и молот», «Памяти революции 1905 года», ГПЗ-1 и многих других возникли садовые товарищества. Ныне сотни тысяч семей москвичей имеют садовые участки. Здесь отдыхают летом до миллиона человек.

Оговорюсь, что слово «отдыхают» требует уточнения. Ближе к истине – трудятся: ухаживают за деревьями, кустарниками, грядками, получают высокие урожаи фруктов, ягод, овощей и все-таки отдыхают за таким занятием, т. е. совмещают приятное с полезным. К сожалению, никто не знает точных данных о том, какой урожай в среднем получают москвичи на садовых участках. А примерные подсчеты таковы: 160 тысяч тонн плодов и ягод, до 50 тысяч тонн овощей, картофеля. Не правда ли, солидная прибавка к столу жителей нашего города?

Публикуя советы специалистов на агрономические темы под рубрикой «Сад и огород», «Вечерняя Москва» способствует дальнейшему развитию благородного дела. Рубрика ведется под редакцией опытного специалиста – заслуженного агронома РСФСР В. З. Хоружего. Почта «Сада и огорода» велика: за сезон более 500 писем. На многие из них авторы получают письменные ответы-консультации, другие находят отражение в подборках «Отвечаем читателям», которым постоянно отводится место в этой рубрике.

Так сугубо городская, столичная газета открыла своеобразный лекторий агрономических знаний.

Больше того, можно сказать, что у нас теперь имеются и «филиалы»: в ряде фирменных магазинов – «Семена», «Природа» и «Растениеводство» по инициативе газеты организованы бесплатные консультации. Агрономический лекторий Политехнического музея, собирающий еженедельно почти тысячную аудиторию, в какой-то мере детище рубрики «Сад и огород»: общество «Знание» пригласило в качестве руководителя лектория В. З. Хоружего. Остается добавить, что В. З. Хоружий почти ровесник века: в 1977 г. коллектив «Вечерки» отметил его 75-летие. Неутомимый собрат по перу продолжает энергично трудиться в газете…

Теперь наш читатель, как, впрочем, и мы сами, не мыслит «Вечернюю Москву» без хорошо налаженной, постоянно совершенствующейся справочной службы. Даже на первой полосе он уже ищет интересующую всех справку – о погоде на завтра. Достаточное место отводится всевозможным материалам нашей справочной службы на второй и третьей страницах, а четвертая – сплошь справки: репертуар театров и кинотеатров, анонсы о спортивных соревнованиях, рекламные объявления…

Редакция убеждена, что публикуемые газетой справочные материалы по сути своей близки информационному жанру, открывают перед ним новые возможности.

Редакционные улыбки

Коллекция «ляпов»

Озорные журналисты учинили общередакционную анкету.

«Что вы помните из истории «ляпов»?» – гласил один-единственный вопрос.

Вот запомнившиеся ответы:

– Похороны видного ученого, который здравствует и поныне.

– Мужскую фамилию под женским портретом.

– Перевернутое клише на первой странице номера.

– Фразу в очерке: «Свидание состоялось на том месте, где Москва-река впадает в Яузу».

– Восторженную рецензию на премьеру спектакля, который перенесли на неделю.

– Снимок известного футболиста. Подпись возвещала: такой-то с супругой. Но футболист красовался с… собачкой. Клише обрезали, а текст оставили.

– Поправку: «Факты статьи подтвердились, корреспондент строго наказан».

– Казус. В передовой статье дирекцию театра хвалили за умелый подбор пьес, а на второй странице ее же критиковали за бессистемную репертуарную политику.

Буря не разразилась…

«Первыми правильные ответы прислали…»

О, как ревностно следят за этой фразой многочисленные любители кроссвордов, ребусов и головоломок. Не зная друг друга, читатели соревнуются между собой в разносторонности знаний, сообразительности, быстроте присылки решений.

Но, упаси бог, ошибиться составителям отдела «В часы досуга». Хлопот не оберешься, пойдут письма, начнутся телефонные звонки, да и что говорить, откликов будет не меньше, чем на ошибку, допущенную в счете футбольного матча.

А между тем недавно на наши седые головы чуть было не обрушилось непоправимое горе. Мы висели на волоске от ошибки. Впрочем, «ошибка» не то слово.

К счастью, до читателя не донеслось даже отдаленное эхо той бури, которая разыгралась в редакции.

Подумайте, в спешке заверстали в полосу ответы на

кроссворд, который еще не был опубликован!

Редкостный экземпляр

Скажу без ложной скромности: я являюсь обладателем уникального номера газеты «Вечерняя Прага». Такого экземпляра вы не найдете ни в одном комплекте, ни в одной библиотеке мира, даже в самой столице Чехословакии.

История этого номера такова.

В один из мартовских дней 1970 года я был приглашен в Прагу на десятилетие газеты. Для главного редактора, недавно назначенного на этот пост, юбилейные дни были праздничными вдвойне. Он справлял свою свадьбу. Естественно, что и я оказался в числе его гостей. С интересом наблюдал я, как фоторепортер снимал новобрачных на всех этапах торжественной церемонии. И вот уже после всех официальных процедур гости сели за праздничный стол. В разгар веселья в ресторан, где происходило торжество, вбежали мальчишки с пачками газет. Они выкрикивали: «Экстренный выпуск „Вечерней Праги“!», «Экстренный выпуск „Вечерней Праги“!» Обходя столы, мальчишки раздавали газеты гостям. И прежде всего, конечно, виновникам торжества. Но что это? Главный редактор, раскрыв газету, побледнел и покрылся потом. Я тоже заглянул в «экстренный выпуск». Оказалось, что снимки, которые не так давно делал фотограф, украшали газетные полосы. Тут же были опубликованы репортажи, интервью, впечатления, поздравления и пожелания новобрачным. Вот так «сюрприз»!

Вскоре, когда тайное стало явным, виновник торжества облегченно вздохнул и засмеялся вместе со всеми. Сотрудники, отпечатав основной тираж газеты, заменили ряд фотографий и материалов и за свой счет выпустили сотню экземпляров экстренного выпуска, которые и пошли гостям как свадебные сувениры.

«Грачи прилетели»

Так называлась заметка фенолога. Ни у кого из нас она не вызывала сомнений. Но после выхода газеты один за другим, с интервалом в полчаса, раздались телефонные звонки.

Первый звонок:

– Алло! Редакция? С вами говорит профессор Николаев. Товарищи, откуда вы взяли, что грачи прилетели? Мы такого явления еще не наблюдали. Поторопились. Дней на двадцать, а может быть, и на все тридцать. Стыдно! Поглядите хоть в окно!

Мы кинулись к окну, но никто из нас толком не знал, как выглядят грачи, и у нас разгорелся жаркий и принципиальный спор.

Но тут раздался второй звонок:

– Вас беспокоят любители природы. Мы из кружка Дворца пионеров. Нам очень понравилась заметка. Только почему вы ее напечатали с таким большим опозданием? Мы в дневнике зафиксировали прилет грачей ровно неделю назад. Это совпадает с научными данными.

Спор разгорелся с новой силой. Из библиотеки были затребованы все книги, в которых освещалась грачиная проблема.

И в этот момент телефон прозвонил в третий раз.

– Какие же вы молодцы, товарищи! Как раз в тот день, когда вы оповестили о прилете грачей, я действительно увидел одного. Сердечное вам спасибо за правдивую информацию…

Но этот звонок мы пропустили мимо ушей. Один грач погоды не делает. Допоздна мы решали вопрос, заело профессиональное самолюбие. И все-таки отложили окончательный вывод на утро.

А утром мы узнали, что и в первом, и во втором, и в третьем случае звонил один наш давний знакомый – большой охотник пощекотать нервы. Могу даже раскрыть его инкогнито: известнейший композитор, народный артист СССР Никита Богословский.

Дорогая опечатка

Говорят, что венецианский типограф XV века Альд Мануций, прежде чем отпечатать тираж книги, вывешивал для всеобщего обозрения «Пробные листы», нечто вроде гранок, с тем чтобы каждый мог прочитать их и обнаружить ошибки. Книга должна быть безукоризненной. В наш век оперативной прессы такая схема устарела, но, увы, ошибки обнаруживают и в готовой продукции.

В Белграде выходят две вечерние газеты. Сотруднику одной из них удалось каким-то образом опередить конкурента и опубликовать в текущем выпуске номера самых крупных выигрышей только что проведенной лотереи. Вскоре в редакции раздался телефонный звонок. Человек взволнованно благодарил за радостную весть: он стал обладателем легкового автомобиля. Счастливец пригласил редакционного репортера, а заодно и его друзей отметить столь неожиданное событие в лучшем ресторане города.

Утром следующего дня выяснилось, что сотрудник в таблице перепутал одну цифру. И… машина автоматически перешла к

другому человеку. Торжествовал репортер другой газеты. Но тоже недолго. Спасая свою репутацию, редакция приобрела для своего читателя дорогостоящий автомобиль той же марки, который он накануне «выиграл» по неверному номеру.

А легкомысленный сотрудник отделался солидным штрафом. В нашей «Вечерке» до подобной ситуации дело не доходило.

Заголовок

Заведующий отделом писем докладывал на планерке о поступившей накануне почте.

Редактора заинтересовало письмо, в котором читатель жаловался, что водитель троллейбуса нагрубил ему.

– Какой заголовок дадим заметке? – спросил редактор.

– «Редкий случай на транспорте».

На редакционной летучке заголовок был признан лучшим материалом номера и отмечен премией. Повторяю, не заметка, а один лишь заголовок.

Личная точка зрения

Дежурный критик подробно разбирал номер газеты, не скупясь на похвалы. Зато, завершая свой обзор, он со вздохом сказал:

– Четвертая полоса меня огорчила, товарищи, она не оправдала моих надежд…

В тот день на последней полосе была опубликована таблица выигрышей денежно-вещевой лотереи.

Опровержение

Очередной телефонный звонок в редакцию:

– Сколько процентов правды должно содержаться в газетной заметке?

– Все сто.

– Тогда я требую опровержения.

– Что случилось?

– На пятнадцать суток меня осудил не Первомайский районный суд, а Москворецкий.

Опыт по кругу

Будучи гостем берлинской «Вечерки», я отметил для себя очень интересную творческую находку редакции: газета

рассказывала о судьбе выпускников одного класса. В поиск ребят, десять лет назад окончивших вместе школу, включились многие люди. Материалы печатались долгое время и вызвали большой творческий резонанс.

Вернувшись в Москву, я поделился опытом друзей со своим коллективом. Идея всем понравилась. Как раз в это время к нам в «Вечернюю Москву» пришло письмо учительницы-пенсионерки А. Колотиловой, которая интересовалась судьбой одного из своих выпусков двадцатилетней давности. Речь шла о 10 «А» 510-й московской школы. Что побудило ее написать в газету? Оказывается, на эту мысль ее натолкнула пьеса В. Розова «Традиционный сбор». Но так или иначе, спасибо учительнице за ее письмо.

Повторив опыт берлинских коллег, мы получили и опубликовали очень интересные материалы о жизни, работе, мечтах и духовном мире наших земляков. Причем в поиск включились не только москвичи, но и жители ряда городов страны, где трудились питомцы столичной школы. В заключение газета собрала за «круглым столом» бывшего классного руководителя и многих ее учеников.

Прошло время, и к нам в редакцию приехал гость – новый редактор берлинской вечерней газеты. На вопрос, что ему больше всего хотелось бы узнать, он протянул газету «Правда», которую он привез с собой. В этом номере отмечался интересный опыт нашей «Вечерней Москвы», рассказавшей о судьбе выпускников одного класса. Именно этот опыт больше всего и заинтересовал нового редактора берлинской «Вечерки».

Опустив глаза

Редактор имел обыкновение читать газету после ее выхода. Как-то утром он вызвал к себе сотрудника отдела информации:

– Кто вам дал право печатать всякую ерунду? Умеете ли вы ценить газетную площадь? Подумайте, что скажет о нас научный мир?

Сотрудник, опустив глаза, молча слушал.

– Вас придется снять с работы, – сухо закончил редактор.

– Сожалею, – спокойно произнес сотрудник, – сожалею, что вы сегодня снимаете меня с работы, проще было вчера снять мою заметку.

И редактору не осталось ничего другого, как признать правоту сотрудника.

Отрывок из повести

Редакция одного из «толстых» литературно-художественных журналов разрешила нам опубликовать отрывок из повести.

Сотрудник газеты, бегло пролистав повесть, выбрал, как ему казалось, сюжетно законченный эпизод. Некий молодой человек приезжает в незнакомый город. Идет по берегу реки и вдруг слышит крик: «Спасите!» Не раздумывая, парень бросается в реку и спасает школьницу.

В редакции отрывок понравился.

– Подадим его броско, – решили в секретариате, – закажем клишированный заголовок, рисунки…

Когда отрывок уже стоял в полосе, редактор вдруг спросил:

– Товарищи, а читал ли кто-нибудь всю повесть?

…Отрывок не увидел света.

Благородный поступок, совершенный героем, был единственным в сложной и запутанной биографии вора-рецидивиста. Да и бросился в воду он лишь для того, чтобы получить вознаграждение.

Да, трудно судить о произведении по отрывку, каким бы эффектным он ни был…

Что легче?

Автор принес очерк.

– Прочтите его при мне, – попросил он.

– А вы долго писали этот очерк? – поинтересовался редактор.

– Тридцать дней.

– Вот видите, а вы хотите, чтобы судьбу очерка я решил за тридцать минут!

Все же автор настоял на своем. Когда редактор дочитал последнюю страницу, собеседник спросил:

– Ну, как?

Разговор принял неожиданный оборот:

– Здесь четыреста строк… Какой гонорар вы рассчитывали получить? – спросил редактор.

– Я как-то об этом не думал, – уклончиво ответил автор. – Рублей двадцать…

– Отлично, – сказал редактор. – Тема устраивает. Герой очерка тоже. А рукопись очень слаба. Выбросьте ее в корзину и напишите другой очерк. Предельный размер – двести строк. Подойдет – заплатим сорок рублей.

Больше этого очеркиста мы не видели.

* * *

– Охотно напишу для вашей газеты статью. Обговорим ее размер. Думаю, что на семи страничках раскрою тему.

– Откровенно говоря, мы рассчитывали на другой размер.

– Больший? Меньший?

– Полагали, что трех страничек достаточно.

– Хотите меня скомпрометировать?..

– Отнюдь. Но лучше, чтобы короткую статью прочитали, чем на длинную только взглянули…

– Ну, вы еще скажете, что краткость – сестра таланта…

– Сказать не скажу, а подумать подумаю.

– Хорошо, напишу статью, только потребуется больше времени, недельки четыре.

* * *

Как-то Анатоль Франс сказал:

«…Когда мне говорят: «Напишите для нас, дорогой мэтр, сто или сто пятьдесят строк», – я всегда спрашиваю: «Сколько же написать, сто или сто пятьдесят, ибо это совсем не одно и то же?!»

Увы, далеко не всегда сотрудники редакции уточняют с авторами размеры будущих произведений. И получается: ждешь развернутого выступления – получаешь заметку; нужен короткий отклик – приносят фундаментальный труд. Вот на планерках и происходят бесконечные диалоги, подобные этому:

– Сколько «весит» материал?

– Триста строк.

– Сократите до восьмидесяти.

– Невозможно.

– Почему?

– И так «зарезали» вдвое.

– Да, но тема не заслуживает такого размера.

– Помилуйте, автор и так себя не узнает!

– Что же делать?

– Лучше совсем не печатать.

– Но тема все-таки нужна!..

Я что-то не припомню случая, чтобы автор потребовал от редакции сократить его материал в несколько раз. Ему кажется, что чем больше строк, тем солиднее. А читатель ценит мысли. Новые. И притом оригинальные.

Приметы

Сотрудники спортивного отдела газеты утверждали, что среди спортсменов больше всего любителей примет. Особенно среди шахматистов. В подтверждение приводили примеры.

Михаил Ботвинник во время турниров признавал только один способ передвижения. На каждую встречу шел пешком.

Михаил Таль, пока ему сопутствует успех, не меняет «везучего» костюма, галстука и… карандаша. Но стоит ему проиграть партию, как на следующую игру является в другом костюме, в другом галстуке, а в руках у него другой карандаш.

Случилось, однако, и такое, что поколебало у мастеров древней игры веру в приметы.

Однажды Борис Спасский, который никогда не читал во время турниров газетных отчетов о своих играх, отложил партию в чрезвычайно сложном для себя положении. Домашний анализ ничего не дал, партия представлялась проигранной. На следующий день на доигрывании он признал себя побежденным.

В кулуарах его соперник предложил проанализировать партию и доказал, что она была отложена в ничейном положении.

– Позвольте, – удивился гроссмейстер, – когда вы успели прийти к такому выводу?

– Сегодня утром, – ответил соперник. И, смущаясь, пояснил: – Видите ли, у меня есть примета. Я, как и вы, никогда не читаю газетных обозрений тех партий, которые не закончил. А сегодня, уверенный в том, что партия фактически выиграна мною, прочитал отчет о ней. И представьте себе, комментатор нашел единственно правильное решение, которое обеспечивало вам ничью… Признаюсь, если бы вы предложили мировую, я бы, не возобновляя игры, согласился.

Перепутал

Он выжидающе остановился в дверях – высокий, седой, с черными лохматыми бровями. Обаятельно улыбнулся и пробасил:

– Давайте знакомиться: Харцизский Иван Николаевич, художник. Вы соус «Южный острый» ели когда-нибудь?

Я пожал плечами.

– Так вот, этикетка на банке – мое произведение. Я пришел, впрочем, не по этому поводу. Буду откровенен до конца, как с лечащим врачом. Прежде чем изложить что к чему, я хочу поставить точки над «і». Я ни в чем не виноват.

Я слушал его, не перебивая.

– Моя первая жена была ужасной женщиной. Я прожил с ней целых пять лет, каждый год был сплошным кошмаром. В конце концов я был вынужден оставить ее и двух детей, а ведь я любил

их.

Полгода ходил как в тумане, пока не встретил Любовь Андреевну. Мне показалось, что я нашел то, что искал.

Она была отзывчива, скромна, интеллигентна, разбиралась в живописи. Но только один год. Потом я убедился, что жестоко обманут. Я полюбил эгоистку. Она кормила меня пищевыми брикетами, бульонными кубиками! Я сам стирал себе сорочки. Я стал опускаться, мое дарование зачахло. Короче, я вынужден был оставить ее и ребенка, которого по сей день люблю до безумия. Я ушел к Антонине Петровне. Лучше бы не уходил. Полгода совместной жизни с нею открыли мне глаза. Это был феодал в юбке. Она хотела превратить меня, художника, в подкаблучника. Я натирал полы, я сдавал стеклянную тару, я шинковал капусту!.. Я взбунтовался и ушел к Марии Николаевне. Лучше бы не уходил!..

Моя новая жена была соткана из противоречий и лжи. Поймите меня правильно: я не стяжатель, я не раб вещей, я, если хотите, раб любви. И я не могу вытерпеть лжи. Ну зачем она говорила мне перед женитьбой, что ей в наследство от покойного мужа остались библиотека, дача, машина? Библиотека оказалась покосившимся шкафом с несколькими десятками книг из тех, что букинистические магазины не принимают. Так называемая дача – просто развалившаяся сторожка. А машина? Старая инвалидная коляска, проржавевшая до дыр. И вот я спрашиваю вас: зачем было опутывать меня ложью?

– Простите, – прервал я наконец монолог, – зачем вы все это мне рассказываете? Что привело вас в редакцию?

– Как что? Фельетон! Я надеюсь, что после всего рассказанного мною вы фельетона обо мне не напечатаете.

Я проверил. В редакции такого фельетона не было. Он ушел успокоенный и удовлетворенный.

На следующий день в одной из газет я обнаружил фельетон под заголовком «Раб любви».

Вот что может натворить склероз…

Сверхоперативность

22 февраля на 4-й странице появилось объявление в траурной рамке: некая организация с глубоким прискорбием сообщала о смерти сотрудника, последовавшей 23 февраля.

Соболезнование почему-то выражалось только семье покойного.

Сила рекламы

Приятель редактора поместил в рекламном приложении к «Вечерке» объявление о том, что он продает гарнитур импортной мебели.

Жена друга капризничала: по ее мнению, гарнитур не подходил к новой квартире.

Напечатали. События развивались с быстротой молнии. Утром следующего дня приятеля разбудил телефонный звонок. Мягкий баритон попросил ответить на некоторые вопросы, называя мебель несколько фамильярно «она». Имеет ли «она» паспорт, нуждается ли в обновлении, почему «она» продается дома, а не через комиссионный магазин. Ответы, видимо, удовлетворили.

– Понятно, – прозвучало в телефонной трубке. – Бегу за машиной.

А потом пошли беспрерывные звонки. Поначалу владелец гарнитура подробно объяснял, что гарнитур вывезен, деньги получены. А звонки продолжались.

Редактор посоветовал подключить к телефону автоматического «секретаря». Записали лапидарный ответ: «Продано».

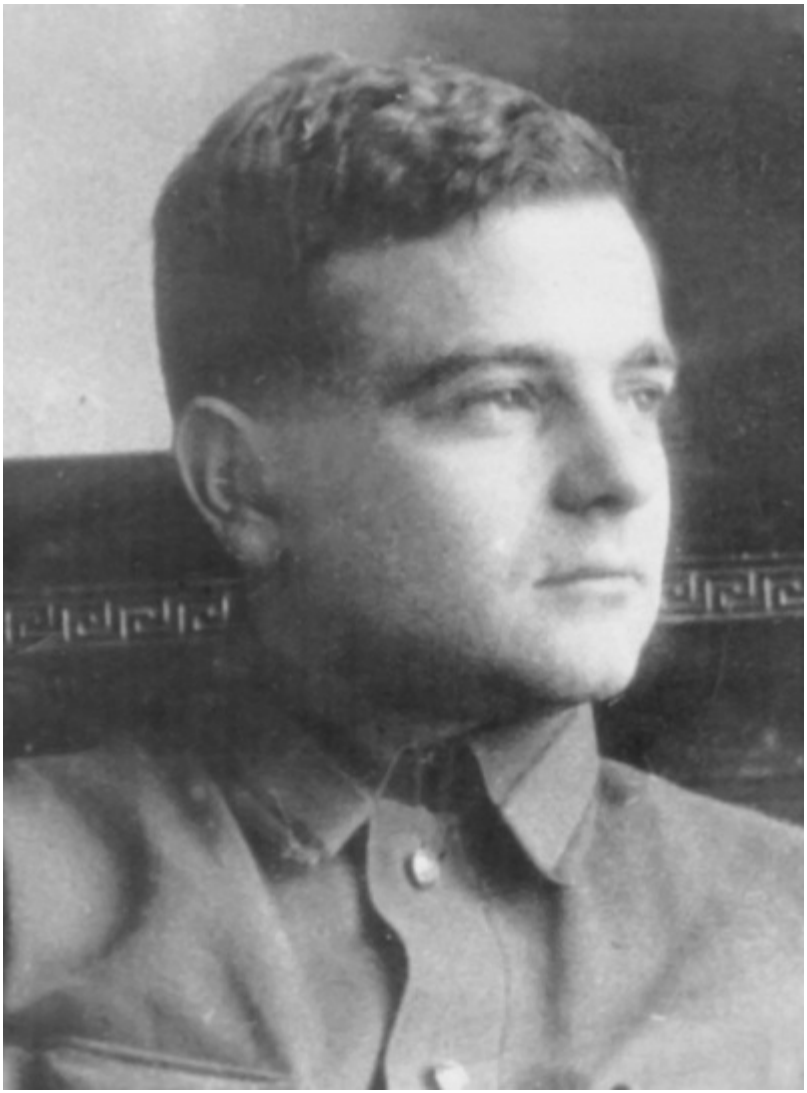
Посетив друга, редактор полюбопытствовал, как реагируют претенденты на ответы автомата.

– Послушай сам, – ответил хозяин дома.

Редактор поднял трубку и услышал старушечий голос:

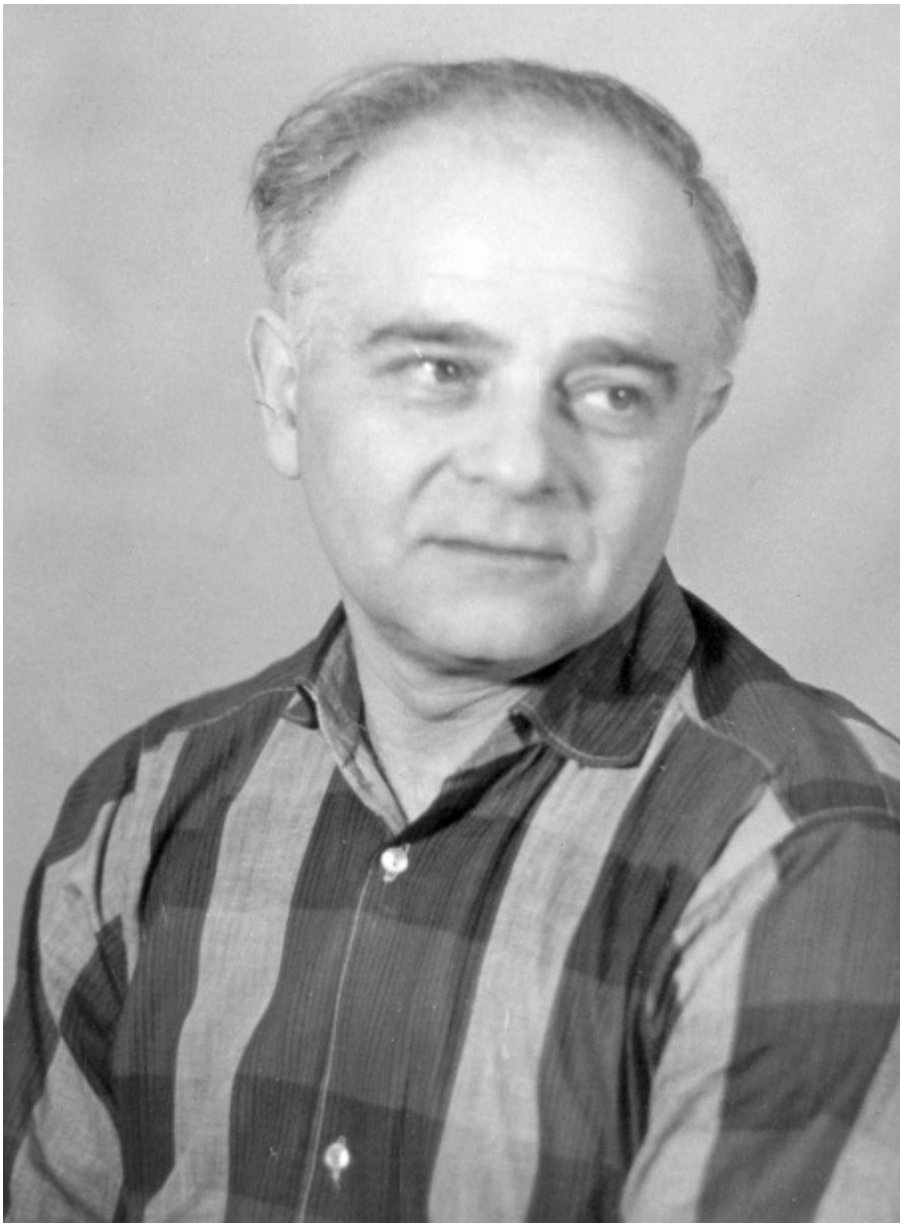
– Сыночек, в сотый раз слышу – ты говоришь «продано», а не отвечаешь, что именно?

Это была родная мама хозяина гарнитура…

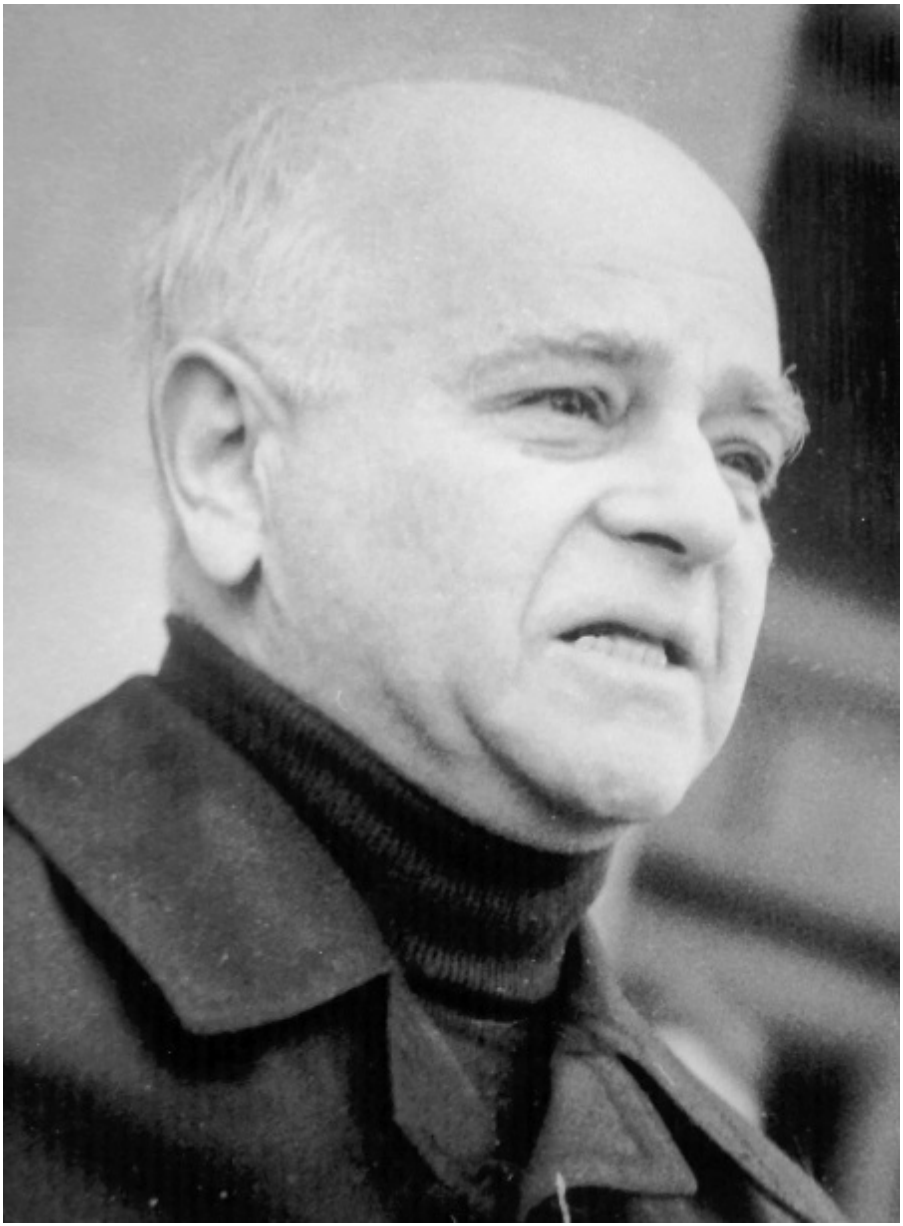


Военный корреспондент

Во время фронтовой командировки 1942 год



В газете «Московский комсомолец»



Редактор «Вечерней Москвы»

С Сергеем Михалковым в Карловых Варах

С Арамом Хачатуряном и Николаем Рыкуниным

Эстафета по Садовому кольцу на приз газеты «Вечерняя Москва».

Редактор поздравляет победителей.

С футболистами «Спартака». Рядом Константин Бесков.

С главным редактором «Вечерней Праги» Франтишеком Неблом

Внук унаследовал профессию деда.

Дмитрий Сидоров, специальный корреспондент «Коммерсанта» в Вашингтоне.

Совещание на лету

Этот полный, среднего роста человек с массивными роговыми очками на носу пришел в ту самую минуту, когда электрический

звонок возвестил о начале летучки. Летучками в редакциях называются совещания на лету, которые иногда длятся часами. На этот раз уложились в 75 минут.

Посетитель терпеливо ждал.

Редактор стал просить у него извинения.

– Неудобно получилось, я вас пригласил и заставил так долго ждать…

– Что вы, что вы, – добродушно сказал посетитель, – дело знакомое. Мы в поликлинике тоже проводим пятиминутки…

Совпадение

Утром я прочитал шутку Марка Твена:

«В первом номере новой газеты было напечатано письмо корреспондента за подписью «Постоянный читатель».

А вечером извлек из редакционной почты:

«Я не принадлежу к числу ваших читателей. И не понимаю людей, выстаивающих в очереди, чтобы купить свежий номер газеты. Не понимаю также, почему вы упорно игнорируете работу торговой сети, точнее, столов заказов. Давно по ним плачет фельетон. Доброжелатель».

«Спасибо, удружил!»

На доске объявлений появился новый приказ: «Литературного секретаря редакции освободить от занимаемой должности, как не справившегося с работой».

Через год этот самый сотрудник издал роман. Да такой, о котором все заговорили. Редактор получил в подарок книгу с такой надписью: «Спасибо, удружил!»

Талант убеждения

В каждой шутке есть доля правды. В этой тоже: не попадайся редактору на глаза – путь окажется короче.

Нашего редактора не всегда удавалось обойти стороной. Вот и сейчас, встретив в коридоре репортера, редактор сказал:

– Тебя ждет слава и премия.

– А что я совершил?

– Пока ничего. Но есть надежда… Что у нас через месяц?..

– Через месяц? Новый год!

– Правильно. Организуй короткое приветствие маститого писателя. Это украсит новогодний номер. Думаю, что за месяц ты управишься.

– Нелегкое дело. Маститые, они, знаете, неприступные.

– А за легкие дела ни славы, ни премии не бывает… Прошла неделя, пока репортер узнал номера домашнего и дачного телефонов писателя.

Наконец повезло! В трубке знакомый голос.

– Слушаю!

– Вас приветствует редакция…

– Благодарю. Чем могу быть полезен?

– Большая просьба… Напишите несколько строчек в новогодний номер… Что вы ждете от наступающего года? Что вы желаете нашим читателям?

– Хорошо, я подумаю. Позвоните через месяц.

– Через месяц! Это седьмого января…

– Лучше десятого. Я, знаете ли, медленно пишу, еще медленнее думаю.

Репортер не растерялся:

– Вот и прекрасно! Десятого мы пришлем вам курьера. Ваше поздравление напечатаем в новогоднем номере… будущего года.

…Через три дня маститый сам приехал в редакцию. Привез прекрасную новогоднюю миниатюру.

– Я хотел бы, – сказал он редактору, – познакомиться с репортером, который звонил мне по телефону. У него настоящий талант убеждения…

Тяжелый разговор

Редактору предстоял тяжелый разговор: как объяснить художнику, что в новом штатном расписании не предусмотрена его должность? Редактор начал издалека. Он говорил о том, что редакция давно знает и ценит его, что газета без остроумного рисунка, что харчо без перца, и так далее, и тому подобное…

– Увольняете? – мрачно спросил художник.

– Не смешно.

Упрямая информация

Пятистрочная, набранная нонпарелью информация, а сколько хлопот она принесла!

«Завтра, 22 октября, открывается выставка семи художников-маринистов. Экспонируется шестьдесят работ. Адрес выставки: Беговая улица, 21».

Заведующий отделом информации задержал заметку.

– Стоит ли анонсировать выставку? – сказал он. – Лучше сообщим о ней в день вернисажа.

Назавтра заметку вынул из номера ответственный секретарь редакции.

– Выставка открывается в 16 часов, – сказал он, – к этому времени газета уже выйдет, и мы не сможем проверить, открылась ли выставка или нет. Опубликуем заметку завтра.

На следующий день заметку снял дежурный редактор.

– Докатились! – проворчал он. – Сообщать о том, что произошло вчера, когда столько событий происходит сегодня.

Информация все же увидела свет. Недели через две на полосе сократили какую-то статью. Срочно понадобилось несколько строк на подверстку. Заместителю ответственного секретаря попалась на глаза гранка с непошедшей информацией. Он зачеркнул слова: «Завтра, 22 октября, открывается», – написал: «Открылась…» – и заверстал информацию под рубрикой «Коротко».

Все семь художников-маринистов подписались под письмом в редакцию. Они недоумевали, почему газета сообщила об открытии выставки после того, как она закрылась.

Удивил

Заместителя ответственного секретаря, редакции все считали у нас исключительно пунктуальным человеком. Он не пропускал ни одного материала, пока сотрудник не подтвердит ему правильность цифры, точность даты, цитаты…

Но вот однажды, в конце декабря, нужно было срочно сделать краткое вступление и подборке материалов, посвященных Новому году. Дело нехитрое. Редактор еще удивился, когда «король точности» вызвался сделать это сам. В авральной спешке его никто не проконтролировал. Газета вышла с подборкой, которая начиналась словами: «Через два-три дня наступает Новый год…»

О реакции сотрудников на эту сверхоперативность лучше не вспоминать. Скажу лишь, что еще долго в редакции воспроизводилась по разным случаям эта фраза: через два-три дня наступает Новый год. Особенно когда хотели проучить своего неаккуратного и неточного в работе товарища. Фраза действовала безотказно.

Уравновесил…

Шла планерка. Редколлегия определяла план очередного номера. Разгорелась, как обычно, ожесточенная битва за место на газетной полосе. Каждый заведующий вдохновенно доказывал, что материал его отдела самый оперативный, самый важный,

самый читабельный. Для непосвященного разговор на планерке мог выглядеть по меньшей мере странно:

– Поставьте директора обувной фабрики!

– Сколько еще лежать волейболистам?!

– Хорошо, укорочу балет…

От заметок, предложенных секретариатом, не осталось и следа. Казалось, страсти утихли. Но по обыкновению редактору захотелось снова «пройтись» по плану. И выяснилось, что на второй полосе одни только критические материалы.

– Начнем сначала, – сказал редактор и обратился к заведующему отделом науки: – А вы что притаились, вам что, нечего предложить?

– Почему же, есть! Критический материал можно уравновесить статьей ученого. О землетрясениях.

Цель достигнута

Идет редакционная летучка. Критик вышедшего номера докладывает:

– Сегодняшний номер газеты должен быть более веселым и даже остроумным. Но, право же, товарищи, именно сегодня отдел юмора в нашей газете ни у кого не вызвал улыбку.

– А номер какой обсуждаем? – неожиданно спросил редактор.

– Первоапрельский!

– Значит, все в порядке. Читатель ждал от нас чего-то оригинального, остроумного. А мы его разыграли…

Наш Дмитрии Павлович

Я был удивлен, когда в далекой Братиславе переводчик спросил у меня, не привез ли я случайно с собой из Москвы книгу стихов Дмитрия Зуева.

– Простите, но он никогда не был поэтом.

– То есть как это не был? Сошлюсь на авторитет великой русской актрисы Щепкиной-Куперник. Заполняя как-то анкету, на вопрос – «Ваш любимый поэт?» – она ответила: «Дмитрий Зуев».

– Может это однофамилец нашего бывшего сотрудника? – засомневался я. – А помните, не упоминала ли Щепкина-Куперник название книги?

– Ну как же, «Записки фенолога».

Я рассмеялся.

– Да, это не однофамилец. Это старейший сотрудник «Вечерней Москвы». Он действительно никогда не писал стихов. А Щепкина-Куперник, видимо, имела в виду поэтичность книги.

«Заметки фенолога» многие годы печатались на страницах газеты, а потом были собраны в отдельную книгу.

Переводчик – твои глаза и уши, когда находишься в зарубежной командировке, без него и шага не ступишь. Мы с ним быстро подружились. А тут еще нас сблизил

Зуев. Мой переводчик просил, чтобы я рассказал ему все, что знаю об этом человеке-легенде, выспрашивал все новые и новые подробности.

У нас в редакции над Зуевым все немножко посмеивались, но отзывались о нем удивительно тепло, если угодно, с оттенком эависти, гордились дружбой с ним.

Как он выглядел? Копна седых волос, в правом глазу – неизменный монокль, с которым, казалось, он не расставался ни днем, ни ночью. Любил почудить. Уже немолодой человек, будь то дома или в редакции, он залезал на стол и прыгал с него, приговаривая: «Следи за моноклем». А тот, словно приклеенный, прикрывал глаз. Летом ходил в старом, поношенном пиджаке, зимой – в видавшем виды распахнутом пальто. Всегда при нем была авоська, нет, не с продуктами, а с множеством старых газетных полос. Авоська заменяла ему портфель, в ней он хранил свою будущую книгу. Зуеву в газете отводилось строк 70–80, ну в крайнем случае сто. Он же выкладывал на редакторский стол пятисотстрочные обозрения погоды. Если случалось, что в номер его заметка не попадала, сердился, вбегал в кабинет к редактору с криком:

– Совсем тут зазнались, обюрократились! Заполняете полосы макулатурой, дребеденью, а высокую литературу «Заметки фенолога» маринуете. Стыдно, да и только!

Правил его материал заместитель ответственного секретаря. Если Зуев не соглашался с сокращениями, он демонстративно хлопал дверями и убегал со словами: «Никого не желаю видеть». Заместитель ответственного секретаря, мы его называли «Митькин дублер», обреченно садился за письменный стол и писал за Зуева так похоже, что порой и сам Зуев сомневался, кто истинный автор.

Заходя в машинное бюро, Дмитрий Павлович актерски поставленным голосом возвещал: «Встречайте, явился». В эту минуту все смотрели друг на друга с надеждой, что не тебе предстоит печатать. Почерка Зуева разобрать никто не мог, а сам он диктовал свои материалы нараспев.

Зуев ориентировался в лесу лучше, чем в городе. Он обладал таким богатым запасом знаний и впечатлений, что мог писать свои поистине художественные миниатюры, не выезжая за город.

В первые послевоенные годы сотрудники редакции по

воскресеньям любили коллективно выезжать в уютный подмосковный дом отдыха.

Неизменно с ними бывал и Дмитрий Павлович. Он вставал позже других и первого встречного спрашивал:

– Скажи, пожалуйста, ты давно на ногах?

– Да, часов с семи.

– А не помнишь, облачка были?

– Что-то не припомню, было довольно пасмурно, а потом и солнышко выглянуло.

Этого было достаточно, чтобы Зуев сочинял очередную миниатюру…

И родился М. Вечеркин

– Алло, редакция? Попросите, пожалуйста, к телефону Вечеркина.

– Кого, кого?

– Вечер-ки-на. Не знаю, как его зовут: Максимом, Матвеем, Михаилом, но фамилию называю правильно.

– Что ответить? – спросила меня секретарь.

«Что ответить?» – повторил я про себя. Честно говоря, такого оборота дела я не предполагал, а времени на раздумье не было: абонент ждал у телефона.

Я сказал:

– Попросите товарища позвонить фельетонистам, они в курсе дела.

Так кто же он, М. Вечеркин?

С чего началась в нашей редакции служба этого необычного фельетониста?

Впрочем, с чего началось, теперь уже точно и не припомнишь. В редакции часто бывает так, что трудно вспомнить, кто первый подал идею. Трудно потому, что нередко от первоначальной задумки не остается и следа. Но тем не менее спасибо человеку, который первым сказал «а». Спасибо за то, что подал мысль. Кто-то тут же сочтет предложение типичным бредом, кто-то, наоборот, категорически заявит, что оно гениально, кто-то, поддержав и первого, и второго, уныло заключает: «Это уже было». И вот так, перебивая друг друга, что-то добавляя, нередко позабыв, с чего, собственно, все началось, журналисты дают жизнь новой газетной рубрике.

В данном случае мы были неоригинальны, породив М. Вечеркина. В «Известиях» несколько лет назад публиковались «Удивительные истории» Пантелеймона Корягина, который был собирательным псевдонимом двоих журналистов. У нас в газете

за спиной Вечеркина должны были стоять разные авторы, работающие в сатирическом жанре. Хотелось, чтобы придуманного нами фельетониста окружали повседневные дела, заботы, которые несет всем нам столичная жизнь с ее темповым бытом, радостями, тревогами. Вместе с москвичами Вечеркин должен был утренним автобусом, трамваем, поездом метро отправляться на работу, а после работы – в магазин за продуктами, в гости, в кино или в театр. Его характер, привычки предполагали желание отдать час-другой телевизору, поболеть за любимую команду на стадионе, перемолвиться словечком с соседом во дворе, быть в курсе дел своего дома, улицы. Всегда ему предстояло занимать активную позицию, бороться за то, чтобы жизнь москвича становилась лучше, быт – удобнее, уютнее. Чтобы не только по долгу службы, но и по складу характера наш М. Вечеркин с интересом выслушивал, как бы сидя за семейным ужином, отчет о прожитом дне, жданных и нежданных встречах, разных событиях.

Раздавались голоса, предостерегавшие от «этой затеи». Говорили, что М. Вечеркин – фигура стенгазетная, что вообще такие приемы в журналистике отжили свой век и несозвучны нашим дням. Утверждали, что горожане с их рационализмом не воспримут выдуманного всезнающего и всеобсуждающего. В конце концов споры закончились. Решила редколлегия: «Вечеркину быть!»

Оставалось подобрать ему имя и внешность. Пока что он звался просто М. Вечеркин. Фамилия эта возникла, как нетрудно догадаться, из сокращенного названия газеты «Вечерка». А инициал «М» подразумевал, что он москвич.

Чтобы читатели могли представить себе, как выглядит наш новый корреспондент, художникам дали задание изобразить его внешность. Поступило почти сто эскизов. Один из них стал прообразом энергичного, всюду успевающего журналиста, который уже более 10 лет появляется на страницах вечерней газеты.

М. Вечеркин оказался бойким молодым человеком в очках, с карандашом в руках, с повязкой с надписью «ВМ» на правой руке. Впервые появившись перед москвичами 27 января 1976 года, он обратился к ним с таким приветствием:

Будем знакомы! Здравствуйте, дорогие читатели!

Разрешите познакомиться: меня зовут М. Вечеркин, и выгляжу я точно так, как нарисовал м. еня художник. Я – фельетонист. Мне поручена в газете постоянная рубрика.

Как известно, рубрик в газете нем. ало. Особенность же этой заключается в том, что все факты и все темы ее будут

подсказаны вашими письм. ами. По сути дела, фельетоны мы будем писать вместе с вами. Так что пишите нам, дорогие друзья, пишите для новой рубрики, пишите мне – М. Вечеркину.

В тот же вечер раздался первый телефонный звонок, который озадачил дежурного секретаря и о котором я рассказал вначале.

На другой день пришло несколько писем, а затем почта стала приносить все больше и больше конвертов с пометками: «М. Вечеркину (лично)», «Товарищу Вечеркину». Одни обращались к нему на «ты», другие – уважительно на «вы».

Вечеркин сразу дал понять, что, сообщая о принятых мерах, он не терпит фальши, формализма, что он имеет обыкновение проверять, действительно ли «принятые меры» приняты. Под его рубрикой появились свои «По следам наших выступлений»: «Вечеркину ответили», «Вечеркину не ответили», «Вечеркину ответили, но…».

М. Вечеркин придерживается правила писать коротко, называет виновных по фамилии, указывает адреса. Он завоевал свое место в газете, и, думается, ему уготована долгая творческая жизнь. А сколько удивительных историй произошло с ним! Вот одна из них, о которой стоит рассказать.

…Однажды у меня раздался звонок.

– С вами говорят из мебельного магазина. Докладываем, что просьбу вашего сотрудника мы наконец выполнили.

– Какую просьбу, какого сотрудника?!

– Просьбу о приобретении дефицитного гарнитура «Капри» в темном исполнении. К нам поступил один-единственный экземпляр, и, хотя на него была давняя очередь, мы из любви к родной газете уважили просьбу ее главного сотрудника. Мебель будет доставлена к нему сегодня же.

– Простите, о каком сотруднике речь?

В трубке вежливо рассмеялись.

– О вашем. О товарище Вечеркине.

– У нас нет такого сотрудника. Это псевдоним.

– Конечно, конечно, мы же понимаем, что в «Вечерке» он Вечеркин, а настоящая его фамилия – Ковалев. Тоже Михаил.

Ситуация складывалась далеко не анекдотичная. Нужно было докопаться до корней, и поэтому я спросил:

– Он что, сам к вам приходил? Лично?

– Нет, мы его пока не видели. Он очень занят. Но его жена Ковалева Валентина Сергеевна уже несколько раз наведывалась.

– Чья жена, Вечеркина?

– Я же говорю, Ковалева. Лично паспорт проверил. И штамп в паспорте. Муж точно: Ковалев Михаил Илларионович.

Дело принимало фельетонный оборот. Упустить случай,

который сам плыл в руки, было нельзя. И я попросил директора не отгружать гарнитур до приезда самого товарища Вечеркина. Пусть это станет сюрпризом и для гражданки Ковалевой…

В условленный час в магазин был направлен М. Вечеркин в пяти лицах. Мы могли бы послать и больше, но всех «Вечеркиных» сразу собрать не удалось.

Мне потом передавали в лицах картину нежданной встречи предприимчивой гражданки со своими пятью «мужьями». Не хуже немой сцены в «Ревизоре».

Словом, замечательный фельетон вызрел у пятерых «Вечеркиных» и просился на бумагу, но… но он все же не был опубликован. Дело в том, что о мебельной «эпопее» Ковалевой не знали ни ее муж, серьезный и честный человек, фронтовик, ни ее сын, призывавшийся в армию. Фельетон вольно или невольно положил бы пятно и на честь ни в чем не повинных людей, ибо гарнитур – дело семейное.

Та отповедь, которую в редакции в присутствии пяти Вечеркиных учинили Ковалевой ее муж и сын, была результативней любого фельетона.

– Вы преподали мне урок до конца жизни, – плача, признавалась виновная.

А это мне рассказали: Арам Хачатурян

Однажды на отдыхе мы встретились с Арамом Ильичом Хачатуряном в одном санатории. Узнав, что я коллекционирую редакционные улыбки, композитор сказал:

– Тогда запишите и мою, если подойдет.

На мой вопрос, какое отношение имеет Арам Ильич к газетной кухне, тот ответил: самое прямое. Но не самое радостное. И вот что рассказал:

– Однажды очень уважаемая газета попросила меня выступить на важную тему: о молодых, подающих надежды композиторах. Поскольку тема волновала и меня, я дал согласие. Несколько недель я специально ходил на концерты, посещал занятия в консерватории, встречался с педагогами. В результате родилась статья-раздумье. В ней я особенно отметил одно молодое дарование, у которого был, что называется, свой почерк, своя манера письма… Статью напечатали мгновенно, но… лучше бы она не выходила. Главный абзац – о молодом оригинальном даровании почему-то выпал. Передо мной извинились, но поправку печатать не стали, видимо, берегли честь мундира…

Мне не оставалось ничего другого, как напечатать этот абзац,

но уже в другой статье и в другом издании. И, представьте, эффект от этой маленькой заметки был гораздо большим, чем от статьи. С тех пор, когда я вижу большие статьи, я невольно думаю: а нельзя ли было их сократить до одного, но самого главного абзаца? И дело бы от этого только выиграло.

Ираклий Андроников

– Телевизионная передача, – рассказывал как-то мне Ираклий Андроников, – шла из квартиры Горького. Я выступал в роли экскурсовода. Мне хотелось как можно ярче рассказать о вещах, окружавших Алексея Максимовича. К счастью, сохранились граммофонные пластинки, которые по вечерам любил слушать Горький. Я решил включить в программу одну из песен в исполнении Шаляпина. Когда наступило время поставить пластинку на диск, помощник режиссера вдруг побледнела, стала делать какие-то странные движения руками, во все стороны мотать головой и что-то шептать.

Я поймал себя на мысли, что говорю об одном, а думаю о другом. И тут я вспомнил: в сети нет нужного напряжения, пластинка будет вращаться в замедленном темпе, если ее поставить, то послышится треск и шум, и кто тогда поверит, что этот треск и шум любил по вечерам слушать Горький? А между тем я уже держу эту злополучную пластинку и вот-вот должен назвать песню и ее исполнителя.

Теперь уже все, кто занимался передачей и не входил в кадр, ожесточенно жестикулировали. Один стоял у розетки и, как ему, вероятно, казалось, яснее ясного сигнализировал мне: не ставь, Андроников, пластинку; другой держал руку у горла, полагая, что я пойму: голос не звучит; третий сложил руки крест-накрест, давая мне понять: поставишь пластинку – все пропало.

Неожиданно для самого себя я нашел выход. Я попросил показать пластинку крупным планом и сказал: «Вот эту пластинку любил слушать по вечерам Алексей Максимович. Можно сейчас поставить эту пластинку, а можно ее и не ставить. Пожалуй, лучше сделаем это в другой раз».

Я посмотрел в сторону товарищей. Все они, словно сговорившись, посылали мне воздушные поцелуи.

После передачи мне говорили, что я держусь перед телекамерой удивительно просто и естественно. Друзья, вероятно, не догадывались, какой ценой далась мне эта кажущаяся простота.

Борис Ефимов

… Дул злой ледяной ветер, и свирепствовал крепкий мороз, когда я вышел к самолету, совершившему посадку во Внуковском аэропорту. В Москву прибывал из Копенгагена всемирно известный карикатурист Херлуф Бидструп, сатирическое и юмористическое искусство которого было мне давно и хорошо известно. И я с большим удовольствием принял на себя поручение встретить гостя, приветствовать его от имени советских коллег и проводить в гостиницу.

Самолет приземлился. Застегнув шубу на все пуговицы и поглубже надвинув шапку, я двинулся навстречу прилетевшим пассажирам, среди которых сразу опознал Бидструпа по его автошаржам. К моему ужасу, на нем была легкая спортивная кепочка и дождевой плащ.

– Но вы же простудитесь! – завопил я. – Скорее в помещение!

– О, ничего, ничего, – ответил он, невозмутимо улыбаясь, – мне совсем не холодно.

Тем не менее только основательно отогревшись в буфете аэровокзала, мы поехали в город. Помнится, что уже в машине по пути в гостиницу я успел рассказать

Бидструпу об огромном успехе последнего сборника его юмористических рисунков, изданного в Москве, и, в частности, о том, что продавцы большого книжного магазина, устав отвечать на бесконечные вопросы покупателей, вывесили над прилавком наспех написанный и потому не очень точно сформулированный лаконичный плакат: «Бидструпа в продаже нет».

– Вам это доподлинно известно? – спросил меня гость.

– Разумеется.

– Видели своими глазами? – продолжал интересоваться Бидструп.

– Ну, не своими, а глазами друга, уважаемого журналиста.

– Хотел бы все услышать из его уст.

…Тут в ситуацию невольно оказался вовлеченным и автор этих строк. А дело было так. Устроив коллегу в отеле, Борис Ефимов позвонил мне, попросил меня заехать в магазин, чтобы привезти на память Херлуфу столь неожиданное объявление. На операцию понадобились считаные минуты. Узнав, что идею подал заведующий секцией, а осуществил ее продавец, я пообещал обоим автографы самого художника, если они подарят мне плод своего плакатного творчества. При мне оперативно вывесили новое объявление: «Альбомов

Бидструпа в продаже нет», – а курьезный плакатик я передал Бидструпу как сувенир. Впоследствии он повесил его в своей мастерской.

Впрочем, по большому счету абсолютно правильным был и

первый плакат, если вспомнить начало творческой биографии Бидструпа, когда его не соблазнили щедрые посулы датских буржуазных газет, весьма заинтересованных в сотрудничестве молодого, талантливого и уже популярного карикатуриста. Однако Бидструпа не удалось купить. Он предпочел скромную, во много раз меньшую оплату в коммунистической газете «Ланд ог фольк», в которой работает с момента освобождения Дании от гитлеровского ига.

Да, «Бидструпа в продаже нет». Неподкупна его сатирическая муза.

Рубен Симонов

Вахтанговцам не раз случалось выступать за рубежом. И повсюду – в день или накануне дня поднятия занавеса – устраивались встречи с журналистами.

Легко понять, какой дополнительный груз ложится на плечи художественного руководителя! И хотя такие пресс-конференции не в диковинку, они всегда вызывают волнение: как сложится разговор, удастся ли покорить слушателей (ведь шуткой здесь не отделаешься и от прямого вопроса не уйдешь).

Рубен Николаевич Симонов рассказал мне об одной такой пресс-конференции. Она состоялась в 1961 году в Париже, когда вахтанговцы участвовали во всемирном театральном фестивале.

– Большое фойе «Театра Сары Бернар» было переполнено. Собралось около четырехсот представителей газет, радио, телевидения.

В вопросах недостатка не было. Журналистов интересовала система Станиславского, своеобразие вахтанговской школы, суть социалистического реализма, над чем работают популярные во Франции советские режиссеры и актеры. Я отвечал с увлечением.

И вот, когда, казалось, уже можно было произнести традиционное: «Спасибо за внимание», – какой-то человек, сидевший в третьем ряду, элегантно одетый, на вид лет пятидесяти, с моноклем, тихим голосом сказал на чистом русском языке:

– Я с вами не согласен, господин Симонов, вы говорите о направлении вахтанговского театра, о гармоническом сочетании содержания с формой, о культуре актера, обладающего безупречной внутренней и внешней техникой, а я считаю, что театр вообще должен быть абстрактным…

– Это вопрос или реплика? – спросил я.

– И то и другое, – коротко ответил оппонент.

Слово за слово, и я узнал, что инициативу пытался взять в

свои руки русский эмигрант, художник-график. Он еще до Великого Октября иллюстрировал Блока. Значит, ему не 50, как мне показалось, а добрых 70 лет. Стреляный воробей!

Началась пикировка. В такие минуты очень важно сохранить спокойствие и призвать на помощь чувство юмора. Судя по реакции зала, мне удалось и то и другое. От вопроса к вопросу я стал по очкам выигрывать у своего собеседника. И тогда он, судя по всему, пустил в ход последний козырь:

– А знаете ли вы французский театр?

– Знаю, и, как мне кажется, неплохо.

Я заговорил о спектаклях, которые видел в разные годы на французской земле и советских сценах, о встречах с Жаном Вилароом, вспомнил о балетах, которые видел в 1960 году в Париже, в Гранд-Опера, с талантливыми декорациями Марка Шагала.

– Если вы хвалите декорации Шагала, то начинаете мне нравиться.

– О, когда вы узнаете меня поближе, то окончательно влюбитесь.

Раздались аплодисменты, и дискуссия окончилась.

В день премьеры «Иркутской истории», через несколько лож от моей, занял место мой недавний оппонент.

Публика, поначалу настороженная и холодная, все больше добрела от картины к картине, и первый акт завершился бурными аплодисментами. Готов биться об заклад, что в зале не осталось равнодушных! За исключением человека с моноклем.

Посмотрели бы вы, однако, на него спустя полтора часа! Он сильнее всех аплодировал и громче всех кричал: «Браво!»

А затем пришел за кулисы, жал руки актерам, целовал их и… плакал. Плакал, не скрывая слез.

Арутюн Акопян

Народный артист СССР, победитель многих конкурсов факиров Арутюн Акопян по моему совету стал записывать любопытные истории из своей гастрольной жизни. Некоторые из них я затем взял в свой блокнот «Редакционные улыбки»…

Раз в году – в апрельский день своего рождения – Акопян позволяет себе, как он говорит, небольшую шалость. Однажды, во время гастролей во Франции, где актеры его профессии пользуются особой популярностью, случилась неприятность: у него засорился глаз, а до выступления в телевизионной гран-программе осталось не больше часа. Попытки своими средствами справиться с недугом были бесполезны. Ясно, что без окулиста не

обойтись. Переводчик привел его к местной знаменитости. Стояла жара, окна раскрыты.

Акопян достал из граненого стакана градусник, и… все отчетливо увидели, как он со всей силой швырнул его за окно. Потом тем же путем он отправил на улицу какой-то хрупкий прибор со стола доктора.

Тот схватился одной рукой за голову, другой – за сердце и закричал:

– Это стоит тысячи франков!.. Больному нужен не окулист, а психиатр!..

В шоке был и переводчик. Он даже сделал попытку остановить Акопяна. Но Арутюн Амаякович, улыбнувшись, водрузил на место и термометр, и прибор. И потом уже сел в кресло.

– Вы и есть мистер Акопян? Денег я с вас не возьму. Но автограф оставьте. И еще: позвоню знакомому репортеру, пусть напишет, что в трудную минуту великий фокусник обратился ко мне. Лучшей рекламы мне и не снилось…

В другой раз и в другой стране Акопян отправился на базар, который считается здесь самой большой достопримечательностью.

Подошел к женщине, торговавшей яйцами:

– Свежие?

– Весь товар свежий.

– Я уплачу за три штуки, чтобы удостовериться.

Разбил яйцо и на глазах у торговки вынул… золотое кольцо. Достал белоснежный платок, протер кольцо, разбил второе яйцо, и история повторилась. Группа людей, оказавшаяся рядом, не верила глазам своим. А Акопян вытащил и из следующего яйца новенькое кольцо. За считаные минуты образовалась очередь за покупками. Но хозяйка проворно накрыла фартуком корзину, сообщив, что торговать более не будет. И стала лихорадочно разбивать одно яйцо за другим, но, естественно, безрезультатно. А толпа росла. Подоспел страж порядка.

– Кто оплатит мне убытки? – вопила женщина.

В разделе «Хроника» газета сообщила об этом происшествии, сделав оригинальный вывод: человек приобрел яйца, по закону мог сделать с ними все, что ему заблагорассудится, тем более что ни один человек не пожаловался на пропажу каких-либо драгоценностей.